W 521/220.

ЭБ

ЭБ

Книга вся
исписана.
последняя
страница
исписана

ЛОЖЪ

и

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ.

Виктора Жоли,

редактора Бельгійскаго журнала Санхо.

[illegible] типографіи А. [illegible]

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Дмитріева.

18[illegible].

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 26 сентября 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
35353-44

Сочиненіе, которое мы предлагаемъ русской публикѣ, имѣло огромный успѣхъ на Западѣ, несмотря на то, что оно находится въ открытой войнѣ съ истинами, проповѣдуемыми въ Наполеоновскихъ и Пальмерстоновскихъ журналахъ. Г. Жоли есть одинъ изъ самыхъ горячихъ и умныхъ защитниковъ дѣла Россіи въ Восточной войнѣ: вся книга его исполнена соли и горечи, когда онъ говоритъ о той маскѣ покровительства просвѣщенію и успѣху, которую дерзновенно надѣли на себя Англійское и Французское правительства, принявъ на себя защиту варварства, меркантильныхъ и династическихъ интересовъ. Это сочиненіе весьма популярное и пріятное для легкаго чтенія, потому что авторъ, благодаря своей обширной образованности, обогатилъ его самыми разнообразными историческими примѣрами и сближеніями. На все это онъ наложилъ печать своей оригинальности, то наивной, то восторженной, но всегда увлекательной. Вслѣдъ за этою первою книгою мы представимъ и вторую.

Перевод.

Никита Евдокимовичъ БЕЛОУСОВЪ

ЛОЖЬ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ БЕЛЬГІЙСКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Посреди мрака, которымъ былъ окруженъ съ самаго начала этотъ странный Восточный вопросъ, — мрака, который иностранные журналы постарались сдѣлать еще болѣе густымъ,— пріятно видѣть писателя, старающагося освѣтить лучемъ истины этотъ страшный обманъ. Одинъ Бельгійскій журналъ, *Санхо*, съ самаго начала борьбы, сорвалъ маску самоотверженія, безкорыстія и пропаганды образованности съ честолюбія, лживости и жадности. Онъ разсмотрѣлъ добросовѣстно, съ той и другой стороны, причины, побудившія европейскія державы возжечь этотъ пожаръ, угрожающій своимъ распространеніемъ цѣлой Европѣ. Авторъ этой книги проникъ до самой глубины этой невѣроятной мистификаціи, которою двуличная Англія обманула цѣлую Европу. Оцѣнивъ должнымъ образомъ столь прославленное преобладаніе Россіи и такъ называемые успѣхи исламизма, онъ указалъ на распространіе британской торговли, какъ на тайную причину, побудившую холодную и разсчетливую націю броситься во всѣ опасности столь разорительной войны и увлечь за собою французское правительство, которое чувствовало необходимость, во что бы то ни стало, отвлечь общественное вниманіе отъ дѣлаемыхъ имъ злоупотребленій.

Онъ разсмотрѣлъ требованія Россіи и недѣйствительность мѣръ, предпринимаемыхъ Портою, для защиты своихъ христіанскихъ подданныхъ противъ мусульманскаго фанатизма; — онъ представилъ Грецію, возставшую съ мрачною энергіей, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, противъ своихъ жестокихъ угнетателей, и снова упавшую въ могилу, вырытую французскими солдатами, ея прежними товарищами по оружію противъ общаго врага. Онъ изобразилъ Англію—вооружающеюся съ самаго начала съ необыкновенною дѣятельностію,—Францію—сперва нерѣшительною, и потомъ уступающею доводамъ своей новой союзницы, — Австрію и Пруссію—защищающими свой нейтралитетъ силою оружія: первую, для того, чтобы предоставить событіямъ заботу рѣшить, какъ дѣйствовать въ столь затруднительномъ положеніи; а вторую представилъ онъ откровенною и искреннею, готовою защищать себя и другія меньшія державы отъ требованій—принять дѣятельное участіе въ войнѣ, не скрывая въ то же время своей симпатіи къ Россійскому Императору и своей неохоты служить интересамъ англійской торговли или Бонапартовой династіи. Когда наконецъ борьба началась, послѣдовали трагическія событія. Авторъ изобразилъ ихъ слогомъ поэтическимъ, оригинальнымъ и полнымъ увлеченія. Въ то время, когда безпокойная Европа, страдая вся вообще отъ этой колоссальной борьбы, старается съ нетерпѣливымъ любопытствомъ разгадать тайну будущаго и уразумѣть, сколь возможно яснѣе, смыслъ настоящихъ событій, эта книга можетъ пролить нѣсколько свѣта на то и другое.

I.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Мы живемъ въ странное время. Историческія преданія разрушены, интересы получили другое направленіе: врагамъ подаютъ руку, и готовятся разстрѣливать своихъ друзей; надъ Евангеліемъ клянутся спасти Коранъ и разрушить крестъ. Наслѣдники Людовика святаго и Ричарда Плантагенета вооружаютъ своихъ воиновъ и расточаютъ свои сокровища, чтобы спасти этотъ издыхающій исламизмъ, съ которымъ Европа боролась въ продолженіе четырехъ вѣковъ, оставивъ на поляхъ Палестины и Египта болѣе двухъ милліоновъ труповъ. Исторія не имѣетъ болѣе смысла, и политическія преданія народовъ, вмѣстѣ съ логикою, уже не имѣютъ никакой цѣны.

Странная война, полная непроницаемыхъ тайнъ и непредвидимыхъ запутанностей! Англія, страна спокойная, холодная, для которой война есть вопросъ цифръ и торговаго баланса, получаетъ страстную охоту къ сраженіямъ, какъ какой нибудь Арабъ, трепещущій отъ счастія, при мысли о боѣ. Франція, отечество воинственныхъ и героическихъ преданій, народъ, который, услышавъ сигналъ къ войнѣ, нетерпѣливо ожидаетъ ее,—Франція приготовляется къ войнѣ

слабо, медленно, безъ страсти, безъ увлеченія. Какъ будто бы она безотчетно чувствуетъ, что дѣло идетъ объ интересахъ ея старой непріятельницы, а не о ея собственныхъ, и что наконецъ она играетъ очень смѣшную роль, стараясь остановить Россійскаго Императора, угрожающаго дорогѣ въ Лагоръ и Индію, гдѣ одно пораженіе можетъ разрушить тотъ огромный колоссъ, который называютъ британскою имперіей.

Но Англія, напротивъ, понимаетъ, съ какимъ непріятелемъ она вступаетъ въ борьбу. Она возбуждаетъ противъ него первоклассную военную державу въ Европѣ, и грозитъ тѣмъ, которые отказываются присоединиться къ ней, для защиты ея интересовъ и существованія, зажечь удобовоспламеняемые элементы, скрывающіеся въ нѣдрахъ Пруссіи, Австріи и Франціи.

И посреди этого страшнаго хаоса, въ которомъ муфти, раввины и патріархи молятъ Магомета и Моисея спасти дѣтей мединскаго пророка, Султанъ не замѣчаетъ, что его друзья опаснѣе враговъ, и что онъ ускоритъ паденіе своей имперіи, уже потрясенной со всѣхъ сторонъ, принимая въ нѣдра мусульманской, неподвижной и преданной фанатизму Турціи двухъ главныхъ представительницъ западной цивилизаціи, Англію, представляющую собою дѣятельность промышленную и завоеваніе, и Францію, олицетворяющую религіозный скептицизмъ, политическій атеизмъ и отрицаніе всякой власти.

Мы думаемъ, что Абдулъ-Меджидъ серьёзно бы задумался, еслибы какой нибудь календеръ остановилъ его лошадь, чтобы расказать ему слѣдующую повѣсть:

У одного эффенди былъ садъ, довольно запущенный: иногда дѣлала на него набѣги стая русскихъ зайцевъ, истребляя въ немъ капусту, горохъ и бобы. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ противъ нихъ разное оружіе; но ничто не приносило пользы. Потерявъ терпѣніе, онъ обратился къ своимъ друзьямъ въ Френгистанѣ, искуснымъ охотникамъ, и опытнымъ ловцамъ, чтобы они избавили его отъ этихъ зайцевъ.

Они обѣщали ему помочь, и пріѣхали къ нему съ безчисленнымъ множествомъ борзыхъ собакъ, ловчихъ и охотниковъ, людей съ прекраснымъ апетитомъ и легкою нравственностію. Эффенди запиралъ своихъ женъ; они ему доказали, что это смѣшно, и пришли къ нему ужинать прямо въ гаремъ.

Слуги эффенди думали, что Магомётъ получилъ Коранъ съ неба черезъ ангела Гавріила, и что однажды онъ спряталъ луну въ свой рукавъ; друзья доказали этимъ слугамъ, что Магометъ былъ обманщикъ, интриганъ и шарлатанъ. Слуги эффенди пили воду; френгистанскіе друзья научили ихъ теоріи грога, глоріи, бишофа и горячаго вина. Эффенди сохранялъ привычки, наслѣдованныя отъ предковъ; друзья переворотили

весь домъ его, всѣ правила его, замѣнили *пилавъ* ростбифомъ, начали обнимать его женъ, смѣяться надъ его вѣрою, его предками; потомъ, отправившись на охоту съ гончими и ловчими всякого рода, надѣлали столько разрушеній въ саду эффенди, что онъ предпочелъ отдѣлаться отъ нихъ, чѣмъ совершенно потерять свой садъ.

Исламизмъ въ Европѣ въ предсмертной агоніи; Франція и Англія совершенно умертвятъ его въ Азіи, и непроизвольно дадутъ, вмѣсто него, мѣсто Греческой Церкви — желая ослабленія Россіи!

Такъ человѣкъ дѣйствуетъ, а Богъ направляетъ его!

19 марта 1854.

II.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ЧЕСТНОЙ АНГЛІИ.

Честная Англія не хочетъ наслѣдовать отъ развалинъ Оттоманской Имперіи только Египетъ и Кандію, и оставитъ другимъ Румелію и Константинополь. Этотъ британскій Карѳагенъ, этотъ великій грабитель народовъ, отнявшій Гибралтаръ у Испаніи, Мальту у Гроссмейстера, Сцихелы у Португаліи, Барбаду у Франціи, Бермудскіе острова у Испаніи, Мадрасъ у Франціи, Гонгъ-Конгъ у Китайцевъ, мысъ Доброй Надежды у

Голландцевъ и пр. и пр., эта стыдливая Англія съ честнымъ видомъ отказывается отъ столь умѣренныхъ предложеній, и говоритъ: «Ваше предложеніе въ высшей степени shoking; вы мнѣ предлагаете рога животнаго, а сами хотите оставить себѣ кожу его. За кого вы меня принимаете! Я теперь честна; правда, я крала не много прежде, но это—старые грѣхи, которые я позабыла. А теперь вы меня хотите соблазнить, предлагая мнѣ Египетъ и Кандію!—Еслибы это были Константинополь и Дарданеллы, еще можно-бъ было порѣшить дѣло! — но Кандія и Египетъ! Господа, ваше предложеніе оскорбляетъ меня!»

И вотъ начинается безконечный рядъ интригъ и козней.

Востокъ есть отечество сфинкса, гіероглифовъ и таинствъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ содѣлался театромъ самой темной интриги, какую только когда либо исторія записывала на своихъ страницахъ.

Слова Фигаро: кого обманываютъ здѣсь? въ настоящее время на устахъ всѣхъ, при видѣ, съ одной стороны, поспѣшной стремительности Англіи, съ другой, осторожной медленности Бонапарта. Теперь не Темза катитъ свои волны подъ стѣнами Лондонской Башни, но Гарона. Джонъ Буль сдѣлался Гасконцемъ, какъ видно изъ слѣдующихъ пуффовъ, которые мы запи-

ствуемъ изъ нѣкоторыхъ англійскихъ журналовъ:

«Лица, желающіе сдѣлать какія нибудь порученія въ Петербургъ, могутъ адресоваться къ сэру Чарльзу Непиру, который находится теперь въ Балтійскомъ морѣ, и будетъ въ Петербургѣ къ 10-му апрѣлю».

Въ другихъ журналахъ находимъ слѣдующее:

«Адмиралъ Дондасъ пригласилъ своихъ лондонскихъ друзей на обѣдъ, который намѣренъ дать въ Севастополѣ въ первыхъ числахъ апрѣля. За столомъ будутъ прислуживать Донскіе казаки».

Вотъ до чего дошелъ Джонъ Буль; онъ крѣпко сжалъ свои кулаки, и, кажется, боится встрѣтить слишкомъ мало непріятелей, чтобы насытить свою жадность къ бою. Что касается Франціи, она, кажется, задаетъ себѣ вопросъ: «что я тамъ буду дѣлать?» — медленно сажаетъ на суда свою армію, и для успокоенія своей совѣсти, посылаетъ въ Галлиполи 1400 человѣкъ, которые должны угрожать Русскимъ, когда они по берегу Чернаго моря войдутъ въ Румелію и направятся къ Константинополю.

Французскій Монитеръ, узнавъ, что Русскіе перешли Дунай, обошли справа Омеръ-Пашу, и въ настоящее время находятся только въ пятидесяти миляхъ отъ Константинополя, прибавляетъ для успокоенія умовъ, что, въ первыхъ

числахъ мая, французская армія будетъ въ состояніи отразить непріятеля, и пр. и пр.

Въ Балтійскомъ морѣ Англія узнала, что надежды ея не столь легко могутъ осуществиться, и что она можетъ потерять много изъ тѣхъ прекрасныхъ кораблей, которые гордо развивали свои флаги въ чужомъ морѣ. Уже она болѣе не думаетъ взять Кронштадтъ въ *двадцать четыре часа*, какъ прихвастнулъ, выпивши, сэръ Чарльзъ Непиръ. Отъ Ревеля до Кронштадта Англіи есть чѣмъ заняться въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль.

Никогда война столь серьёзная не была предпринята съ такимъ легкомысліемъ. Императоръ Французовъ, въ отвѣтъ нѣкоторымъ банкирамъ на выраженныя ими безпокойства, увѣрялъ ихъ, что война будетъ окончена ранѣе двухъ мѣсяцевъ. Червонцы, понимающіе, кажется, глубже положеніе дѣла, не думаютъ такимъ образомъ. Они понимаютъ, что это война Рима съ Митридатомъ, которая лишь начинается, и что подобная борьба можетъ продолжаться столько же, сколько осада Трои, и что страна, гдѣ все, чѣмъ владѣетъ народъ, *принадлежитъ Государю*, гораздо болѣе способна къ перенесенію тяжестей войны, чѣмъ то государство, гдѣ биржа говоритъ Королю: «ты не пойдешь далѣе!» —Червонцы не позабыли также, что послѣ Нштадтскаго мира Царь Петръ сказалъ французскимъ посланникамъ: «*Я бы могъ продолжать*

войну еще двадцать пять лѣтъ, не сдѣлавши ни копейки долгу.» Червонцы, знающіе иногда исторію лучше людей, спрашиваютъ, что выйдетъ изъ этого англо-французскаго союза, столь трогательнаго нынѣ, и столь непрочнаго въ будущемъ?

Все въ этой войнѣ гибельно, пораженіе и успѣхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ западная Европа узнаетъ изъ цифръ займовъ справедливость словъ, сказанныхъ Царемъ Петромъ.

Если революція явится въ этой борьбѣ помощницею одной изъ двухъ сторонъ, нельзя ли думать, что, кромѣ Австріи, Франція также, находя эту игру опасною, оставитъ сторону Англіи, и обратится къ Россіи?

Между тѣмъ, Франція считаетъ въ Галлиполи своихъ войскъ 1400 чел., нѣсколькими стами болѣе, чѣмъ князья-епископы Литтиха, чтобы остановить непріятеля, который можетъ выставить 1,200,000 челов. отъ Камчатки до Риги.

Въ Крыму находится 70,000 человѣкъ *, для того, чтобы принять двадцать тысячъ Англичанъ и Французовъ, которые намѣрены явиться туда, чтобы поколебать русскій колоссъ на югѣ, тогда какъ Непиръ нападетъ на него съ сѣвера.

---

* Мы оставляемъ неизмѣненными нѣкоторыя изъ тѣхъ статей, которыя были написаны въ началѣ войны, и въ которыхъ, слѣдовательно, могли быть не совсѣмъ вѣрныя предположенія.

Англійскій генералъ, лордъ Рэгланъ, человѣкъ серьёзный, сказалъ послѣ свиданія съ Сентъ-Арно: «Это канатный плясунъ, а не генералъ.» Вотъ каково согласіе между генералами. Сэръ Бургонъ пишетъ: «въ Турціи нѣтъ ничего, ни припасовъ, ни лошадей, ни лѣса, ни повозокъ; все это нужно будетъ привезти съ собою». Вотъ какими средствами ведется война.

Восточная война есть таинственный водоворотъ, ужасная пропасть; на днѣ ея покоится геній революціи, котораго скоро разбудятъ громомъ пушекъ!

2 апрѣля 1854.

—

III.

ОБРАЗОВАННАЯ ТУРЦІЯ.

Восточная война дѣлается все болѣе и болѣе темною загадкою, передъ которой ничто самъ эдипскій сфинксъ. Судите сами:

Франція, какихъ нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ, помогала Греціи, чтобы избавить ее отъ варварскаго и кровопролитнаго притѣсненія Турціи. Ея поэты, ея музыканты, ея политическіе мужи воспѣвали и превозносили Грецію; оды и сатиры писались противъ *жестокаго Османлы.* Теперь Франція посылаетъ свои полки

для покоренія Грековъ, которые хотятъ сбросить иго исламизма.

Франція, двадцать четыре года тому назадъ, очищала Средиземное море отъ алжирскихъ пиратовъ; она раздавила это гнѣздо магометанскихъ бандитовъ, при одобреніяхъ цѣлой Европы; она прогнала турецкое варварство за Атласъ и африканскую Сагару, въ то время, какъ Англія дѣйствовала въ томъ же духѣ на берегу Сенегамбіи и Сіерры-Леоны; она истребляла повсюду исламизмъ, находившійся въ соприкосновеніи съ христіанскою образованностію; она посылала миссіонеровъ и полки своихъ воиновъ, чтобы окончить словомъ то, что началъ мечъ.

Въ 1854 г. Франція, вмѣстѣ съ Англіей, поддерживаютъ крестомъ колеблющійся полумѣсяцъ Магомета. Епископы проповѣдуютъ крестовый походъ, и призываютъ Бога на помощь медицинскому обманщику. Западная цивилизація, пропитекшая изъ Евангелія, идетъ на помощь магометанскому варварству, разрушающемуся со всѣхъ сторонъ. Этотъ турецкій міръ, основанный на вѣрѣ въ предопредѣленіе, на звѣрскомъ завоеваніи и многоженствѣ, непроизведшій въ теченіе десяти вѣковъ ничего болѣе, кромѣ разрушенія, сдѣлавшій безплодною ту почву, на которой поселился, теперь будетъ оживленъ и пагальванизированъ христіанскою цивилизаціей Запада. Зачѣмъ?—Затѣмъ, что Англія не желаетъ имѣть соперницы на Средиземномъ морѣ.

Никакія усилія Европы не помѣшаютъ Россіи исполнить ея великое предназначеніе—присоединить къ западной цивилизаціи народы, обитающіе по берегамъ Чернаго моря и возвать къ новой жизни эту прекрасную Турцію, изъ которой исламизмъ сдѣлалъ пустыню, наполненную развалинами.

Мы совѣтуемъ тѣмъ, которые сомнѣваются въ истинѣ этихъ словъ, прочесть слѣдующія строки, заимствованныя нами у перваго историка нашего времени, Цезаря Канту. Можно подумать, что эти строки написаны подъ вліяніемъ настоящихъ событій!

«Если мусульманинъ не отрѣзываетъ головы своему плѣнному въ честь Пророка, такъ привязываетъ его къ хвосту лошади, до тѣхъ поръ, пока плѣнникъ не рѣшится на рабство. Святость домашнихъ чувствъ осквернена многоженствомъ и легкостію разводовъ. Имущество отца раздѣляется на нѣсколько фамилій, и нѣжность матери подавляется соперничествомъ мачихи. Мы ужасаемся, при разсказѣ о братоубійствахъ, столь обыкновенныхъ въ царственныхъ фамиліяхъ; но нужно раздѣлить огромнымъ разстояніемъ чистыя чувства, соединяющія у насъ членовъ семейства, и нечистыя страсти гарема. Тамъ члены семейства не соединены дружественною связью; дѣти, въ самой своей колыбели, встрѣчаютъ ненависть и ссоры матерей: отсюда происходятъ безпрерывныя драмы, есте-

ственною развязкою которыхъ бываетъ убійство, какъ скоро оно дѣлается возможнымъ. Теперь, когда идеи Франціи, торговыя сношенія Англіи и близость Россіи дѣйствуютъ со всѣхъ сторонъ на Востокъ, неужели всѣ реформы будутъ ограничиваться перемѣною одежды и тѣмъ, что мусульмане научатся пить вино? Возьмите Египетъ: тамъ, кромѣ пашей, нѣтъ другихъ землевладѣтелей; феллахъ не можетъ укрыть своихъ сыновей, для того, чтобы изъ нихъ не сдѣлали евнуховъ; до сихъ поръ соблазненныхъ дѣвицъ зашиваютъ въ кожаный мѣшокъ, вмѣстѣ съ кошкою, и бросаютъ въ море. Во всемъ царствѣ Фараоновъ и Птоломеевъ не болѣе полутора милліона жителей, считая въ томъ числѣ пятьдесятъ тысячъ, живущихъ въ столицѣ. Что сказать притомъ объ Оттоманской Имперіи, когда тамъ все напоминаетъ тѣ страданія, которыми страдало европейское общество, тысячу лѣтъ тому назадъ?

Вотъ естественные плоды ислама, уничтожившаго то, что создавали цѣлые вѣка, римское законодательство и христіанство, возобновившаго дамашнее рабство и многоженство, вмѣстѣ съ преступленіями, нераздѣльными съ ними, и страданіями, которыми наказываетъ природа за нанесенныя ей оскорбленія. Рабство, необузданный деспотизмъ вождя и право завоеванія, во всей своей неправдѣ, были имъ увѣковѣчены, подъ видомъ божественной воли. Мусульманскій

законъ обрекаетъ мечу самаго невиннаго человѣка; повелѣваетъ умерщвлять соперниковъ, сыновей, братьевъ, для безопасности старшаго въ родѣ. Онъ жертвуетъ истиною для каприза властителя, и начертываетъ слѣдующія слова на постановленіяхъ имперіи, основанной въ самомъ лучшемъ краю Европы: «Бо́льшая часть законовѣдовъ дозволила моимъ сыновьямъ и потомкамъ, призваннымъ царствовать, умерщвлять своихъ братьевъ, чтобы обезопасить спокойствіе государства. Пусть же они такъ и поступаютъ.» (Слова султана Магмуда).

Величайшая похвала христіанства, какъ ученія общественнаго (сравнивать его, какъ религію, было бы еще болѣе безразсудно, чѣмъ нечестиво) состоитъ въ томъ, чтобы указать на слѣдствія, произведенныя исламизмомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, куда приходили евангельскіе апостолы, кровь переставала течь и избіеніе брата братомъ прекратилось; общественныя постановленія, нравственныя правила, іерархія—все показываетъ въ этомъ ученіи его возвышенность и предсказываетъ быстрое движеніе къ успѣху всякого рода и просвѣщенію въ томъ народѣ, который будетъ его исповѣдывать. Исламизмъ на нѣсколько временн избавилъ Аравію отъ патріархальнаго раздробленія, чтобы потомъ вовлечь ее въ жестокія войны и повергнуть въ варварство и умственный застой прежнихъ временъ. Внѣ своихъ предѣловъ, онъ обращаетъ въ пу-

стыни самыя цвѣтущія страны; и въ то время, какъ крестъ покрываетъ городами берега Рейна и Одера, мусульманская луна истребляетъ города Азіи. Фанатическое расположеніе умовъ первыхъ мусульманскихъ проповѣдниковъ, ихъ національный характеръ и направленіе ученія, на основаніи котораго они проповѣдывали, сдѣлали гордость, презрѣніе, взаимную ненависть и жажду мести необходимыми элементами общественной жизни. Мы видимъ до настоящаго времени, въ самыхъ лучшихъ земляхъ Азіи, въ самыхъ плодоносныхъ краяхъ Европы, тѣ же безпорядки, отъ которыхъ Іисусъ Христосъ избавилъ общество: пиратство, гаремы, рабство, безпредѣльный деспотизмъ, который не имѣетъ другой цѣли, кромѣ самосохраненія, и располагаетъ, по произволу, жизнью, честью и имуществомъ своихъ подданныхъ. До сихъ поръ дворцы Константинопольскій, Испаганскій и Александрійскій украшаются отрѣзанными головами, и султану дозволено совершать семь убійствъ въ день, великому визирю шесть, и такъ далѣе до простаго визиря, который можетъ отрубать ежедневно по одной головѣ, безъ всякого суда. Теперь также, какъ и во времена Дарія, персидскій сатрапъ погребаетъ, головою внизъ, живыхъ людей, и съ удовольствіемъ прогуливается между двумя рядами этихъ несчастныхъ, ноги которыхъ движутся въ воздухѣ въ судорогахъ агоніи; онъ, по прежнему, воздвигаетъ высокія

башии, для которыхъ матеріаломъ служатъ люди. Если султаны захотятъ преобразовать свою націю, они достигнутъ этого не иначе, какъ нарушивъ всѣ правила Корана.

16 апрѣля 1854.

—

IV.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКІЙ СОЮЗЪ И ТУРЕЦКІЙ ВОПРОСЪ.

Тайны Восточной войны, покрывающія ее съ самаго начала, день ото дня все болѣе и болѣе увеличиваются. Союзники Турціи *летятъ* къ ней на помощь, подобно оперному хору, который, въ продолженіе часа, не двигаясь съ мѣста, поетъ:

Летимъ на защиту отчизны!

Или:

Бѣжимъ, друзья, на помощь къ нашимъ братьямъ!

И въ то время, какъ Англія *летитъ*, а Франція *бѣжитъ*, бѣдные Турки ожидаютъ за кулисами обѣщанной помощи.

Англо-французскіе флоты въ Черномъ морѣ, кажется, забавляются той же сценическою игрою, какъ и сухопутная армія. Въ то время, какъ ихъ экипажъ поетъ хоръ изъ Осады Коринѳа: «Сразимся! побѣдимъ!» — русскій флотъ очи-

щаетъ Кавказскіе берега, ходитъ изъ Севастополя въ Одессу и къ устью Дуная, совершенно закрытому для англо-французовъ, конечно слишкомъ занятыхъ своимъ единодушнымъ хоромъ: «летимъ! бѣжимъ!», для того, чтобы думать о такихъ пустякахъ.

Каждая изъ двухъ арміи, кажется, старается отнять одна у другой славу явиться первой на полѣ битвы и *сорвать первые лавры*, выражаясь слогомъ комической оперы. Въ Черномъ морѣ, Дондасъ и Гамеленъ походятъ болѣе на людей, наблюдающихъ другъ за другомъ, чѣмъ на адмираловъ, которымъ поручено сжечь Севастопольскій флотъ.

Каждый изъ нихъ отправляется на поле битвы, какъ школьникъ въ училище, стараясь какъ можно болѣе продлить свой путь въ играхъ и шалостяхъ.

Англійскіе офицеры курятъ сигары въ Гейдъ-Паркѣ, тогда какъ ихъ солдаты забавляются въ Мальтѣ. Пируютъ какъ можно лучше и сколь возможно дольше, даже подвергаютъ себя *постнымъ* обѣдамъ, чтобы снискать помощь Божію. Идутъ на войну подъ арію *Сороки воровки*, и каждый посматриваетъ въ сторону Германіи, надѣясь, что оттуда придетъ третій союзникъ.

Кажется, выжидаешь, какъ на древнихъ турнирахъ, какого нибудь рыцаря съ черпымъ оружіемъ, съ опущеннымъ забраломъ, который бросится на противную партію, и однимъ уда-

ромъ рѣшитъ побѣду своихъ. Но въ настоящемъ турнирѣ этотъ рыцарь не выѣзжаетъ на арену, и только, хвастливо выказываясь, обманываетъ ожиданія зрителей.

При томъ, какая трогательная довѣрчивость! На тѣхъ самыхъ берегахъ, на которыхъ развивались непріязненныя знамена Ричарда Плантагенета и Филиппа Августа въ октябрѣ 1190 года, уже настоящее отражаетъ прошедшее! «Флоты англійскій и французскій, разказываетъ одинъ хроникъ, должны были соединиться въ Мессинѣ, и вмѣстѣ отправиться въ Палестину. Но оба Короля поссорились въ Мессинѣ, и между Англичанами и Французами возникла такая ненависть, что сочли лучшимъ раздѣлить эти двѣ арміи». Въ апрѣлѣ 1854 года, вотъ что̀ мы читаемъ въ газетахъ: «Первою заботою французскихъ войскъ, по прибытіи въ Галлиполи, было построить укрѣпленный лагерь въ самой узкой части перешейка». Врагу не довѣряютъ, но, какъ видите, принимаютъ также предосторожности и противъ друзей.

Германія наблюдаетъ и не спѣшитъ принять участія въ этой войнѣ, въ которой вчерашній другъ можетъ сегодня сдѣлаться врагомъ, Германія слѣдитъ внимательнымъ окомъ за хитростями Англіи и Франціи, старающихся обмануть другъ друга и взаимно подстрекающихъ себя къ игрѣ, не рѣшаясь принять въ ней участія: она дѣлаетъ многозначительное замѣ-

чаніе въ одномъ Вѣнскомъ журналѣ, что когда пщутъ союза державы, которая принуждена будетъ употребить въ войнѣ всѣ свои силы, *не нужно держать собственныхъ силъ въ запасѣ.*

Не ясно ли это? И эти нѣсколько строкъ не объясняютъ ли лучше всѣхъ протоколовъ—почему Германія удаляется отъ опасной игры, называемой Восточнымъ вопросомъ, и почему она предоставляетъ Англіи и Франціи эту партію *двухъ Гаспаровъ*, въ которой каждый игрокъ хранитъ на случай четыре кости въ рукавѣ?

Times, непосвященный въ тайны англійской политики, предавался, четыре дня тому назадъ, священному и патріотическому гнѣву противъ флотовъ, спокойно стоящихъ на якорѣ въ Черномъ морѣ, и противъ этихъ храбрыхъ сухопутныхъ войскъ, которыя ѣдятъ апельсины въ Мальтѣ, вмѣсто того, чтобы стоять уже передъ непріятелемъ, и бросалъ громъ и молніи на великодушныхъ Французовъ, принимающихъ приглашеніе на всякой пиръ, увлекающихся всякою рѣчью, и предлагающихъ богу войну постный обѣдъ, въ вознагражденіе за будущую побѣду. Увы! *Times* увидитъ еще лучше того въ этой странной войнѣ, въ которой Франція можетъ завтра сдѣлаться союзницею Россіи; эта возможность ужасна для Англіи, и она всегда старалась помѣшать ея осуществленію, не отказываясь ни отъ какого средства, даже отъ убійства, какъ она сдѣлала сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Франція, кажется намъ, слишкомъ легкомысленно бросилась въ эту войну. Передъ французскіе батальоны предстанутъ не парижскіе дворники, бабы и старики, а солдаты, одушевленные чувствами вѣры и любви къ отечеству, войска, которыя потекутъ, какъ непстощимый источникъ, съ горъ Азіи, при-каспійскихъ степей и съ Чернаго моря въ эти равнины Румеліи, которыя поглотили уже столько армій, отъ римскихъ императоровъ до Магомета II!

Конечно, было бы нѣчто благородное въ помощи, подаваемой Франціей и Англіей Турціи, если бы эта помощь проистекала изъ рыцарскаго побужденія—защитить слабаго отъ сильнаго. Но это не такъ, и самыя громкія философскія рѣчи политическихъ людей Англіи служатъ только оберткою, подъ которою скрываются Ливерпульскія ткани, Бирмингэмская сталь, Манчестерскія матеріи, Ноттингэмскіе чулки, и пр. и пр.

Политическіе мужи Англіи, которые—должно согласиться—иного рода, чѣмъ прикащики императора Наполеона, эти люди, между которыми считаютъ лорда Русселя, Пальмерстона, Клаприкорда и столь много другихъ, понимаютъ очень хорошо внутреннее положеніе Турціи. Они знаютъ, что Турція окончила свое политическое существованіе, и послѣ того, какъ она достигла зенита своего могущества при Мурадахъ и Солиманахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда

Европа дрожала при имени янычаръ, въ настоящее время она — только развалина, и совершенное паденіе ея не будетъ замедлено, но ускорено сближеніемъ съ западными понятіями.

Конечно, пріятно видѣть, какъ подаютъ руку народу, идущему къ своей могилѣ и увлекаемому въ нее логическою необходимостію началъ своей общественной организаціи, результата религіозныхъ догматовъ. Но кто могъ остановить паденіе могущественной Ассиріи, когда ея часъ пробилъ? Кто могъ удержать отъ паденія Грецію и остановить на краю пропасти этотъ могущественный Римъ, предписывавшій законы міру? Развѣ Аларихъ, Генсерихъ, Тотила и всѣ эти варварскіе вожди, пришедшіе вдохнуть новую жизнь въ устарѣлый римскій міръ, не отвѣчали тѣмъ, которые ихъ спрашивали о цѣли и причинѣ ихъ предпріятій: «мы идемъ туда, куда ведетъ насъ перстъ Божій.» — И то была правда, потому что дѣти этихъ варваровъ, вдохновленные духомъ Евангелія, создали новую цивилизацію и разрушили римскій соціальный міръ, чтобы на развалинахъ его водрузить начало христіанское.

Мусульманская цивилизація произвела самые блестящіе цвѣты подъ небомъ Испаніи, но грубое и фанатическое варварство африканскихъ халифовъ помѣшало ея развитію. Съ того времени магометанство не произвело ничего замѣча-

тельнаго, и, въ своемъ соприкосновеніи съ христіанскими народами Запада, составляетъ только дисгармонію, которую, можетъ быть, Россіи суждено уничтожить.

Если для Турціи насталъ часъ возвратиться въ Малую Азію, ни европейскіе флоты, ни арміи не помѣшаютъ совершиться этому событію.

Мы уже сказали: въ этой Восточной войнѣ Франція и Англія оставляютъ древнія преданія христіанскихъ народовъ, и временныя выгоды заставляютъ ихъ сомнѣваться въ предназначеніи Провидѣнія. Что́ бы ни говорили, Россія идетъ впередъ, полная свѣжихъ матеріяльныхъ и нравственныхъ силъ; Турція же исполнила свое назначеніе, и достигла предѣла своего общественнаго развитія. Уже звѣзда ея на закатѣ; еще нѣсколько лѣтъ, — и европейская Турція будетъ принадлежать исторіи.

23 апрѣля 1854.

—

V.

РОССІЯ НА ДОРОГѢ ВЪ ИНДІЮ.

Человѣческая комедія, кажется, должна вѣчно вращаться въ однообразномъ кругу, и маленькая драма, въ которой Ратонъ вынимаетъ изъ огня каштаны для своего друга Бертрана, еще не дошла до послѣдняго представленія.

Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ политики Англіи есть вѣрное отраженіе мысли этой басни, которую Лафонтенъ написалъ для нравоученія народовъ и которою никто не воспользовался. Когда Англія поняла, что опасно быть слишкомъ откровенною въ своихъ намѣреніяхъ, нападая на противника, она искусно связала съ собою слѣпыхъ союзниковъ, и обратила въ европейскій вопросъ постоянную заботу своихъ политическихъ людей, которая состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать сколь возможно болѣе количество потребителей англійскихъ произведеній; она привлекла на свою сторону европейское мнѣніе, представивъ въ ложномъ видѣ факты и свои намѣренія, и только въ пятомъ актѣ этой комедіи, въ которой она раздаетъ роли, ея союзники узнаютъ, что вынимали изъ огня каштаны для Англіи.

На этотъ разъ вся Европа обманута: такъ искусно Джонъ Буль поставилъ на сцену эту комедію, такъ ловко онъ скрылъ свою цѣль. Всякой, кто не съ Англіей, тотъ *казакъ*, даже не достоинъ называться европейцомъ. Безъ сомнѣнія, при цѣлой сотнѣ журналовъ, которые проповѣдываютъ это, можно оставить въ сторонѣ всякія разсужденія и не вопрошать исторіи и фактовъ.

Во время первой французской революціи, самые бѣшеные изъ революціонеровъ выдумали противъ своихъ враговъ формулу, которая

избавляла ихъ отъ всякой логики и отъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, и которая приводила къ *quiä* краснорѣчивый голосъ фактовъ. На всѣ возраженія отвѣчали: *онъ агентъ Питта и Кобурга*, *онъ федералистъ*, *дантонистъ* и пр. Позднѣе употребляли названіе *террористъ*, и посредствомъ этихъ краткихъ и бездоказательныхъ словъ убивали, вѣшали и топили людей, смотря по необходимости, обстоятельствамъ времени и мѣста.

Позднѣе либералы выдумали противъ своихъ духовныхъ и недуховныхъ враговъ эпитетъ *іезуита*, который имѣлъ не мало успѣха, но который впослѣдствіи, сдѣлавшись слишкомъ изношеннымъ, былъ замѣненъ словомъ *духовный*. Мы же, думая, что нѣтъ ничего легче, какъ ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, осторожно выглядываемъ по всѣмъ сторонамъ, прежде чѣмъ слѣдовать за теченіемъ толпы, немного обращая на то вниманіе,—будутъ ли насъ называть іезуитомъ или казакомъ. Мы считаемъ исторію выше краснорѣчивыхъ, съ похмѣлья, рѣчей Пальмерстона, выше *спиртуозныхъ* болѣе, чѣмъ *спиритуальныхъ* гасконадъ Неппра *. У всякого свой вкусъ.

Тайна восточной войны заключается не въ честолюбіи Россіи; скрытная причина этой без-

---

* Это непереводимая игра словъ: *spirituеux*—спиртуозный, винный; *spirituel* — умный.

разсудной войны, въ которую Англія вовлекла Францію, рискуя произвести всеобщій пожаръ въ Европѣ и продлить борьбу десять лѣтъ, есть необходимость, въ которую поставлена Англія, не допускать уменьшенія своей промышленности, которой столь сильно угрожаетъ германская промышленность; — причина этой войны есть желаніе остановить Россію на дорогѣ въ Индію.

Англійскія газеты любятъ говорить о страшномъ могуществѣ Россіи; онѣ исчисляютъ побѣды, сдѣланныя ею въ теченіе одного вѣка, но осторожно умалчиваютъ о несправедливыхъ нашествіяхъ Англіи, карѳагенская политика которой не боится ничего, и употребляетъ то измѣну, какъ въ Аргѣ или Серингапатамѣ; то кинжалъ, какъ при завоеваніи всѣхъ небольшихъ царствъ Индіи, гдѣ она воздвигаетъ брата на брата, племянника на дядю, и пр.; то ядъ, какъ въ этой безчестной войнѣ съ Китаемъ, который отказывался покупать у англійскихъ купцовъ опіумъ. Сэръ Поттингеръ совѣтовалъ императору дозволить торговлю опіумомъ, но наложить на нее сильный акцизъ, чтобы поправить свои финансы. На это варваръ-Богдыханъ отвѣчалъ: «Я предлагаю англійской компаніи тридцать семь милліоновъ въ годъ, если она хочетъ отказаться отъ своего требованія и не будетъ торговать опіумомъ.» Англія сочла по пальцамъ: вышло, что не достаетъ ста двадцати

милліоновъ; поэтому она отказалась отъ великодушнаго, но невыгоднаго предложенія императора, и, приставивъ шпагу къ горлу, принудила Китайцевъ продолжать предаваться скотообразному состоянію, чтобы впослѣдствіи легче подчинить ихъ своей власти.

Весьма громко говорятъ о 65,000,000 подданныхъ Императора Россійскаго, но молчатъ объ этой британской имперіи, къ которой принадлежитъ не менѣе 150,000,000 непосредственныхъ подданныхъ и 49,000,000 находящихся подъ ея покровительствомъ и живущихъ на протяженіи 700 квадратныхъ миль. Но всякой знаетъ, что такое *покровительство* Англіи.

Однако эта блестящая держава имѣетъ свою изнанку, изнанку мрачную и ужасную. Желая остаться господствующею въ Англіи, англійская аристократія приняла на себя тяжелое и опасное обязательство покровительствовать народной промышленности и помогать сбыту ея произведеній или въ Европѣ, пока соперничество другихъ державъ не будетъ слишкомъ опасно, или покорять безпрестанно новыя страны, для сбыта въ нихъ постоянно увеличивающагося избытка мануфактурныхъ произведеній. И когда англійскіе министры уговариваютъ дикій народъ одѣваться, — это происходитъ не отъ желанія просвѣтить его, но изъ желанія найдти новый сбытъ товарамъ какого нибудь Манчестерскаго магазина. Александръ В. покорялъ Индію, чтобы

дать прекрасную тему для будущихъ поэтовъ и историковъ; лордъ Бентинкъ, лордъ Элленбороу и Веллингтонъ были въ Индіи только для того, чтобы проложить дорогу для сбыта ширтинга и разныхъ бирмингэмскихъ произведеній.

Англіи нужно идти *постоянно впередъ*, не останавливаясь, чтобы находить новыхъ *потребителей* для ея произведеній. Остановившись, она неизбѣжно падетъ, по причинѣ огромнаго количества своихъ голодныхъ пролетаріевъ; по причинѣ долга, одни проценты котораго достигаютъ до 800,000,000 франк.; по причинѣ своего духовенства, поглощающаго 237 милліоновъ франк., посреди народонаселенія, обремененнаго трудомъ и голодомъ, и по причинѣ этой несчастной Ирландіи, которая имѣетъ право потребовать отъ нея отчета за три вѣка притѣсненій, какихъ не видано у христіанскихъ народовъ.

При этихъ условіяхъ своей политики, постоянно принужденной искать новой пищи для дѣятельности своихъ работниковъ, Англія боится допустить Россію, — которая показала уже свои знамена въ Хивѣ, Гератѣ и Бухарѣ, — приблизиться къ Индіи, гдѣ сердце Англіи обнажено и гдѣ одна побѣда подняла бы народонаселеніе отъ Гималая до Индійскаго океана и отъ Бенгальскаго залива до Оманскаго; это опасеніе заставило Англію въ 1840 г. отодвинуть свою западную границу до Кабула, гдѣ ее ожидало столько несчастій. Афганистанская война записана кро-

вавыми буквами въ лѣтописяхъ англійской Индіи, и религіозный фанатизмъ туземнаго населенія, на который лондонскіе купцы смотрятъ съ такимъ пренебреженіемъ, показалъ, что когда нибудь Россія можетъ освободить Индію отъ англійскаго ига, употребивъ для этой цѣли триста тысячъ Туркестанскихъ, Хивинскихъ и Бухарскихъ ратниковъ.

Это пораженіе, въ которомъ Англія потеряла двадцать тысячъ человѣкъ, предводимыхъ храбрымъ Борисомъ, свѣжо еще въ ея памяти; это пораженіе, въ которомъ Англія видѣла руку Россіи, заставило англійскую политику возмутить противъ нея Европу. Всякое пораженіе смертельно для державы, поставленной въ тѣ условія, въ которыхъ находится Англія; ей нужны побѣды, для того, чтобы возстановить потерянный кредитъ, и кровь ея солдатъ проливается только для того, чтобы увеличить дивиденты Ост-индской компаніи.

Но не съ недавняго только времени Англія питаетъ къ Россіи ненависть, которую таитъ противъ всего того, что угрожаетъ ей соперничествомъ въ настоящемъ или будущемъ. Во время борьбы съ Наполеономъ она скрыла ее на время потому, что хотѣла избавиться отъ опасности ближайшей; она хранила въ ножнахъ эту ненависть, съ тѣмъ, чтобы вынуть ее въ болѣе удобную минуту.

Извѣстно, что Наполеонъ, желая противудѣйствовать морской монополіи Англіи въ Европѣ, согласился съ Императомъ Павломъ дѣйствовать противъ англійскихъ владѣній въ Индіи. Россія имѣла въ своихъ рукахъ ключи къ дорогѣ, черезъ которую могла провести армію въ сердце Индіи, такъ что никакой флотъ Великобританіи не могъ замедлить ея движенія. Англія испугалась приготовленій, которыя дѣлалъ Императоръ Павелъ въ портахъ восточной Россіи. Сто тысячъ человѣкъ, на половину Русскихъ, на половину Французовъ, должны были переправиться черезъ Каспійское море, пройдти по пустынямъ Хоросана, при помощи Персидскаго Шаха, перейдти черезъ Кабулъ и переправиться черезъ Индъ въ сихскихъ владѣніяхъ. Уже Наполеонъ послалъ къ Фехтъ-Али посольство и офицеровъ, для обученія персидскихъ офицеровъ по европейскому образцу. Но смерть Императора Павла и перемѣна обстоятельствъ остановили исполненіе этого плана.

Въ царствованіе Императора Александра I, Персія уступила Россіи въ 1813 году Кубань, Кавказъ, Дагестанъ, Мингрелію, Дербентъ, Ширванъ и Грузію. Въ 1826 г. Персія вступила въ войну съ Россіей, но была побѣждена, и уступила Эриванъ и Нахичевань.

Опасаясь такихъ успѣховъ, Англія въ 1833 году послала къ Магоммедъ-Шаху посольство и офицеровъ, которые обѣщали ему горы чу-

десъ, чтобы обратить его на свою сторону. Англія понимаетъ, что Россія одна можетъ дать единство дикимъ массамъ Туркестана, и съ ужасомъ видитъ, какъ приближается медленно къ Индіи этотъ русскій штыкъ, никогда не отступающій назадъ.

Въ этомъ опасеніи заключается истинная причина настоящей Восточной войны, причина, лично касающаяся Англіи и ловко замаскированная ею, чтобы побудить Францію быть своею союзницею, для спасенія дивидентовъ Лондонскихъ набобовъ, и взволновать цѣлую Европу, для *спасенія* западной образованности, тогда какъ ей собственно нужно — *спасти свою кассу*.

VI.

ФРАНКО-АНГЛІЙСКІЙ СОЮЗЪ.

Нѣсколько дней тому назадъ, французскіе журналы, съ довѣрчивымъ тщеславіемъ, которымъ умѣетъ воспользоваться Джонъ Буль, возвѣстили слѣдующее, исчисляя съ удовольствіемъ силу и значеніе кораблей, вышедшихъ изъ портовъ океана, чтобы соединится съ англійскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ:

«Морскія силы, посланныя Франціею въ Балтійское море, *равны теперь Англійскимъ*».

Читая эту статью, въ которой столь ясно выразилось французское тщеславіе, Джонъ Буль долженъ былъ очень потѣшаться. Но для того, чтобы поучить немного скромности свою союзницу, англійскіе журналы, черезъ нѣсколько дней послѣ того, объявили, что Англія обладаетъ морскимъ резервомъ, состоящимъ изъ 200 кораблей, отъ 120 до 14 пушекъ, не считая 500 пароходовъ, которые, въ нѣсколько дней, могутъ быть обращены въ военныя суда и вооружены 15,000 пушекъ.

Франція, всегда имѣвшая большое преимущество передъ Англіей въ водевилѣ и Парижскомъ отдѣлѣ своихъ газетъ, — не поняла, кажется, всего значенія этого замѣчанія, которое ей объяснятъ въ тотъ день, когда она дойдетъ до той степени вѣтрености, что серьёзно станетъ называть Средиземное море *французскимъ озеромъ*.

Она не думаетъ о томъ, что ей нужно было шесть мѣсяцевъ—для пополненія своего флота нѣсколькими кораблями, тогда какъ Англія однимъ ударомъ трезубца вывела изъ своихъ портовъ сорокъ кораблей, которые, подъ предводительствомъ корабля-великана *Duke of Wellington,* отправились въ океанъ, чтобы развѣвать въ немъ флагъ старыхъ властителей морей.

И между тѣмъ довѣрчивая, легкомысленная Франція приготовляется помочь Англіи сжечь

русскій флотъ въ Севастополѣ и въ Кронштадтѣ и устроить новый Наварринъ, въ пользу Англіи.

Для Франціи *настоящее* есть все, *будущее* — ничего. Польза отъ войны въ *настоящее* время есть та, что она служитъ для новаго правительства Франціи дорогимъ средствомъ развлеченія общественнаго вниманія; для него Восточный вопросъ есть собачій хвостъ Алкивіада, отвлекающій вниманіе публики отъ внутренней политики нынѣшняго властителя.

Никогда Англія не обманывала столь удачно Европу, какъ при настоящихъ обстоятельствахъ, Она ослѣпляла глаза Франціи обманчивою призмою *славы*, и уже Сентъ-Арно, принимая дѣло слишкомъ серьёзно, говоритъ съ своими войсками эпическимъ языкомъ, который очень отзывается Гароною.

Франція, вѣтрено бросившись въ сѣти, разставленные Англіей, удивляется и сердится, что Пруссія и Австрія *медлятъ* столь долго побрататься съ Джонъ Булемъ въ комедіи, называемою *Восточною войною* и дающейся въ ея бенефисъ. Она находитъ *страннымъ*, что Германія не слушаетъ увѣреній *Times*-а, и угрожаетъ ей даже лагеремъ въ Страсбургѣ, если та не поспѣшитъ послѣдовать за Англіей въ крестовомъ походѣ, поднятомъ ею противъ Россіи, въ которомъ *вопросъ о Святыхъ мѣстахъ* служитъ толь-

ко оберткою для вопроса о манчестерскихъ произведеніяхъ.

Съ такимъ глубокимъ лицемѣріемъ и хитростію она замѣшиваетъ священный предметъ въ вопросъ чисто промышленный! Пусть Англія старается поддержать свою власть въ Индіи, пусть пролагаетъ новые пути для сбыта произведеній своихъ плебеевъ, которые, будучи лишены труда, разорвутъ ее завтра на оргіи, освѣщенной пожарами Лондона, Бирмингэма, Ноттингэма, Глазгова, и пр. — Мы находимъ эту заботу о собственномъ сохраненіи весьма разсудительною и справедливою, — но столь лицемѣрно обманывать Европу, какъ она обманываетъ, мѣшать священный предметъ въ вопросѣ о *ширтингахъ и твистахъ*, образованіе въ вопросѣ о Ноттингэмскихъ чулкахъ, вотъ что насъ возмущаетъ и чѣмъ мы никогда не будемъ обмануты.

Это еще не все! Англія понимаетъ очень хорошо, что она погибнетъ въ то время, когда уменьшится сбытъ ея произведеній, и потому назначаетъ *молитву и постъ*, чтобы призвать благословеніе неба на свои тюки съ товарами. Тогда какъ Франція, постоянно легковѣрная и вѣтреная, не думаетъ ни о чемъ болѣе, какъ о *славѣ*, которую *она должна вскорѣ стяжать*, — выражаясь слогомъ гипподрома, — Джонъ Буль считаетъ, складываетъ, вычитаетъ, и видя, что не выходитъ тотъ *итогъ*, котораго бы онъ хо-

тѣлъ, обращается къ небу, для призванія его благословенія *на свои шелковыя и шерстяныя матеріи.*

Въ самомъ дѣлѣ, Англія заколдовала Францію какимъ то волшебствомъ, ослѣпившимъ ее: Франція не понимаетъ нелѣпыхъ своихъ дѣйствій и нечестиво испрашиваетъ у своихъ Епископовъ молитвы *за* Турцію *противъ* греческаго возстанія.

Франція, конечно, позабыла Верронскій конгрессъ, на которомъ греческіе посланные говорили Европейскимъ государямъ: «Чего мы просимъ? Чтобы религія была свободна, чтобы сохранялась чистота нашихъ дѣтей. Мы пролили за это потоки крови; теперь намъ невозможно подвергнутся снова игу враговъ Христа и просвѣщенія. Хотите ли вы сорвать крестъ съ чела тѣхъ, которые откупились, принудить насъ отдать снова женъ нашихъ въ гаремы, а дѣтей въ каторгу, и пр.»

На этотъ патетическій призывъ Франція отвѣчала крестовымъ походомъ, въ которомъ принялъ участіе всякой, у кого билось сердце, при разсказѣ объ оттоманскомъ безчеловѣчіи. Султанъ Махмудъ, чтобы удовлетворить Константинопольское народонаселеніе, велѣлъ повѣсить, въ праздникъ Пасхи, Патріарха Восточной церкви, въ пастырской одеждѣ, къ радости дикой толпы, влачившей Первосвященника на казнь;

весь сунодъ былъ преданъ утончennымъ мученіямъ, и море выбросило большое количество труповъ христіанъ, послужившихъ пищею для Константинопольскихъ собакъ. (Капту, Всеобщ. Истор. т. 10 стр. 212.)

Это та Турція, на защиту которой извлекла свою шпагу Франція! та Турція, вокругъ которой погибаютъ и исчезаютъ народы, оставляя послѣ себя пустыню!

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ, что есть серьёзнаго въ этихъ *реформахъ* и успѣхахъ Турціи, которымъ притворно вѣрятъ, чтобы имѣть право защищать ее, во имя цивилизаціи.

30 апрѣля 1854.

—

VII.

УСПѢХИ И РЕФОРМЫ ИСЛАМИЗМА.

Если когда нибудь исторія будетъ заниматься этою темною и коварною интригою, которую называютъ *Восточною войною*, ее конечно удивитъ ослѣпленіе государственныхъ людей, управлявшихъ въ 1854 г. дѣлами Европы, ослѣпленіе, дошедшее до такой степени, что они не замѣтили, какъ не только нарушили политическія преданія христіанскихъ народовъ Запада, изъ эгоистическихъ видовъ Англіи, но какъ

сами были обмануты такою грубою мистификаціей, какой нѣтъ примѣра на страницахъ новѣйшей исторіи.

Мы не будемъ здѣсь объяснять странности и постыдности назначенія, даннаго Англіей Франціи и состоящаго въ защитѣ турецкаго деспотизма противъ греческой независимости. Въ этой странной войнѣ любопытно видѣть, какъ французскіе батальоны, благословленные христіанскимъ Архіепископомъ, идутъ сражаться вмѣстѣ съ албанскими толпами, посланными для возвращенія подъ мусульманское иго той части Греціи, которую Франція не успѣла освободить въ 1827 и 1828 годахъ. Исторія спроситъ съ удивленіемъ: неужели христіанскіе и французскіе солдаты, знамена которыхъ благословилъ Парижскій Архіепископъ, выдали въ Апрѣлѣ 1854 года одному турецкому пашѣ (Фуаду-Эффенди) возставшихъ Грековъ, дѣтей тѣхъ безстрашныхъ и воиновъ героевъ, высокій патріотизмъ которыхъ прославляли въ 1828 году французскіе поэты и писатели. Она спроситъ: какимъ образомъ то, что было въ 1828 году *героизмомъ* и *долгомъ*, въ 1854 сдѣлалось *преступленіемъ* и *бунтомъ*? Не находя объясненія этой темной загадки, исторія конечно скажетъ, что только какая нибудь чудовищная подлость, только безжалостный эгоизмъ могли сдѣлать христіанскіе народы въ 1854 году соучастниками варварства и магометанскаго деспотизма.

И исторія будетъ справедлива, считая двигателями этого дѣла подлость и эгоизмъ.

Но, говорятъ люди, думающіе о Восточныхъ дѣлахъ, какъ заставляетъ ихъ думать Англія, — съ 1828 года все очень измѣнилось! Турція сдѣлала успѣхи; реформы, сдѣланныя султанами, сравняли ее съ европейскими народами. Старое турецкое варварство умерло, и коранъ потерялъ свое прежнее значеніе.

Вотъ — что говорятъ. Посмотримъ, что̀ есть на самомъ дѣлѣ.

Мы уже нѣсколько разъ извинялись въ томъ, что имѣемъ слабость предпочитать исторію газетамъ. Мы предпочитаетъ Цезаря Кантю̀ *Times*-у, Гизо — *Morning Héraldy* и Гумбольдта — *Constitutionnel*-ю, хоть бы самъ префектъ Парижской полиціи былъ редакторомъ этой газеты. Вотъ — что̀ говоритъ Кантю̀; одинъ изъ историковъ, наиболѣе благосклонныхъ къ Турціи:

«Турецкая имперія будетъ всегда внѣ общаго европейскаго права. Она — ничто иное, какъ вооруженная орда, которая, разставивъ свои палатки въ лучшихъ странахъ Европы и Азіи, распространяетъ у покоренныхъ народовъ невѣжество и варварство. Все то, что̀ мы считаемъ варварскимъ, все то, что̀ мы отвергли, существуетъ въ Турціи. Административныя мѣста даются тѣмъ, которые за нихъ платятъ. Тамъ похищаютъ женщинъ, чтобы населять ими гаремы, похищаютъ маленькихъ мальчиковъ, для того, что-

бы сдѣлать изъ нихъ ичъ-оглановъ и евнуховъ. Такъ — какъ Турки никогда не прикрѣплялись къ почвѣ, на которой жили, и никогда не были настоящею *націей*, они требуютъ подати отъ страны, въ которой сохранившееся доселѣ муниципальное устройство постоянно поддерживаетъ потребность къ независимости. Какія преобразованія можно сдѣлать тамъ, гдѣ Коранъ — законъ, и гдѣ законъ допускаетъ варварство и жесточайшій деспотизмъ!»

Какъ бы ни кричали англійскіе и французскіе журналы, всѣ ихъ софизмы не уничтожатъ этихъ простыхъ и серьёзныхъ словъ, написанныхъ *десять лѣтъ* тому назадъ, безо всякой мысли о будущей Восточной войнѣ. Самъ Ламартинъ, которому признательность за благодѣянія, оказанныя ему Абдулъ-Меджидомъ, мѣшаетъ представить во всей силѣ неизлечимый упадокъ Востока, долженъ былъ прикрыть золотымъ и пурпурнымъ плащемъ своего краснорѣчія этотъ деспотизмъ, возсѣдающій на развалинахъ. Вездѣ онъ нашелъ мечъ, вмѣсто закона, колъ и палку, вмѣсто кодекса постановленій,—рабство женщины, униженной до такой степени, что она не болѣе, какъ орудіе страсти, изуродованную юность, бѣдность и голодъ, побуждающіе къ разбою, и религію, проповѣдующую фатализмъ, который уничтожаетъ въ самомъ началѣ всѣ способности и всякую свободу человѣческой воли.

Надъ всѣми этими бѣдствіями, стыдомъ и ранами

великій поэтъ разсѣялъ блестки своего краснорѣчія. Онъ говоритъ о небѣ, о лѣсахъ, о водахъ Оронта, о лаврахъ и кедрахъ Ливана, но осторожно умалчиваетъ о томъ ужасномъ варварствѣ, которое поражаетъ европейскаго путешественника, едва онъ только выѣзжаетъ изъ стѣнъ Константинополя, гдѣ присутствіе европейскихъ посланниковъ придаетъ христіанамъ болѣе уваженія и безопасности.

Если броспть безпристрастный взглядъ на такъ называемыя преобразованія, которыми Турція обязана Махмуду и его сыну, можно убѣдиться, что они касаются чисто матеріальной и военной части государства, что, однимъ словомъ, это перемѣны—только административныя и военныя, и не могутъ затронуть нравственныхъ началъ правительства, не оскорбивъ Корана. Только тогда, когда Махмудъ увидалъ, какіе успѣхи дѣлаетъ греческое возстаніе, подъ предводительствомъ европейскихъ офицеровъ и наставниковъ, только тогда заключилъ онъ, что европейское образованіе *лучше*, потому что *сильнѣе*. Вслѣдствіе того онъ рѣшился преобразовать свою армію: янычары получили ружья со штыками и мундиры. Въ этомъ состоялъ весь *успѣхъ*. «Такимъ образомъ», говоритъ нашъ историкъ, «этотъ Султанъ надѣялся сравнять свой народъ съ Европейцами, въ то время, какъ наносилъ ему смертельный ударъ, потому что отнялъ у народа фаталистическую самонадѣянность, у

арміи ея суровую храбрость, которая одна только могла придать имперіи могущество и безъ которой для нея ничего болѣе не осталось, кромѣ чувства упадка. Вотъ новое доказательство того, что преобразовывать въ дряхломъ государствѣ есть тоже, что уничтожать.»

Эти слова столь справедливы, что можно смѣло сказать, — турецкіе султаны и египетскіе паши заимствовали отъ европейской цивилизаціи только то, что̀ могло служить къ утвержденію и распространенію ихъ жестокаго деспотизма.

Чтобы видѣть Турцію великою, славною и страшною для Европы, нужно взять ее въ то время, когда она, вѣрная своему началу, распространяла Коранъ съ мечомъ въ рукѣ, и доходила до воротъ Вѣны, пролетѣвъ черезъ Венгрію кровавымъ метеоромъ. Въ царствованіе Мурадовъ и Селимовъ, въ это время, столь блестящее для исламизма и столь печальное для западной Европы, Турція показала, что̀ можетъ сдѣлать фанатическій народъ, руководимый фатализмомъ и надеждою на рай, полный чувственныхъ удовольствій. Въ это время господствовало религіозное начало; все въ Турціи: политика, правительство, администрація и янычары, все шло на приступъ укрѣпленій Родоса, съ крикомъ—*Аллахъ акбаръ*—и умирало съ крѣпкою вѣрою въ тотъ небесный гаремъ, который обѣщалъ Магометъ.

Гражданскія преобразованія, сдѣланныя въ царствованіе Махмуда, по выраженію Кантў, только ослабили и исказили исламизмъ. «Махмудъ и Абдулъ-Меджидъ разрушали, не думая о завтрашнемъ днѣ, и дѣло кончилось тѣмъ, что, уничтоживъ старое зданіе, они не могли воздвигнуть новаго. Преобразованія не имѣли въ Турціи другаго послѣдствія, какъ только то, что отняли у мусульманъ ихъ первоначальныя качества, не придавъ имъ никакихъ новыхъ. Объявили свободу женщины, но гаремы не отворялись, и женщинамъ представлена свобода настолько, на сколько нужно было для того чтобы увеличить испорченность нравовъ.»

«Мусульмане смотрѣли на Махмуда, какъ на ренегата, и трупы, часто плававшіе по Босфору, показывали народное неудовольствіе и наказаніе.

«Одинъ дервишъ, почитавшійся святымъ, явился къ Падишаху, и сказалъ ему: «*Невѣрный! неужели ты не насытился проклятіями? Ты уничтожаешь учрежденія нашихъ отцовъ, ты потрясаешь исламизмъ, ты навлекаешь месть пророка на себя и на насъ.* Дервишу была отрублена голова, и народъ видѣлъ, какъ его трупъ былъ окруженъ эѳирнымъ пламенемъ.»

Слѣдующее мѣсто, которое мы также заимствуемъ у Кантў (т. X, стр. 333), и которое было написано безо всякой мысли о Восточномъ

вопросѣ, покажетъ намъ въ нѣсколькихъ строкахъ, что такое успѣхи Турціи и ея образованіе, во имя котораго Франція вооружается теперь противъ христіанскаго народа, и для чего она испрашиваетъ благословенія своихъ епископовъ, которые пѣли слишкомъ много *Te Deum* для всѣхъ властей, перемѣнявшихся во Франціи въ теченіе двадцати лѣтъ, чтобы не имѣть въ запасѣ нѣсколькихъ *oremus* для Магомета.

«Нынѣ въ Турціи и Египтѣ есть всякого рода учрежденія, установляемыя въ образованныхъ странахъ, даже телеграфы; это служитъ доказательствомъ несправедливости мнѣнія тѣхъ, которые измѣряютъ образованность статистическими цифрами и правительственными учрежденіями. Мегемедъ-Али и Махмудъ воспользовались познаніями Европы, только для того, чтобы организовать азіятскую тиранію, и нельзя найдти болѣе сильнаго осужденія мусульманской цивилизаціи, какъ въ опытѣ, сдѣланномъ Махмудомъ и Мегеметомъ. Въ немъ все матеріально, поверхностно, безплодно. Свобода, мысль, достоинство, законность, человѣчество, словомъ — все, что составляетъ славу христіанскихъ государствъ, или предметъ ихъ желаній,—въ Египтѣ и Турціи неизвѣстно: тамъ народъ, весьма мало возвышающійся надъ рабочимъ скотомъ, купленнымъ для обработыванія земли и возки тяжести, работаетъ для своего хозяина. Тамъ рекрутскій наборъ — *охота за людьми*; администрація —

іерархія угнетеній; палка — всеобщее правило и наказаніе всякого, безъ исключенія, когда не идетъ дѣло о головѣ. Тамъ—народонаселеніе несчастное, безъ сознанія своего достоинства, безъ удовольствій. Есть оружейные заводы, но нѣтъ госпиталей, и пр. и пр.»

Кантю могъ бы присоединить къ этой картинѣ нѣсколько чертъ, которыя послужатъ достаточнымъ мѣриломъ успѣховъ Турціи. Нѣсколько недѣль тому, въ журналахъ было объявлено, что въ Константинополѣ *было публично выставлено двадцать головъ*, въ слѣдствіе одного возмущенія. Впрочемъ, какъ мы сказали прежде, комедія *европейскаго прогресса* можетъ играться безопасно для Султана только въ Константинополѣ, гдѣ европейскіе штыки и пушки заставляютъ соблюдать человѣколюбіе и народное право. Но мы очень сомнѣваемся, чтобы какой нибудь улема посмѣлъ объявить въ Дамаскѣ, Алеппѣ, Бруссѣ, Мединѣ, Меккѣ или Багдадѣ тотъ *хатти-шерифъ*, въ которомъ Абдулъ-Меджидъ даровалъ христіанамъ право свидѣтельствовать въ судѣ противъ мусульманина. Если бы кто нибудь осмѣлился сдѣлать такое оскорбленіе исламизму въ Дамаскѣ или другомъ мѣстѣ, онъ за такую дерзость былъ бы убитъ, безо всякой пощады, и тѣло его, обнесенное нѣсколько разъ на показъ по улицамъ, послужило бы обѣдомъ для собакъ *правовѣрныхъ*.

Пусть же, однажды на всегда, оставятъ эти пустые и ложные толки о мусульманской *образованности*. Въ отношеніи *варварства*, Турція теперь тоже, что была при Мурадѣ и Селимѣ I, съ тѣмъ различіемъ, что теперь это варварство упадающее, безсильное, не имѣетъ уже для своей поддержки того блестящаго могущества, которое дѣлало его предметомъ ужаса Европы въ XVI и XVII вѣкахъ.

Сто разъ повторяютъ, что Турція — орда, *разбившая лагерь* въ Европѣ, къ стыду христіанскихъ державъ Запада, которыя, изъ эгоистическихъ страстей и соперничества, опустили изъ виду интересы христіанской цивилизаціи. Такимъ образомъ нѣсколько разъ видѣли соединеніе турецкаго знамени то съ французскимъ, то съ австрійскимъ орлами, то съ венеціанскимъ львомъ; и теперь опять, послѣ кровопролитныхъ сценъ, театромъ которыхъ была Греція отъ 1824 до 1829 года, послѣ страшныхъ убійствъ въ Сціо, Ипсарѣ, Гидрѣ, Миссолунги, которыя подняли въ Европѣ всѣхъ, у кого было великодушное сердце, мы видимъ, что политическія соперничества господствуютъ надъ нравственными началами христіанской образованности, что французскіе епископы благословляютъ штыки, которые должны обагриться греческой кровью груди, гдѣ пробудилось въ 1826 году то геройское чувство, которое прославило Марка Боцариса, Одисея, Колокотрони, Міавлиса, Канариса,

Цавелласа, Карапскакиса и столь многихъ Ахилловъ, коимъ не доставало только Гомера.

Но, говорятъ, Россія можетъ завладѣть Константинополемъ, а затѣмъ цѣлымъ свѣтомъ, и уничтожитъ повсюду образованіе. Мы не пропустимъ этого обвиненія, и схватимъ быка за рога.

На это мы скажемъ прямо и громко: для того, чтобы дерзнуть прикрыть такимъ грубымъ предлогомъ ужасъ Англіи и Наполеоновъ эгоизмъ, который находитъ прекрасное отводное средство въ войнѣ еще болѣе нелѣпой, чѣмъ нечестивой, нужно было разсчитывать на совершенное незнаніе въ Европѣ исторіи, нужно смотрѣть на нынѣшнее поколѣніе, какъ на лишенное совершенно людей мыслящихъ, нужно имѣть однимъ словомъ еще болѣе презрѣнія къ здравому смыслу европейскихъ народовъ, чѣмъ когда либо имѣлъ египетскій паша къ своимъ Фелахамъ.

Странное дѣло! напередъ празднуютъ побѣды, объявляютъ, что 50,000 Англо-Французовъ, при помощи турецкой арміи, достаточны для того, чтобы прогнать Русскихъ назадъ въ ихъ предѣлы; обѣщаютъ взять Петербургъ, Кронштадтъ и Севастополь однимъ ударомъ, — и этой то слабой Россіи такъ опасаются, такъ боятся, чтобы она не завладѣла Европою!.... Никогда слова Фигаро: «надъ кѣмъ здѣсь смѣются?» не

могли быть лучше употреблены, какъ въ этой темной интригѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Англія обманула насъ слишкомъ грубо, и подъ ея великодушнымъ предлогомъ защиты европейской образованности, очень дурно скрываются торгашескія заботы и ея испугъ, при мысли о возможности нападенія на Индію, что поставило бы ее въ скоромъ времени на одну доску съ Голландіей.

Англія, нужно признаться, съ большимъ искусствомъ представила въ другомъ видѣ причины этой неблагоразумной войны, которая произвела уже застой въ промышленности и торговлѣ, остановила движеніе искусствъ, помѣшала многимъ великимъ трудамъ во Франціи, Бельгіи, Германіи, уничтожила капиталы, и въ короткое время можетъ сдѣлать изъ Европы обширное поле битвы, гдѣ народы принуждены будутъ сражаться *противъ своихъ естественныхъ союзниковъ, изъ выгодъ своихъ старыхъ враговъ и противниковъ.*

—

VIII.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НЕЙТРАЛЬНЫМЪ.

Еслибы Восточный споръ былъ ограниченъ Россіей и Англіей, вмѣсто того, чтобы угрожать цѣлой Европѣ всеобщимъ пожаромъ, мы бы

оставались очень хладнокровными къ этой борьбѣ, въ которой бы дѣло шло о чисто торговыхъ вопросахъ. Но Англія, увлекши за собою Францію, сдѣлавши ее своею соучастницею въ этой безразсудной войнѣ, изъ своихъ эгоистическихъ видовъ, показавши наполеоновскому правительству дорогія преимущества войны, которая мѣшаетъ пробужденію внутренней политической борьбы, нарушила европейскій миръ, и мы имѣемъ право сказать, что ея чудовищная политика приготовляетъ для Европы, можетъ быть, новую тридцатилѣтнюю войну.

Англичанину еще можетъ нравиться эта британская политика, неотступающая ни передъ чѣмъ, для того, чтобы поддержать благосостояніе Англіи; она развиваетъ то знамя революціи, то законности, она держитъ въ своихъ рукахъ изгнанниковъ цѣлаго міра, чтобы, въ случаѣ нужды, бросить ихъ, какъ зажигательные снаряды, на европейскія государства; она отнимаетъ владѣнія у Индійскихъ князей, и дѣлаетъ изъ нихъ прикащиковъ лондонскихъ купцовъ; она заставляетъ Китай, приставивъ ножъ къ горлу, покупать у нея на сто тридцать милліоновъ франковъ опіума, которымъ прокладываетъ себѣ дорогу къ завоеванію этой страны, повергая въ скотское состояніе ея жителей; она запрещаетъ въ Индіи разведеніе риса и хлѣба, и замѣняетъ ихъ макомъ, предназначеннымъ для опіума, рискуя ежегодно погубить съ голоду тысячи чело-

вѣческихъ душъ; она посылаетъ во всѣ океаны свой флагъ, и, какъ древній Римъ, мечтаетъ о подчиненіи себѣ и обложеніи данью цѣлаго свѣта, устроивъ *городъ*, гдѣ граждане были бы королями и куда бы стекало тысячью путями золото цѣлаго свѣта.

Еслибы я былъ англичаниномъ, я бы гордился тѣмъ, что принадлежу къ націи, господствующей надъ столькими вассалами и данниками; но, какъ гражданинъ свободнаго народа, какъ мыслящій человѣкъ, вопросившій исторію не съ узкой точки зрѣнія эгоистическихъ и временныхъ интересовъ одного какого либо народа, я долженъ сказать, противъ многихъ критиковъ, что въ этой войнѣ англійская политика была только обманомъ, притворствомъ, ложью.

Едва только началась война, какъ Англія уже успѣла обнаружить свои торгашескія цѣли. Вокругъ Севастополя осторожно лавируютъ и крейсируютъ; но за то сжигаютъ въ Одессѣ цѣлые грузы товаровъ, принадлежавшихъ нѣмецкимъ, французскимъ и другимъ купцамъ. Россіи нечего опасаться за свои нужды: Англія продастъ завтра же,—кромѣ военныхъ запасовъ,—все, въ чемъ нуждается ея непріятель. Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы покрыть себя славою, или возобновить подвиги знаменитаго Адмирала Драке, но просто, чтобъ очистить лон-

донскіе доки. Всякой магазинъ, который горитъ, увеличиваетъ запросъ на произведенія Англіи.

Пруссія и Австрія, не смотря на кокетство Англіи и на нѣкоторый родъ угрозъ Франціи, чувствуютъ, что имъ нельзя принять роль кумовьевъ въ этой комедіи, которая играется въ бенефисъ Джонъ Буля. Пруссія, Австрія и Россія составляютъ компактную массу, крѣпкую своимъ единствомъ и протяженіемъ отъ Сѣвернаго моря до Чернаго и Адріатическаго. И что всего опаснѣе въ этой безчестной войнѣ, такъ это то, что въ короткое время вся Европа можетъ сдѣлаться обширнымъ полемъ битвы, борьбы революціи съ законнымъ началомъ, тогда какъ Англія, отстранившись осторожно отъ этой игры, станетъ спокойно считать, что ей будетъ стоить пожаръ, который она зажгла.

И эта война, эти убійства, пожары, насилія, бѣдствія—все это происходитъ во имя *просвѣщенія*, которому будто бы угрожаютъ русскіе.

Въ такой борьбѣ, въ такомъ всеобщемъ пожарѣ, можно ли думать, чтобы какому нибудь народу позволено было оставаться нейтральнымъ и пѣть:

Qu' on se batte,
Qu' on se déchire!
Peu m'importe etc.

(Пусть дерутся, пусть раздираютъ на части другъ друга! что мнѣ за дѣло? и пр.)

Заблужденіе! Намъ, Бельгійцамъ, нужно будетъ принять участіе въ этой войнѣ, театромъ которой сдѣлаются наши провинціи; намъ, Бельгійцамъ, нужно будетъ оставить нашихъ старыхъ союзниковъ, и идти подъ знаменами Бонапартовской Франціи;—намъ нужно будетъ драться съ нашими Германскими братьями, которымъ Европа обязана паденіемъ первой имперіи; — намъ нужно будетъ обратить штыки противъ тѣхъ, которые сражались при Ватерлоо, и въ то время Бельгія и цѣлая Европа узнаютъ, чего имъ будетъ стоить корыстолюбіе и адскій эгоизмъ Англіи.

7 мая 1854.

—

IX.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

Желаніе Франціи и Англіи *локализировать* Восточную войну и ограничить ее берегами Чернаго и Балтійскаго моря — все болѣе и болѣе неудобоисполнимо. Франція, нашедшая въ Восточномъ спорѣ прекрасный случай отстранить вниманіе публики отъ дѣйствій и намѣреній Тюильрійскаго Кабинета и дать новую пищу французскому книгопечатанію, разжевывавшему бонапартовскіе папегирики, уже слишкомъ ста-

рые и истасканные, — Франція, говоримъ мы, начинаетъ понимать, что Англія можетъ легко устроить *европейскую войну*, которая въ переводѣ значитъ: борьба революціи противъ стараго европейскаго порядка.

Образъ дѣйствій Пруссіи, въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, не допускаетъ болѣе никакого сомнѣнія насчетъ того, какую роль будетъ играть эта держава въ спорѣ, возбужденномъ хитростію и эгоизмомъ Англіи. Пруссія, которой слѣдуетъ бояться увеличенія въ Европѣ французскаго вліянія и бонапартизма,— Пруссія, Рейнская линія которой находится въ столь большой опасности, поняла значеніе рѣчи Бонапарта, заимствованной у его дяди, касательно будущаго лагеря въ Булонѣ, надъ которомъ онъ лично приметъ команду. Никогда племянникъ не былъ столь вѣрнымъ соблюдателемъ преданій дяди, какъ этотъ Цезарь 2-го декабря.

Пруссія принуждаетъ Австрію идти за собою. Бѣдная Австрія! если она склонится совершенно на одну сторону, можетъ потерять Италію, если на другую, можетъ лишиться Венгріи. Но какъ бы то ни было, война, которую хотѣли сдѣлать *мѣстною*, распространяется, расширяетъ свои предѣлы, и, въ непродолжительномъ времени, Европа можетъ сдѣлаться широкимъ полемъ убійства.

И такъ, если возникнетъ европейская война, кто можетъ опредѣлить — какую роль будетъ играть революція, и кто можетъ сказать: «станемъ здѣсь! Не пойдемъ далѣе!» — Если вспомнимъ, сколько крови и слезъ стоили Европѣ послѣднія смуты передъ настоящею войною, если вспомнимъ о нынѣшней Франціи, усмиренной съ недавняго времени штыками и подкупленными генералами, какъ можно взирать безъ ужаса на новый потокъ золъ, мести и бѣдствій всякого рода, которыя возбудила въ Европѣ Англія, для защиты своей Индіи?

Что́ касается Бельгіи, мы предвидимъ съ сожалѣніемъ то время, когда она насильно будетъ извлечена изъ своего страдательнаго положенія, чтобы принять участіе въ борьбѣ, во всякомъ случаѣ роковой для нея, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Англо-французскій союзъ разорвалъ цѣпь нашихъ союзовъ и перемѣнилъ сферу нашихъ дѣйствій, и бельгійская армія — теперь, можетъ быть, наканунѣ того дня, когда должна будетъ обратить свою шпагу противъ той Германіи, которая была всегда для насъ щитомъ и вѣрною союзницею противъ дерзкихъ требованій Франціи, вновь оживленныхъ бонапартистическимъ направленіемъ ея Правительства.

Было объявлено, что война обойдется безъ жестокостей, что она будетъ вѣрна началамъ

цивилизаціи, интересы которой она *защищаетъ*. Такъ говорятъ. И вотъ—что̀ дѣлаютъ.

Мы читаемъ во вчерашнемъ нумерѣ газеты Nation письмо изъ С. Петербурга, гдѣ сказано:

«На островѣ Эзелѣ Англичане *повѣсили трехъ Финляндцевъ, отказавшихся служить для нихъ кормчими.*»

Этого достаточно для человѣколюбія. Что̀ же касается *нравственности* добродѣтельной Англіи, мы сомнѣваемся, чтобы въ самые худшіе дни тридцатилѣтней войны совершилось дѣло столь чудовищное, какъ это убійство, совершенное хладнокровно надъ тремя русскими подданными, которые отказались *вести непріятеля.*

Что̀ же относится до Франціи,—вотъ какимъ образомъ она представляетъ собою образованность и человѣколюбіе въ этой войнѣ, начатой изъ торгашескихъ интересовъ Англіи.

Мы приведемъ здѣсь слово въ слово одно письмо изъ Парижа въ редакцію газеты Nation:

Парижъ, 10 мая 1854.

Французскіе и иностранные журналы передаютъ, безъ всякого размышленія, какъ явленіе самое простое и естественное, поступокъ, постыдный и безчестный для 2-го декабря и для французскаго флота:

Одинъ французскій пароходъ и одна дивизія турецкаго флота, плавая по водамъ Греціи, *по-*

топили, около Салоники, *три корабля съ греческими волонтерами*. Эти суда были купеческія, лишенныя защиты, и греческіе волонтёры не имѣли оружія! Какой благородный и достойный подвигъ — потопить подлымъ образомъ людей, когда ихъ должно было взять въ плѣнъ!! Какой трофей для наслѣдниковъ Дюгё Труэна, Дюкеневъ, Турвиллей и столь многихъ другихъ, — эти 1000 или 1200 труповъ, брошенныхъ, при помощи нашего флота, на дно морское! Видана ли гдѣ нибудь болѣе холодная, болѣе безполезная жестокость? Пусть уже себѣ Турки совершаютъ такія варварства, я объясню себѣ тогда такой поступокъ: всякой знаетъ этотъ народъ и его дѣла. Но чтобы Франція, которая, три дня тому назадъ, хвасталась въ своихъ журналахъ человѣколюбіемъ, мягкостію и образованностію, показанными ею, вѣроятно, во время умѣреннаго бомбардированія Одессы, дѣлалась соучастницею въ такихъ низкихъ поступкахъ, этого исторія и будущія поколѣнія не поймутъ никогда.

Прибавьте къ этому, что на самомъ дѣлѣ Греки не въ войнѣ съ Франціей, что ей не къ чему придраться къ нимъ, и что они возстали теперь, какъ прежде, когда мы сражались за нихъ и вмѣстѣ съ ними, чтобы возстановить ихъ гражданскую, политическую и религіозную свободу, и освободить ихъ женъ и дѣтей отъ неслыханнаго звѣрства ихъ притѣснителей. Чѣмъ священнѣе ихъ дѣло, тѣмъ законнѣе ихъ возста-

ніе, и тѣмъ преступленіе—я не боюсь произнести этого слова—нечестивѣе, безобразнѣе и ненавистнѣе. Не сдѣлались ли мы наконецъ пиратами? Право, кажется-такъ! Пусть падетъ отвѣтственность этого огромнаго избіенія человѣческаго рода, лишеннаго защиты и оружія, на тѣхъ, которые возбудили это кровопролитіе: Франція должна поспѣшить омыть себѣ руки.»

14 мая 1854.

—

X.

ТАЙНЫЯ ПРИЧИНЫ.

Событія, кажется, хотятъ оправдать наши предположенія, и мы безо всякой гордости можемъ сказать, что происшествія, которыхъ мы были свидѣтелями въ теченіе мѣсяца, могли бы намъ дать нѣкоторое право на наслѣдіе Нострадамуса и Матьё Ленсберга.

Такъ мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ: Греція, изъ которой зависть Англіи хочетъ сдѣлать государство слабое, безъ будущности, безъ естественныхъ границъ, безъ общественной жизни, Греція, изъ которой европейскія державы, послѣ битвы при Наваринѣ, хотѣли сдѣлать государство, полное жизни и силъ, должна воспользо-

ваться первымъ случаемъ, чтобы присоединить къ себѣ греческія племена, которыя Англія желаетъ сохранить въ зависимости отъ Турціи.

Мы сказали еще: Россію не ослабятъ, но возбудятъ къ ней привязанность греческаго населенія Турціи, и Франція приметъ на себя въ 1854 году позорную роль ковательницы тѣхъ цѣпей, которыя она разорвала при Наваринѣ въ 1827.

Ходъ дѣлъ оправдалъ наши предположенія. На совѣсти Англіи былъ позорный и кровавый торгъ, заключенный ею въ 1828 году съ Али-Пашою при сдачѣ Нарги. Ей хотѣлось, чтобы Франція не имѣла права ничѣмъ попрекать ей, и предоставила ей геройскую и великодушную обязанность оставить посреди христіанскихъ народовъ Греціи свои гарнизонъ, для защиты Турціи. Не забудемъ прибавить къ этому, что каждый день французское духовенство, которое молилось то за Карла X, то за Людовика-Филиппа, то за Ламартина, то за Кавеньяка, и которое уже два года поетъ свои *Te Deum* за 2-ое декабря, возсылаетъ теперь молитвы къ Всевышнему, чтобы онъ даровалъ побѣду Магомету надъ *собаками-христіанами* Аѳинами и Македоніи!

Мы не возьмемъ на себя обязанности объяснять, чѣмъ заслужилъ Магометъ такую теплую

симпатію со стороны галликанскаго духовенства.

Притомъ посмотрите, какое логическое поведеніе Англіи и Франціи во всемъ этомъ дѣлѣ, настоящія причины котораго скрываютъ, боясь, чтобы общественное мнѣніе Европы, лучше направленное, не освистало Франціи, за то, что она согласилась быть союзницею, для выгодъ англійской лавки, и для продолженія существованія этой Англо-индійской Имперіи, безъ которой Англія завтра же упадетъ ниже Голландіи.

Предлогъ, выдуманный, Англіей, есть угрожающая Европѣ опасность—*оказачиться* (!)* черезъ два года, если не остановятъ побѣднаго шествія Россіи. Но *дѣйствительная* причина есть сильное опасеніе Англіи, при видѣ того, какъ Россія постоянно приближается по немногу къ Аѣганистану, укрѣпляетъ союзъ съ Хивою, Бухарою и Харезмомъ, и потихоньку приготовляетъ ту катастрофу, въ которой многочисленные корабли ея не спасутъ ее отъ вѣрной погибели.

Что̀ касается Франціи, причина ея союза съ Англіей заимствована изъ греческой исторіи; начало

---

* Мы сожалѣемъ, что въ качествѣ точнаго переводчика всѣхъ нелѣпостей, которыя взваливаютъ на насъ, мы должны искажать здравый русскій языкъ такимъ неологизмомъ. Но странность этого новаго глагола служитъ выраженіемъ странности понятія, которое онъ представляетъ. *Пер.*

ся—собачій хвостъ Алкивіада, необходимое средство для всякого деспота, который опасается пробужденія подавленнаго общественнаго мнѣнія. Положеніе Бонапарта было дѣйствительно затруднительно. Нельзя же черезъ каждые два года разрушать Парижъ, выкапывать озера въ Булоньскомъ лѣсу, и каждые шесть мѣсяцевъ обращать третью часть народонаселенія въ кочующее племя, живущее въ омнибусахъ и подъ зонтиками. Умерщвленное книгопечатаніе, онѣмѣвшая трибуна, изгнанные поэзія и умъ, театры, имѣющіе шпіоновъ, вмѣсто Меценатовъ, и Г. Клервиля, вмѣсто Мольера, всѣ эти *реформы*, заимствованныя *изъ духа постановленій 1789 года*, — какъ говорятъ очень важно знаменитые Тюильрійскіе фарсёры, — всѣ эти удовольствія, которыми Франція обязана великому человѣку, *представителю* Провидѣнія, недостаточны были для Парижанъ. Что же прикажете дѣлать? Парижъ, уставъ наконецъ отъ удовольствій разрушенія, отъ наслажденій прозою Г. Лагероньера и отъ *Тедеумовъ* Г. Сибура, началъ разсуждать о нравственности, умѣ, чести и честности своихъ правителей, и, при помощи праздности, такое развлеченіе могло сдѣлаться очень вреднымъ для людей 2-го декабря.

Геній англійской политики заключается въ томъ, что она поняла, въ чемъ состоитъ задача, и дала вмѣстѣ понять Бонапарту, что отъ нея зависитъ его укрѣпленіе во Франціи. Въ этомъ за-

ключается торжество государственныхъ людей Англіи, которые, хотя сочиняютъ гораздо хуже водевилп, чѣмъ Гг. Парижане, но за то сильнѣе ихъ въ политикѣ.

И такъ, Англія, которой нельзя было отправляться на войну, оставивъ позади себя молодца, который, до самыхъ послѣднихъ мелочей, подражаетъ всѣмъ дѣйствіямъ, движеніямъ и словамъ своего дяди, — Англія увидала, что опасно оставлять свои берега незащищенными, свои арсеналы дурно охраняемыми, въ виду этого политическаго *сломишеи* (casse-cou), который легко могъ бы, въ отсутствіе флотовъ, короновать себя въ Вестминстерѣ англо-французскимъ императоромъ; — Англія должна была сказать императору Французовъ: «Вы имѣете армію, для которой праздность вредна и которая становится день ото дня недовольнѣе. Какіе бы ни писалъ вамъ панегирики Лагеронъеръ, и какія бы ни посвящалъ вамъ произведенія Жирардень, дѣло все таки въ томъ, что *народъ ропщетъ*, — какъ говорится въ мелодрамахъ Бушарди;—чтобы разсѣять его, вы разрушили Парижъ, и поселили людей на улицѣ, обѣщая имъ лучшія квартиры: это прекрасно! это значитъ дѣйствовать умно, — особенно съ Парижанами! Вы кушали *хлѣбъ—соль* съ Луврскими работниками *,

---

* Это разсказывается въ Patrie и Constitutionnel.

и Лагерьеръ послалъ объ этомъ предметѣ потомству масляную тартинку въ шесть печатныхъ колонпъ: что же! вѣдь это все также старо, какъ честь Г. Дюпена, все это столь же скудно, какъ совѣсть Г. Бароша.

«Послушайте меня! я человѣкъ добрый и сейчасъ докажу вамъ это. У меня есть теперь маленькое несогласіе съ Россіей, — знаете, тою дьявольскою страною, въ которой господинъ вашъ дядюшка оставилъ четыреста тысячъ человѣкъ, и гдѣ его звѣзда направилась по дорогѣ къ Ватерлоо, — идите же се мною! Франція еще не совсѣмъ хорошо ознакомилась съ казаками 1814 и 1815 годовъ, и ей будетъ пріятно подраться съ этими нечесаными. Пришлите къ намъ армію и флотъ, оставьте во Франціи все то, что̀ вамъ предано, а прочихъ отправляйте туда, чтобы они *покрыли себя славою*, какъ говорятъ въ вашихъ водевиляхъ.»

Мы не имѣемъ удивительнаго дара журнала *Indépendence* увѣрять, что Англія дѣйствительно такъ говорила императору Французовъ,—но мы увѣрены, что таковъ былъ по-крайней мѣрѣ смыслъ спича (*speech*) коварнаго Альбіона, который на этотъ разъ доказалъ, что умѣетъ завязать интригу нехуже покойнаго Сулье и плодовитаго Дюма̀.

Совѣтъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы его не принять, и на мѣстѣ героя 2 декабря, мы бы, конечно, поспѣшили воспользоваться имъ. Вос-

точная война упрочивала за императоромъ дольшее пребываніе въ Тюильри, а это такая пріятная квартира, отъ которой неблагоразумно отказаться!

И такъ, война была рѣшена; но для Франціи нуженъ былъ какой нибудь *предлогъ*.

Недостатокъ этого *предлога* былъ самымъ пустячнымъ дѣломъ для героевъ 2 декабря; эти молодцы поступили также, какъ волкъ, который не нашелся сдѣлать лучшаго упрека ягненку, какъ то, что онъ *мутитъ воду*. И такъ: открыли, что Россія нарушаетъ *миръ Европы*, вредитъ свободѣ и образованности Запада, желаетъ защитить своихъ единовѣрцевъ противъ варварства Турокъ,—которыхъ еще недавно французскіе поэты называли *farouches Ottomans*. Только замѣчено было, что въ этихъ дипломатическихъ рѣчахъ г. Друэнъ-де-Люисъ не говорилъ ни разу о спасеніи свободы Франціи.—Этотъ достойный человѣкъ навлекъ бы на себя наконецъ смѣхъ цѣлой Европы, сказавши это.

Начали съ журналовъ, которымъ велѣли порицать, сколь возможно болѣе, Россію. Призвали Раффе и Беранже, и сказали имъ: «представьте намъ что нибудь воинственное и славное; напримѣръ французскаго героя, который покрываетъ себя славою, и возвращается съ битвы, отправивъ на тотъ свѣтъ нѣсколько казаковъ».

Беранже, какъ бонапартистъ, не любитъ Россіи, въ которой Наполеоновскій орелъ лишился своихъ крыльевъ; онъ написалъ *Стражей Порты* —произведеніе, безспорно прекрасное! Только, благодаря англо-французскому союзу, Англичане, которыхъ представляли въ 1826 году съ жабо, съ аршинными носами, съ ногами, какъ ступни, превратились вдругъ въ настоящихъ молодцовъ,— каковы они на самомъ дѣлѣ.

Изъ Парижской полиціи были посланы шарманки, съ приказаніемъ играть по улицамъ пѣсню:

Partant pour la Turquie,
Le jeune et gros Plonplon,
Etc., etc.

(Отправляясь въ Турцію, молодой Плонплонъ и проч.)

А что̀ касается театровъ, имъ было строжайше приказано одерживать всякой вечеръ *блестящія побѣды надъ сѣверными врагами*.

Вотъ, что̀ мы находимъ объ этомъ, напримѣръ, въ *Journal de Charleroy*, одной изъ немногихъ плошекъ, горящихъ въ Бельгіи въ честь 2 декабря.

«Императоръ и императрица были въ субботу въ *Théatre de la Gaîte* на представленіи *Казаковъ*. Политическіе намеки и крики: *да здравствуетъ императоръ!* которыми наполнена эта

пьеса, возбудили въ толпѣ зрителей энтузіазмъ, который еще болѣе увеличивается, въ слѣдствіе присутствія ихъ величествъ. Жаркія привѣтствія, предметомъ которыхъ были императоръ и императрица, при входѣ въ залъ, нѣсколько разъ возобновлялись въ продолженіе спектакля, и доходили до бульвара, во время возвращенія ихъ величествъ.»

Можетъ быть, найдутъ, что у насъ дурной вкусъ и тяжелый характеръ, но мы думаемъ, что эти побѣды, одержанныя Наполеономъ III надъ казаками театра De la Gaité, блѣднѣютъ передъ битвами при Аустерлицѣ, Іенѣ, Ваграмѣ, Маренго, гдѣ Наполеонъ I, неподвижный и спокойный посреди урагана бомбъ, казался богомъ битвъ, къ которому не могли прикасаться пули. Мы, можетъ быть, ошибаемся: но Филиппъ-Августъ при Бувинѣ, Людовикъ IX при Таймбургскомъ мосту и при Мансурѣ, Францискъ I при Мариньянѣ и Павіи, Генрихъ IV, *правшій штагою лучше всѣхъ*, самъ Людовикъ XIII, этотъ блѣдный и меланхолическій король Франціи, и позднѣе Наполеонъ I, при Геліополѣ, или Арколѣ, гдѣ австрійская картечь образовала вокругъ него ореолъ желѣза и огня,— кажутся намъ выше, величественнѣе и достойнѣе *жаркихъ привѣтствій* народа, чѣмъ Наполеонъ III, который съ высоты своей ложи взираетъ съ удовольствіемъ *на пораженіе казаковъ театра De la Gaîté.*

И такъ, вотъ этотъ императоръ, сперва объявившій громко: *имперія есть миръ!* и потомъ увлекшійся вслѣдъ за Англіей въ войну, исходъ которой не можетъ предвидѣть никакой человѣческій умъ. И такъ, вотъ Европа наканунѣ новой тридцатилѣтней войны, причина которой (что бы ни говорили, съ цѣлью запутать дѣло,) есть слѣдующая:

Россія хочетъ защитить своихъ единовѣрцевъ отъ фанатизма и варварства Турокъ. Она требуетъ трактата объ этомъ, Турція колеблется, и въ то время, когда рѣшается уступить Россіи то, что Англія требуетъ въ Китаѣ и другихъ мѣстахъ посредствомъ пушекъ, Англія, находя это время удобнымъ, для того, чтобы начать Карѳагенскій споръ съ Россіей, приближенія которой къ Индіи она столь боится, вдругъ начинаетъ говорить о необходимости спасти свободу и просвѣщеніе Запада, но скрываетъ то, что ей болѣе всего нужно спасти пути для сбыта своихъ произведеній.

Мы приглашаемъ самаго опытнаго дипломата найдти другую *справедливую причину* Восточной войны. Если дѣло идетъ о предлогахъ, это, другое дѣло: Англія найдетъ ихъ, сколько вамъ угодно.

Однако англо-французскій союзъ, кажется, не лишенъ совершенно запасной мысли. Бонапартъ, считающій войну прекраснымъ отводнымъ политическимъ средствомъ, все таки не прин-

мается за нее слишкомъ серьёзно. Французскимъ адмираламъ приказано слѣдовать правилу Боало: *«спѣши медленно»;* они проходятъ въ Балтійскомъ морѣ четырнадцать миль въ пятьнадцать дней. Въ Черномъ морѣ они сторожатъ Севастополь, и любуются картинами Тавриды. Франція, по видимому, понимаетъ, что хотя Англія хорошая союзница, но все таки можетъ разсориться съ нею, и потому не желаетъ дать *новый Наваринъ* въ пользу Англіи, которая уже однажды, при помощи ея пушекъ, сдѣлалась единственною владѣтельницею Средиземнаго моря.

Между тѣмъ гасконады затихли; уже не говорятъ болѣе о томъ, чтобы взять Кронштадтъ въ двадцать четыре часа; рѣшаются лучше совсѣмъ его не брать. Карлуша находитъ, что это будетъ слишкомъ дорого стоить. Находятъ лучшимъ сдѣлать высадку на берега Финляндіи или Эстляндіи, и идти на Петербургъ, — *чтобы отомстить за пораженіе 1812 года*,—какъ говорятъ французскіе журналы, забывая прибавить къ этому, что Англія оторвала Россію отъ союза съ Франціей.

Въ Греческомъ Архипелагѣ, наслѣдники Канариса, Боцариса, мужественные суліоты, воспѣтые въ 1822 году Викторомъ Гюго, Ламартиномъ, Беранже, Делавинемъ, прославленные всѣми искусствами во Франціи и въ цѣлой Европѣ, — эти угнетенные Греки, за которыхъ умеръ

великій поэтъ Байронъ, теперь ни что иное, какъ *бандиты*, *пираты*, *бунтовщики*, которыхъ Франція должна вновь подчинить пріятному игу Турокъ. И въ этомъ отношеніи Англія предоставила Франціи самую постыдную обязанность.

Но это еще не все; справедливость и разсудительность Восточной войны еще съ большимъ блескомъ высказываются въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Нѣсколько дней тому назадъ, тридцать Итальянцевъ, вооруженныхъ ружьями, проплыли вдоль берега Адріатическаго моря. Тотчасъ позвали дармовъ, которые отобрали эти ружья.

Что жь? это маленькое происшествіе возбуждаетъ *tutti* негодованія Парижскихъ журналовъ. Они успѣли уже выдумать, что это было начало цѣлаго возстанія, къ которому подстрекала Россія!

Въ тѣхъ же самыхъ журналахъ, мы читаемъ, что *двоюродный* братъ *племянника дядюшки* представилъ султану Генерала Клапку, и что въ Константинополѣ заняты устройствомъ *венгерскаго легіона*.

Въ томъ же самомъ мѣстѣ тѣхъ же самыхъ французскихъ журналовъ мы читаемъ изъявленіе радости, что Австрія начинаетъ принимать рѣшительное участіе въ Восточномъ спорѣ и приготовляется дѣйствовать противъ праваго фланга арміи Паскевича, и пр. и пр.

Такъ соблазняютъ Венгрію обѣщаніями — обѣщаютъ въ скоромъ времени возрожденіе ея національности, и въ то же время радуются *содѣйствію* Австріи!

Какъ! Австрія подастъ руку тѣмъ, которые хотятъ оторвать отъ нея Венгрію? — это уже слишкомъ много.

Конечно, Франція лучше понимаетъ водевиль, чѣмъ политику.

28 Мая 1854.

—

XI.

НУЖНО УНИЗИТЬ ВСЕМОГУЩЕСТВО РОССІИ.

(Слова англо-французскихъ журналовъ).

Если въ продолженіе нѣкотораго времени мы не занимались этимъ ужаснымъ Восточнымъ вопросомъ, изъ котораго открылось до сихъ поръ не болѣе одного предисловія передъ глазами Европы, оттого, это произошло, что событіе кажется намъ столь важнымъ и столь запутаннымъ, что мы хотѣли подождать, пока какое нибудь серьёзное и рѣшительное происшествіе откроетъ передъ Европою двуличность Англіи въ этой безчестной войнѣ и покажетъ,

съ другой стороны, что для французскаго Правительства она была только счастливымъ отводнымъ средствомъ, которое должно было отвлечь вниманіе толпы и заставить ее — позабыть внутренній стыдъ.

Война была предпринята, какъ увѣряли нѣкоторые искусные люди, давшіе ложное направленіе общественному мнѣнію, ради *безопасности Европы*, которой угрожало ужасное развитіе могущества Россіи. Франція, говорилъ этотъ серьёзный фарсёръ, который управляетъ Франціей, должна имѣть цѣлію защитить образованіе и *свободу* Западной Европы... И вотъ нѣкоторые журналы начали приходить въ восторгъ отъ этой заботливости Бонапарта о свободѣ Германіи, и стали удивляться, какимъ потерямъ подвергаетъ себя Англія, для европейской безопасности, препятствуя слишкомъ сильной державѣ нарушить равновѣсіе державъ и возобновить притязанія Людовика XIV и Наполеона.

За лицемѣрными доводами Англіи скрываются низкіе торгашескіе интересы, ради которыхъ опустошили двѣ провинціи, ограбили тысячи семействъ, распространили отчаяніе, разрушеніе и смерть въ цѣлыхъ странахъ. Англійскіе журналы передаютъ съ циническимъ хладнокровіемъ бѣдствія, сопровождающія войну. Разрушенныя и сожженныя избы, трупы, заражающіе воздухъ и отравляющіе воду, разрушеніе и одичаніе

тамъ, гдѣ жило въ мирѣ многочисленное народонаселеніе; все это, говорятъ они, конечно очень грустно; но что же дѣлать? нужно прежде всего спасти Индію, доставить сбытъ Манчестерскимъ произведеніямъ, и еслибы цѣлый Востокъ сдѣлался пустынею, вслѣдствіе опустошеній войны и чумы, еслибы вся Европа сдѣлалась жертвою всеобщаго пожара, эта жертва сравнительно ничтожна, когда нужно спасти кассу Англіи!

Что́ касается Франціи, она, для безопасности имперіи и императора, дѣлаетъ пожертвованія безъ пользы и безъ славы. Ея армія, уже потерпѣвшая отъ холеры, принуждена будетъ зимовать передъ стѣнами Севастополя, и тогда потери отъ войны будутъ ничтожны, въ сравненіи съ потерями отъ тифа.

Нечестивую, лицемѣрную войну, въ которой нѣмая преданность судьбѣ и отчаяніе замѣняютъ храбрость и энтузіазмъ; хладнокровно — совершаемыя убійства и опустошенія, для спасенія финансовыхъ интересовъ и для утвержденія имперіи, которая, подпявшись внезапнымъ образомъ, созданная мечомъ, падетъ отъ взрыва всеобщей ненависти: — вотъ что́ англо-французскій союзъ представляетъ въ настоящее время Европѣ, приведенной въ негодованіе отъ этой борьбы безъ величія и безъ нравственности.

Эта война, причина которой, по словамъ Англіи, — образованіе, и *свобода*, какъ прибавляетъ Франція; эта война, не достигшая до сихъ поръ ни до какого настоящаго и сколько нибудь значительнаго результата, который бы заставилъ желать мира одну изъ воюющихъ сторонъ; эта война, которая стоила Европѣ тысячи людей и болѣе милліарда, — теперь не болѣе еще, какъ въ своемъ началѣ, и предвидѣть время ея исхода не можетъ ни одинъ человѣческій разумъ.

Преобладаніе русскаго колосса, грозящаго Западу, вотъ доводъ, которымъ воспользовался англо-французскій союзъ, чтобы достигнуть нейтралитета Германіи и дѣятельной, *неблагодарной* интервенціи Австріи. Но допустимъ, что Англія можетъ *унизить* и ослабить Россію, какъ она громко провозглашаетъ, тогда скоро и Германія почувствуетъ дерзкое преобладаніе Франціи, прежняя ненависть пробудится съ новою силою, и старая борьба Германіи и Франціи, усиленная содѣйствіемъ Англіи, дастъ сей послѣдней случай еще болѣе увеличить свое ненавистное вліяніе, и найдти въ упадкѣ европейскихъ промышленностей новое средство для сбыта своихъ произведеній, составляющаго постоянную заботу государственныхъ людей Англіи.

Австрія еще разъ доказала, что память о благодѣяніи есть тяжесть для облагодѣтельство-

ваннаго и источникъ ненависти къ благодѣтелю. Россія есть оплотъ Германіи, ея сильнѣйшая защита. Вся Германія, и особенно Австрія, скоро узнаютъ, къ своему вреду, что́ онѣ потеряли, предпочтя англо-французское преобладаніе вліянію Россіи.

Между тѣмъ, война идетъ своимъ кровавымъ путемъ; но уже Провидѣніе какъ будто хочетъ наказать лицемѣровъ, которые говорятъ о *просвѣщеніи*, распространяя повсюду опустошеніе, убійства и пожары,—о *свободѣ*, управляя великимъ народомъ, какъ египетскими феллахами, согнувшимися подъ палкою: — непредвидѣнный противникъ, одинъ изъ тѣхъ черныхъ рыцарей, которые являются въ легендахъ на турниры, съ опущеннымъ забраломъ, и бьютъ своимъ топоромъ всѣхъ, друзей и враговъ, принялъ участіе въ борьбѣ. Уже болѣе десяти тысячъ Французовъ пало отъ одного его дыханія; то на кораблѣ, то на полѣ, его невидимая рука бьетъ Англичанъ, Французовъ, падающихъ безъ славы, далеко отъ родины, проклиная ненасытную жадность Англіи и благоразумную осторожность императора, который пишетъ своимъ солдатамъ: «Ваши отцы страдали отъ чумы; вы — только отъ холеры; поэтому утѣшьтесь; старайтесь держать ноги въ теплѣ, и берегите свое здоровье. Что̀ касается моего здоровья, оно постоянно хорошо; въ Біарицѣ жить очень

пріятно, и я тамъ останусь, потому что не раздѣляю увѣренности моего покойнаго дяди, говорившаго, что бомба, которая должна была убить его, еще не вылита.»

Правда, взяли Бомарзундъ; но стоитъ ли это того, чтобъ заставлять кашлять старыя, охрипшія пушки Дома Инвалидовъ? И такъ какъ война ведется подъ именемъ дома Альбіонъ и К°, — плѣнныхъ раздѣляютъ честнымъ образомъ пополамъ, какъ дѣлаютъ дикія племена, соединившіяся вмѣстѣ для какой нибудь экспедиціи.

Но эти маленькія выгоды, которыя стоили столь дорого компаніи Джона Буля и Жана Шовена, кажется, должны служить предѣломъ ихъ честолюбія. Они чувствуютъ, что предприняли войну безконечную, въ которой побѣдитель останется въ одной рубашкѣ около побѣжденнаго совсѣмъ голаго. Они бы очень желали мира, но не думаютъ о томъ, что Россія не можетъ принять безчестнаго мира.

Если хотятъ стрѣлять изъ пушекъ Дома Инвалидовъ, намъ кажется, слѣдовало бы подождать успѣха болѣе замѣчательнаго, чѣмъ взятіе Бомарзундской казармы; и такъ какъ *Journal des Débats* увѣряетъ, что гранитъ разрушается, при видѣ Французовъ, какъ нѣкогда стѣны Іерихона передъ трубами Гедеона, пусть по крайней мѣрѣ подождутъ, пока возьмутъ Кронштадтъ или Се-

вастополь, чтобы Пиндары журналовъ *Patrie* и *Times* имѣли дѣйствительное право приходить въ восторгъ.

27 августа 1854.

XII.

ЧТО СТОИТЪ РУССКІЙ ПЛѢННЫЙ.

Англія, наслѣдница Карѳагенской политики, вычеркнула изъ своихъ лѣтописей слово *слава*, и замѣнила его другимъ существительнымъ: *выгода*. Въ толстой перепискѣ лорда Веллингтона слово *glory* не встрѣчается ни одного разу; но за то часто употребленіе *to gain*, *advantageous* и другихъ словъ, заимствованныхъ изъ лавочнаго словаря. Война для Англичанъ, какъ для ихъ предковъ Карѳагенцевъ, есть *афера*. Передъ генералами развертываютъ счетъ, и, если балансъ не говоритъ въ ихъ пользу, ихъ объявляютъ неспособными, какъ поступилъ Карѳагенскій сенатъ съ Ганнономъ, Гамилькаромъ и другими великими полководцами, непонятыми этимъ племенемъ купцовъ.

Теперь Англія какъ будто начинаетъ сходить съ ума; она занимается ариѳметикою съ безза-

ботливостію младшаго члена фамиліи. Она воюетъ на такихъ условіяхъ, которыя необходимо должны повлечь за собою паденіе дома Джонъ-Буля и Комп.

Разсмотримъ книги, повѣримъ издержки, сдѣланныя этою компаніей, для развитія свободы Запада, какъ говоритъ г. Бонапартъ. Взглянемъ, съ другой стороны, на выгоды, полученныя Джономъ Булемъ и его товарищемъ по комерціи, и мы ужаснемся, при видѣ, какія издержки употреблены на покупку тѣхъ тощихъ дивидентовъ, о которыхъ громогласно объявляютъ *Монитеръ*, *Times* и друг., желая набрать поболѣе акціонеровъ.

Мы здѣсь не говоримъ объ экспедиціи Чернаго моря, которая очень легко можетъ кончиться дефицитомъ, такъ какъ намекаетъ, кажется, самъ *Moniteur francais*, который въ первый разъ дерзнулъ замѣтить, что къ слову *Francais* не всегда бываетъ рифмою *succès*. Мы скажемъ только о дѣлахъ въ Балтійскомъ морѣ и операціяхъ дома Джонъ-Буля и К° въ этихъ предѣлахъ.

Первая плата дому Бадинге въ Парижѣ	60,000,000
Вторая плата.	250,000,000
Прочія издержки дома Джонъ-Буля.	300,000,000
	610,000,000

Итого, *шестьсотъ десять милліоновъ*, по счетнымъ книгамъ компаніи, истрачены на армію, флотъ и прочія военныя издержки.

Разсмотримъ теперь, какія выгоды получила компанія Джонъ-Буля и ихъ повѣренные, сэръ Чарльзъ Непиръ и Парсеваль—Дешень, во время пребыванія въ Балтійскомъ морѣ:

Барышъ: 1,800 русскихъ плѣнныхъ, полученныхъ изъ Бомарзунда, довольно *низкаго сорта*, если вѣрить отчетамъ журналовъ *Times* и *Constitutionnel*.

Если раздѣлите *шестьсотъ десять милліоновъ* на 1,800 плѣнныхъ, полученныхъ изъ Бомарзунда, тогда съ ужасомъ увидите, что *всякой плѣнный*, низшаго достоинства, обходится дому Джонъ-Буля болѣе, чѣмъ въ *триста тридцать тысячъ франковъ*.

Вспомнимъ, что Россія можетъ выставить въ поле войско болѣе чѣмъ въ милліонъ людей, положимъ, что она позволитъ Англіи взять въ плѣнъ тридцать или сорокъ тысячъ человѣкъ, по вышеупомянутымъ цѣнамъ, и спросимъ у всякого разсудительнаго купца, не есть ли подобная операція глупость, не рискуетъ ли окончательно обанкрутиться домъ, который предпринимаетъ подобныя дѣла?

И такъ, этихъ казаковъ, на которыхъ смотрятъ съ такимъ презрѣніемъ въ *Théatre de la Gaitè*

или въ *Гипподромѣ*, оцѣниваютъ на Лондонской и Парижской биржахъ въ *триста тридцать тысячъ франковъ*, по штучно, да еще низшаго достоинства. Кто могъ этого ожидать?

Триста тридцать тысячъ франковъ! Да это прежде была цѣна выкупа принца крови, и даже короля; теперь же домъ Джонъ-Буля возвысилъ цѣну всякого русскаго солдата, *тощаго* и *слабаго* (какъ говоритъ *Times*), до этой лестной суммы. Такая неожиданная вѣжливость торговаго дома Джонъ-Буля не можетъ не льстить всякому русскому подданному.

Тощіе результаты, полученные въ Балтійскомъ морѣ, откроютъ ли наконецъ глаза Джонъ Булю? Конечно, пріятно имѣть русскихъ плѣнныхъ; но если платить за каждаго изъ нихъ по триста тридцати тысячъ франковъ, этимъ, кажется намъ, можно возбудить только жалобы акціонеровъ.

Герцогиня де-Граммонъ сказала маршалу Тюренню, который показывалъ ей укрѣпленія и артиллерію Седана, и объяснялъ, почему они стоили болѣе 120,000 червонцевъ:

— Маршалъ! не вѣрьте мнѣ, если хотите, но я бы не истратила на это своихъ денегъ.

Намъ не безъизвѣстно, въ какомъ состояніи находятся кошелекъ Франціи и биржевые обороты Англіи; но намъ кажется, что, если стаѣ Французскихъ сенаторовъ платятъ въ годъ по тридцати тысячъ франковъ, это еще не поводъ

къ платѣ за всякого плѣннаго по триста тридцати тысячъ франковъ.

Цѣнить сенатора тремя стами тысячъ франковъ ниже казака, да еще низшаго достоинства,— это кажется намъ ужь слишкомъ лестнымъ для послѣдняго, и слишкомъ оскорбительнымъ для перваго.

17 сентября 1854.

—

XIII.

КАКЪ БОНАПАРТЪ ЗАЩИЩАЕТЪ СВОБОДУ ЗАПАДА?

Историкамъ, которые будутъ заниматься событіями нашей эпохи, трудно будетъ понять странное ослѣпленіе Германіи въ этой невѣроятной Восточной войнѣ, гдѣ Германія показала только любопытство какого-то артиста и праздная зрителя, не предполагая, что она присутствуетъ при первомъ актѣ своего будущаго паденія и помогаетъ развитію преобладанія Франціи и Англіи, гораздо болѣе для нея опаснаго, чѣмъ Россія. Исторія не пойметь, какъ государственные люди Германіи не замѣтили, съ перваго взгляда, что они возстановляютъ въ пользу

Франціи ту дерзкую диктатуру, гордыми представителями которой были Людовикъ XIV и Наполеонъ, и отъ которой Европа облилась потоками крови,—она не поймета, почему Германія не помогла своему союзнику, своему естественному защитнику, какъ она могла радоваться побѣдамъ Франціи, позабывъ о Рейнскомъ вопросѣ, который весьма легко можетъ заступить мѣсто Восточнаго, и тогда Германія подвергнется снова оскорбленіямъ, грабительству и опустошеніямъ, слѣды которыхъ до сихъ поръ сохранились на германской почвѣ, послѣ Людовика XIV и Наполеона.

Исторія спроситъ, какимъ образомъ Германія, и особенно Австрія—забывчивая Австрія!—могли вдругъ почувствовать такую нужду въ утвержденіи власти Бонапарта, который, нуждаясь въ войнѣ, какъ отводномъ политическомъ средствѣ, вмѣсто того, чтобы для этой цѣли отрѣзать хвостъ у своей собаки, посылалъ хладнокровно тысячи людей на бойню, чтобы дать пищу для разговоровъ праздныхъ Французовъ;—она, эта изумленная исторія, спроситъ еще, какъ Германія не поняла, что ея восточная сосѣдка менѣе опасна для ея національности, чѣмъ Франція, которая не забыла оскорбленій и униженія 1814 и 1815 годовъ, но безпрестанно вспоминаетъ эти двѣ кровавыя эпохи, составляющія постыдное пятно въ ея исторіи, эпохи, которыя нынѣшній Бонапартъ постарается изгладить, чтобы заста-

вить позабыть о преступномъ происхожденіи своей короны.

Можетъ быть, Германія представитъ въ свое оправданіе то, что она видитъ въ Бонапартѣ новаго Геркулеса, укротившаго гидру революціи, устроившаго новый порядокъ во Франціи и возстановившаго тишину послѣ бури?

Но, если эти причины заставляютъ Германію сблизиться съ Франціей, мы спросимъ — не употребилъ ли Бонапартъ во зло свободы открыто насмѣхаться надъ самымъ умнымъ народомъ въ мірѣ, объявляя въ Монитерѣ, что Восточная война предпринимается во имя *свободы* запада, которой никто другой не угрожалъ, кромѣ Бонапарта.

Какъ бы мы не смотрѣли на эту страшную и безразсудную войну, мы не можемъ дать себѣ отчета въ томъ, какихъ выгодъ ожидаетъ Германія отъ успѣховъ Франціи. Что касается Англіи, понятно, что она, боясь за свое сердце, Индію, старается возбудить сколь возможно болѣе правительствъ противъ Россіи, и торжество государственныхъ мужей ея состоитъ въ томъ, что они увѣрили праздныхъ людей въ Европѣ, будто бы самое образованіе находится въ опасности вмѣстѣ съ Ноттингэмскими, Манчестерскими, Лидскими и др. торговцами.

Французское правительство находитъ для себя спасительное средство въ войнѣ, въ ожида-

нін, пока фортуна осѣнитъ блескомъ славы его орла, растерявшаго свои крылья въ Страсбургѣ и Булонѣ.

Что же касается тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые желаютъ счастія и успѣха французскому оружію и которые смотрятъ на всякую побѣду, одержанную надъ Россіею, какъ на торжество свободы Запада, мы даемъ имъ два мѣсяца сроку, для того, чтобы они поняли свое безразсудное ослѣпленіе. Успѣхъ въ пользу Бонапарта, утвердивъ его имперію, усилитъ требованія его политики, уже и безъ того дерзкія, въ отношеніи свободныхъ народовъ. Положимъ, напримѣръ, что завтра Севастополь падетъ подъ ударами англо-французскихъ пушекъ, — тогда Швейцарія, Піемонтъ, Бельгія, Голландія, эти небольшіе оазисы, гдѣ еще свободно процвѣтаетъ человѣческая мысль, узнаютъ, къ своему вреду, какимъ образомъ г. Бонапартъ защищаетъ свободу Запада. Въ настоящемъ своемъ положеніи, эти страны находятся въ политическомъ и общественномъ разногласіи съ Франціей, которая въ настоящее время имѣетъ счастіе считать у себя столько же шпіоновъ, сколько подданныхъ; имъ посовѣтуютъ наконецъ, отъ нихъ *потребуютъ* даже, если понадобится, чтобы они согласовали свои постановленія съ учрежденіями 1789 года (разсмотрѣнными и поправленными Бонапартомъ).

Префекты будутъ слѣдить, чтобы направленіе книгъ и журналовъ было въ духѣ бонапартизма, финансами начнутъ располагать по французски, т. е. безъ контроля и безъ отвѣтственности, и тогда только европейскіе пустословы поймутъ, что сила и преобладаніе Россіи хранили свободу народовъ Запада, хотя бы они могли быть опасны для Турціи; — тогда Германія увидитъ, что дядюшкинъ племянникъ не изгладилъ изъ своей памяти воспоминаній о Лейпцигѣ, Ватерлоо и Фонтенеблоскомъ униженіи, и, вмѣсто *русскаго преобладанія*, которое представляютъ какимъ-то грознымъ привидѣніемъ передъ *Мюллерами* и *Шульцами* въ Кельнѣ, Франкфуртѣ и Вѣнѣ, — она пострадаетъ только отъ дерзости Франціи, и тогда увидитъ, какъ тяжело вѣситъ то правительство, которое она сама постаралась утвердить.

Будущность не такъ далека, какъ думаютъ, и она покажетъ, мы или соумышленники Англіи были справедливѣе, при разборѣ причинъ и могущихъ произойдти послѣдствій Восточной войны. Въ настоящее время глубокое, огромное безпокойство овладѣло цѣлою Европою; глаза всѣхъ обращены на Крымъ, этотъ новый Фарсалъ, гдѣ судьбы міра зависятъ отъ безразсуднаго и кровопролитнаго дѣйствія силы. Всякой чувствуетъ какъ-то неопредѣленно, инстинктивно, что результатъ этотъ—страшный. Положимъ, напримѣръ, что Франція одержитъ верхъ; что-же

тогда будетъ? Начало бонапартизма распространится по всему Западу, и Франція, какъ палачъ, убьетъ свободу Запада, доказывая при томъ, что она дѣлаетъ это *для его блага*, и тогда западная Европа сдѣлается тиха, какъ могила, и въ ней не будетъ слышно другаго шума, какъ празднества побѣдителей и цѣпей порабощенныхъ!

Вы поручили Бонапарту защиту *свободы* Запада; вы ввѣрили овцу этому волку, переодѣтому въ пастуха; но не позабудьте одного: Севастополь есть нынѣ символическая Бастилья Запада, и, еслибы пали его стѣны, съ ними вмѣстѣ должна неизбѣжно пасть независимость Піемонта, Швейцаріи и Бельгіи!

Послѣ этого — желайте успѣха Франціи!

1 октября 1854.

XIV.

ВЗЯТІЕ СЕВАСТОПОЛЯ ТАТАРПИОМЪ.

Дѣйствительно, водевиль начинаетъ окончательно заступать мѣсто политики, и, если самъ Бонапартъ не остановитъ этихъ оффиціальныхъ

бардовъ, они приготовятъ ему самую необыкновенную корону, совьютъ ему такой лавровый вѣнецъ, какой еще никогда не украшалъ головы героя. Завоеванія Наполеона III составятъ продолженіе къ баснѣ *Медвѣдь и два охотника*, и послужатъ оправданіемъ пословицы *Tel qui s'en fut pour tondre et qui revint tondu* и другихъ народныхъ разсказовъ и поговорокъ, въ которыхъ осмѣяны хвастовство и самонадѣянность тѣхъ господъ, которые принимаются за дѣло съ непоколебимою увѣренностію въ успѣхѣ, и возвращаются вспять, опустивъ хвостъ и уши.

И такъ они взяли Севастополь, но не по методѣ Вобана, но по тому способу, какимъ Гедеонъ потрясъ стѣны Іерихона.

Никогда извѣстіе объ успѣхѣ не было принимаемо съ такимъ восторгомъ. Французы, вмѣсто того, чтобъ удивиться этому покоренію крѣпости Татариномъ, совершившемуся скорѣе даже, чѣмъ сколько нужно имъ времени для перемѣны правительства, вовсе не были поражены столь быстрою, необыкновенною и невѣроятною побѣдою. Барбошн говорилъ Тартемпіону: «И такъ, мы взяли Севастополь, убили 18,000 Русскихъ и взяли въ плѣнъ 22,000!»

На это Тартемпіонъ отвѣчалъ хладнокровно: «Конечно! если мы его атаковали, такъ не могли не взять.»

Ни что не удивляло этихъ господъ, даже то, что они убили сорокъ тысячъ человѣкъ у Князя Меньшикова, тогда-какъ у него было только тридцать. Парижскіе пустословы, аппетитъ которыхъ былъ возбужденъ этою лакомою новостью, говорили: «Не мѣшало бы теперь возвратить Рейнскую границу и Рёрскій и Лѣсной департаментъ.»

Какой праздникъ! гремите пушки! звените колокола! развѣвайтесь знамена! бейте въ барабаны! Какой завоеватель, какой геній Наполеонъ III! И какъ видно, что *небо всегда его защищаетъ*, какъ говорилъ Беранже о его дядѣ. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Франція была уменьшена и унижена; она не приносила болѣе богу битвъ гекатомбъ изъ труповъ, гекатомбъ, составлявшихъ прежде ея радость, ея гордость, и называемыхъ ею *славою*. Наполеонъ III является, и своими дѣяніями затемняетъ даже знаменитость своего дяди! По его голосу стѣны, Севастополя разрушаются, какъ Іерихонъ передъ Гедеономъ, и неслыханное торжество! русскіе плѣнные, вмѣсто свободы, просятъ, какъ величайшей милости, жить во Франціи, реставрированной и возвеличенной Г. Бонапартомъ.

«Они сдавались намъ—не какъ врагамъ, но какъ освободителямъ»,—писали барды журнала *Constitutionnel*, говоря о 22,000 русскихъ плѣнныхъ, содержавшихся *въ мрачной башнѣ* и избавленныхъ англо-французскими Амадисами и Гала-

орами! Какое чувствительное зрѣлище! Какая трогательная картина! двадцать двѣ тысячи казаковъ обнялись съ солдатами Г. Бонапарта и поютъ хоръ Бенёвскаго:

Nous vous devons notre délivrance!
Etc. etc.

Нѣтъ! исторія не запомнитъ такого событія, и чтобы найдти *такихъ обожаемыхъ побѣдителей*, такихъ *милыхъ завоевателей*, нужно обратиться къ Киру Г-жи Скюдери.

Война страшная и новая! Въ ней достаточно для Франціи только показаться, чтобы возвратиться назадъ со всѣми русскими поддаными.

Старыя пушки Инвалидовъ, охрипшія отъ восемьнадцатилѣтняго молчанія при Людовикѣ-Филиппѣ, эти шумные герольды славы Франціи, объявляющіе Парижу, что въ такой-то день покрыли трупами поле битвы, для чести и выгоды одного человѣка, — эти бронзовыя пасти наконецъ заговорили! Послушайте этотъ голосъ! это голосъ императора:

«Солдаты! вы всегда достойны вашихъ отцовъ! Одни изъ васъ защищаютъ *свободу* въ Греціи, преслѣдуя тамъ все, что̀ вамъ не нравится; другіе устроили въ Римѣ нормальную школу, гдѣ учатъ началамъ 1789 года, возстановленнымъ въ мое славное царствованіе; третьи от-

правились на Востокъ, чтобы защищать просвѣщеніе и свободу Запада, и въ то время, какъ я вамъ говорю, наши побѣдоносные орлы развѣваются на потрясенныхъ укрѣпленіяхъ Севастополя!»

Крики *да здравствуетъ Императоръ!* отвѣчали на эту рѣчь, въ время которой ораторъ, подобно Ромулу, едва не исчезъ въ бурѣ энтузіазма. Танцы, иллюминаціи, стихи, въ которыхъ *vaillance* рифмовало съ *France* и *François* съ *succès*, все было выдумано, чтобы отпраздновать взятіе русскаго Гибралтара. Поэты 2-го декабра схватили свои лиры, чтобы прославить *самое удивительное военное дѣйствіе новыхъ временъ*; — меръ города Календетъ еще далѣе, и въ своемъ усердіи заставляетъ пѣть въ храмахъ благодарственный *Te Deum*.

Но это еще не все! Апризмъ восторга принимаетъ неслыханные размѣры! Послушайте Вейло, панегириста 2-го декабря, который находится въ такомъ же отношеніи къ Боссюэту, въ какомъ Наполеонъ III къ Наполеону Великому.

Мы списываемъ это изъ *Univers*:

«И такъ, совершившееся взятіе Севастополя есть паденіе русскаго величія; это побѣда для Франціи, для просвѣщенія, — для церкви. Да будетъ воздана благодарность Всевышнему! Гре-

ческая церковь получила глубокую и — можетъ быть — смертельную рану (??!!) паденіе ея (!!) удивляетъ міръ, и сами побѣдители ея поражены тѣмъ, что они сдѣлали *(! я думаю, что есть, чему удивиться я)*.

Думали, что непріятель будетъ держаться *долѣе*. Его собственная гордость внушила о немъ болѣе высокое понятіе. Теперь онъ кажется едва *заслуживающимъ паденія*. Онъ не покоренъ, но разсѣянъ. Онъ оставляетъ въ рукахъ побѣдителей свои укрѣпленія, корабли, припасы, солдатъ и наконецъ свою славу. Его храбрость была какъ будто однимъ обманомъ! *(Это умное предположеніе подтвердятъ, конечно, на томъ свѣтѣ нѣсколько десятковъ тысячъ Французовъ)*.

Скоро придетъ время писать исторію быстрой и блистательной компаніи, которой мы знаемъ только первый результатъ, и послѣдствія которой будутъ столь велики для исторіи. Болѣе и болѣе удивляемся уму, предпринявшему столь великое дѣло, генію, создавшему планъ его, волѣ, которая почти одна, *съ спокойною энергіею, далеко отъ театра войны, преодолѣла всѣ ужасныя препятствія*. По приказанію императора, были перенесены болѣзни, опасности моря, не боялись видимаго могущества врага, котораго слабости еще не знали, и ошибки и *ослѣпленія* котораго еще не могли предвидѣть. Такова довѣренность, *которую придаетъ справедливость*

сердцамъ достаточно великимъ для того, чтобы любить и защищать ее: они увѣрены въ защитѣ бога войны, который есть также *богъ правосудія*. Такъ была неожиданно выиграна эта другая битва христіанства, битва при Лепантѣ, для которой взятіе Севастополя служитъ почти годовщиной.»

Подождите, это еще не все! Вотъ другой пѣвецъ бонапартизма восклицаетъ на дорійскій ладъ:

«1854 годъ геройскимъ образомъ отомстилъ за 1815-й. Наполеону нужно было, какъ хорошо замѣтилъ *Constitutionnel*, *отомстить блистательнымъ образомъ за блистательное пораженіе*, приготовившее *великое паденіе* Наполеона I-го.

«И что особенно прекрасно и велико въ этомъ возмездіи, это то, что война предпринята во имя *святаго дѣла*, ради всеобщаго интереса цѣлой Европы.»

Въ то время, какъ барды воспѣваютъ такимъ образомъ взятіе Севастополя, это *блистательное возмездіе* за 1812 годъ, это паденіе русскаго величія, эту *быструю и блистательную компанію*, планъ которой предначерталъ геній императора, эту *спокойную энергію, преодолѣвшую страшныя препятствія, далеко отъ театра войны*, въ Дюнкирхенѣ уже воздвигаютъ тріумфальную арку, на которой написано:

ВЗЯТІЕ СЕВАСТОПОЛЯ—ФРАНЦІЯ—АНГЛІЯ—ТУРЦІЯ.

СЛАВА ВЕЛИКОМУ НАРОДУ И ЕГО БЕЗСМЕРТНЫМЪ ИМПЕРАТОРАМЪ:

КАРЛУ ВЕЛИКОМУ — НАПОЛЕОНУ III-му — НАПОЛЕОНУ I-му.

Послѣ этого прославленія генія, который съ хладнокровною энергіей *преодолѣлъ*, *вдали отъ театра войны, страшныя препятствія*, послѣ этой торжественной плошки, зажженной на самомъ носу *новаго Августа*, слѣдуетъ хвала племяннику императора, величіе котораго не могло *удержать его на берегу* и который воскресилъ самые блистательные подвиги древности:

«Всѣ удивлялись твердой и увѣренной умѣренности его императорскаго высочества въ продолженіе всего этого кровопролитнаго дѣла. Принцъ Наполеонъ показалъ себя достойнымъ имени, которое онъ носитъ, и двѣ лошади, убитыя подъ нимъ, доказываютъ, что онъ не щадитъ свою жизнь болѣе простаго солдата.

Все ли это? Нѣтъ! «Его П. господинъ баронъ Гюбнеръ являлся поздравить Е. И. В. съ счастливымъ успѣхомъ французскаго оружія. Императоръ отвѣчалъ: «Что же тутъ удивительнаго, г. посланникъ? если наши войска пришли къ Севастополю, могли-ли они не взять его?»

Мы чуть не позабыли почтеннаго лондонскаго лорда-мера, требующаго съ высоты крыльца

Гильдъ-Галя три *cheers* ея величеству Викторіи и великому императору Наполеону, и три *groans* Русскимъ. Этотъ добродушный меръ, не зная, какъ передать свой восторгъ, довелъ свое безуміе до того, что началъ танцовать съ альдерманами *zim crow*, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ весь кварталъ *Темпль-Бара* представлялъ зрѣлище сатурналій пьяныхъ матросовъ.

И такъ повторимъ: Энтузіазмъ и рѣчь въ Булоньскомъ лагерѣ, намекъ на Московскихъ орловъ, пьянство, иллюминаціи, *Te Deum*, пушечные салюты, рѣчи префектовъ, оды журналовъ, написанныя въ прозѣ, *о спокойной энергіи, преодолѣвающей, вдали отъ театра войны, страшныя препятствія*; необузданные дифирамбы *о блистательномъ возмездіи* за 1812 годъ, тріумфальныя арки, на которыхъ столь странно соединены столь несходныя имена: Карлъ Великій, этотъ великій синтезъ германскаго міра, этотъ народный герой; Наполеонъ I-й, Аттила новѣйшихъ временъ, великій истребитель народовъ, и Наполеонъ III-й, этотъ Цезарь 2-го Декабря который, *вдали отъ театра войны, превозмогаетъ всѣ опасности и пр*; рѣчь лорда-мера съ *hurrahs* и *groans*; эпическіе разсказы о *мужествѣ*, которое показалъ Е. П. В. Принцъ Наполеонъ, во время *взятія* Севастополя, возвышеніе фондовъ на биржѣ и иллюминаціи; поздравленія посланниковъ; безумные тосты, въ которыхъ шапочники, опьянѣвъ отъ восторга, грозятъ Германіи

и требуютъ, чтобы ихъ вели *на Рейнъ*; новый взрывъ шовинизма—усиленіе дерзости Франціи, которая думаетъ, что снова живетъ въ тѣ времена, когда въ Дрезденѣ униженная Европа стояла у нея въ прихожей.

Почему все это?

Все это потому, что какой то Татаринъ, а можетъ быть—просто какой нибудь агентъ биржевыхъ спекуляторовъ, пріѣзжаетъ въ Бухарестъ, и, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ водки, разсказываетъ удивленнымъ зѣвакамъ, что Русскіе были разбиты, что изъ тридцати тысячъ человѣкъ, которыхъ они имѣли въ дѣйствіи, восемьнадцать тысячъ было убито, и двадцать двѣ тысячи взяты въ плѣнъ; что Русскіе приняли своихъ побѣдителей, какъ нѣкогда Бастильскіе арестанты своихъ избавителей; что Кн. Меншиковъ, заперпись во второмъ портѣ, грозитъ взорвать себя, если ему будутъ наскучать болѣе; что союзные генералы приглашаютъ его *подумать, во имя человѣчества;* наконецъ, чтобы достойнымъ образомъ закончить столь интересную реляцію, этотъ баснословный Татаринъ разсказываетъ, что подъ принцемъ Наполеономъ были убиты три лошади, *при штурмѣ Константиновскаго форта!....*

О девятнадцатый вѣкъ! вѣкъ электрическаго телеграфа, химическихъ спичекъ, фотографіи, электро-гальваническихъ перьевъ, вертящихся

столовъ, вѣкъ освѣщенія газомъ и солнечными свѣчами! образцовая эпоха просвѣщенія массъ, въ которую книгопечатаніе, этотъ свѣтильникъ человѣческаго ума, распространяетъ повсюду свой свѣтъ, тебѣ ли суждено было сдѣлаться жертвою самой необыкновенной мистификаціи, примѣровъ которой нѣтъ въ исторіи! И кого же мистифируютъ? Знаменитаго Императора Французовъ и Англію, которые предаются по этому случаю развратнымъ оргіямъ, устроиваютъ иллюминаціи, тріумфальныя арки, поютъ *Te Deum*, предлагаютъ тосты, и говорятъ объ орлахъ, парящихъ надъ развалинами Севастополя, нисколько не подозрѣвая, что на этотъ разъ орлы — простыя и самыя прозаическія утки!

Если когда нибудь какой нибудь народъ былъ наказанъ именно тѣмъ, въ чемъ онъ наболѣе грѣшитъ; если когда нибудь гордость шовинизма была безпощадно наказана и опозорена передъ глазами міра,—это конечно теперь: она наказана таинственною и роковою рукою этого Татарина, который забавляется обманомъ великихъ народовъ, не думая передавать свое имя потомству!

Что же выходитъ изъ этихъ тріумфальныхъ арокъ, прокламацій, иллюминацій, пушечныхъ салютовъ Дома Инвалидовъ, невинныхъ и шумныхъ соучастниковъ знаменитой мистификаціи? Это—сто пушечныхъ зарядовъ, лишенныхъ назначенія, брошенныхъ на мостовую.

Англо французскіе охотники слишкомъ поспѣшили продать шкуру Московскаго медвѣдя, потому что, если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ и прибытію Остенъ-Сакена со 100,000 Русскихъ, — *которыхъ недовольно убить, но нужно еще повалить*, какъ говорилъ Наполеонъ (тотъ, который не бралъ городовъ при помощи *Татарина*), — если вѣрить оффиціальнымъ депешамъ англійскихъ Посланниковъ, Крымская компанія можетъ сдѣлаться повтореніемъ славнаго подвига знаменитаго Жана Питу, который сказалъ своему начальнику:

— Капитанъ! я взялъ бедуина!

— Ну что жь! веди его сюда.

— Капитанъ! онъ не хочетъ идти.

— Ну, такъ пусти его, дуракъ!

— Да онъ не пускаетъ меня, капитанъ!

Мы не хотимъ предугадывать будущаго, или принимать тонъ стратегиста *Journal des Débats*, который очень важно пишетъ: «Занявши такую то позицію, союзники *должны были* прійдти въ такое то мѣсто; тамъ Русскіе *были отбиты*, и армія стала *передъ Севастополемъ*, который сдался, потерявши Константиновскій фортъ, не могшій долѣе держаться, и пр. и пр.» — Этотъ способъ вести осаду напоминаетъ методу аббата Верто, который, взявши Мальту по своему, и получивъ извѣстія, противорѣчившія его разсказу, вскричалъ: «Тѣмъ хуже! я свою осаду кон-

чилъ!» Бѣдный Г. де-Сентъ-Анжъ долженъ быть очень сердитъ на Русскихъ, которые разстроили его планы, разсчеты, и, вмѣсто того, чтобы оставить союзниковъ взять городъ какимъ бы то ни было способомъ, казалось, скорѣе располагали отвести ихъ назадъ на корабли, со всѣми почестями, приличными великимъ народамъ. Уже англійскія газеты, менѣе хвастливыя, чѣмъ французскія, заставляютъ предчувствовать дурныя новости. Количество раненныхъ и убитыхъ въ Альмскомъ дѣлѣ ужасное, и новая позиція, занятая союзниками подъ защитою флота, кажется, подаетъ мало надежды спекуляторамъ, которые уже закупили плошки для иллюминаціи, въ надеждѣ на полную побѣду, безо всякого сопротивленія.

. . . . . .

Въ настоящее время болѣе шестидесяти тысячи труповъ распростерто на почвѣ древней Тавриды, гдѣ нѣкогда текла кровь въ храмахъ Діаны. Нынѣ эта огромная гекатомба труповъ, пораженныхъ картечью, возвышается на Балаклавскомъ берегу, въ честь англійскихъ матерій и бритвъ и новой Бонапартовской династіи. И вся эта кровь проливается подъ предлогомъ просвѣщенія и свободы Запада!....

Мистификація Татарина, конечно, есть одна изъ самыхъ смѣшныхъ, какою только былонаказано тщеславіе народа, считающаго себя представителемъ европейской цивилизаціи;—но кро-

вавые бюллетени, которые приходятъ къ намъ съ Востока, наполняютъ отчаяніемъ сердца матерей, женъ, — братьевъ, охлаждаютъ смѣхъ на нашихъ устахъ, и возбуждаютъ самое глубокое негодованіе противъ тѣхъ, которые, изъ династическихъ или промышленныхъ видовъ, подливаютъ масло въ этотъ европейскій пожаръ. Эта война, кромѣ другихъ огромныхъ жертвъ, можетъ уничтожить независимость многихъ свободныхъ небольшихъ государствъ, которыя склонятся передъ дерзкими требованіями Франціи, если бы ей удалось одержать какой либо успѣхъ въ этой войнѣ.

8 октября 1854.

—

XV.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЖЕЛАЕМЪ УСПѢХА КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ?

Когда мы начали рядъ нашихъ статей о Восточномъ вопросѣ, мы знали, что наша точка зрѣнія на этотъ вопросъ — навлечетъ на насъ ненависть. Когда общественное мнѣніе вращается спокойно вокругъ того пункта, къ которому направили его нѣкоторые искусные люди, тогда оно не любитъ тѣхъ независимыхъ

умовъ, которые избираютъ другой путь. Если кто думаетъ иначе, чѣмъ толпа, подобное мнѣніе считаютъ обыкновенно признакомъ гордости, и даже часто называютъ измѣною и преступленіемъ.

Если когда нибудь мнѣніе толпы было достойно самаго глубокаго презрѣнія, такъ это конечно, въ наше время. Въ продолженіе пяти лѣтъ, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и образованныхъ народовъ въ мірѣ избиралъ своими правителями то Кабе и Луи Блана, то Кавеньяка и Барбеса, то Ламартина и Наполеона III. Воскресивши языческія празднества Директоріи, онъ бросился опять съ такимъ же энтузіазмомъ въ объятія новой имперіи, и съ увлеченіемъ началъ слушать *Te Deum* въ честь спасителя семейства, порядка и пр.

Правительство, получившее свое начало въ кровопролитіяхъ 2-го декабря, должно было прежде всего позаботиться о томъ, чтобы изгладить воспоминаніе о своемъ происхожденіи. Для достиженія этой цѣли ему оставалось только одно средство: дать пищу воинственному духу Франціи, пробудить въ ней эту суровую наклонность къ кровопролитію, льстить ея гордости, обѣщая ей возвращеніе того времени, когда Франція, распоряжаясь произвольно въ Европѣ, разрывала, *во имя свободы*, конституціи свободныхъ народовъ, разстрѣливала книгопродавца Пальмера въ Франкфуртѣ, тирольскаго патріота

Гофера въ Мантуѣ, вручала правленіе надъ завоеванными странами искателямъ приключеній, болѣе хищнымъ, чѣмъ Верресъ, болѣе дерзкимъ, чѣмъ Геслеръ. Въ то время Франція находилась въ какомъ то чаду и угарѣ отъ бюллетеней, безпрестанно объявлявшихъ новыя побѣды, называвшихъ Францію *новымъ Римомъ*, *повелительницею Европы*, и народъ отвѣчалъ на эти ироническіе возгласы новаго Цезаря крпками: «Да здравствуетъ Императоръ!»

Эта то слабая сторона французскаго характера,—эта любовь къ побѣдамъ, эта тщеславная страсть повелѣвать объясняетъ, почему Франція такъ легко дѣлается жертвою обмана людей, которые ласкаютъ ея тщеславіе и забавляютъ ее этими игрушками.

Мы любимъ Францію, ея просвѣщеніе, искусство, литературу, доставляющія честь человѣческому уму; но Францію, преобразованную Бонапартомъ въ какую то суровую и жаждущую крови націю, оставляющую за собою, въ продолженіе двадцатилѣтней охоты, горы труповъ, потоки крови, выжженные города, изгнанныхъ мыслителей, разстрѣлянныхъ патріотовъ,— эту Францію (мы говоримъ съ убѣжденіемъ честнаго человѣка, Бельгійца, любящаго свое отечество), — этотъ народъ, бросающійся на другія независимыя государства, подобно ордѣ Вандаловъ, дѣйствующій посредствомъ шпіон-

ства въ Римѣ, ломающій перо греческаго патріота въ Аѳинахъ, — эту Францію дерзкую, лицемѣрную, неблагодарную — мы ненавидимъ, и глядимъ, какъ на счастіе народовъ, на всякое пораженіе ея тщеславія.

Съ самаго своего начала, правительство 2-го декабря стремилось возстановить это господство Франціи надъ Европою, сдѣлать ее новымъ Римомъ, и, для осуществленія этой цѣли, нашло полное сочувствіе въ тщеславіи французской націи. При первомъ извѣстіи о *взятіи* Севастополя, Парижскіе шапошники кричали уже воинственнымъ голосомъ: «На Рейнъ! на Рейнъ!» На театрахъ стараются поощрять всевозможными способами французское хвастовство. Гравюры, альманахи, литографіи, политическія утки цѣною въ два су, все это старается щекотать гордость Франціи и предсказывать возвращеніе тѣхъ прекрасныхъ дней, когда Германія и Италія подверглись самому жалкому униженію, когда Папа подвергся жестокимъ обидамъ въ Фонтенебло, когда Валенція была лишена короля посредствомъ самаго коварнаго лицемѣрія, когда Прусская Королева, эта германская героиня, была оскорбляема самыми ничтожными людьми, когда всякой тотъ, кто не былъ Французомъ, считался недостойнымъ занять какое нибудь мѣсто, а самый низшій изъ членовъ великой націи не зналъ должности, которая бы была выше его таланта.

Это время видѣли наши старики, и они разсказываютъ о немъ со стыдомъ и ненавистью. Мы любимъ Францію, уважающую національности и права сосѣднихъ съ нею народовъ, побѣждающую другіе народы своимъ просвѣщеніемъ, литературою, искусствомъ;—но Францію Бонапартовскую, съ мечомъ и палкою въ рукахъ, мы ненавидимъ, и всякой Бельгіецъ, Нѣмецъ, Швейцарецъ, любящій свое отечество, долженъ одинаково думать и чувствовать съ нами.

Англія защищаетъ въ Восточной войнѣ свои жизненные интересы, и она искусно съумѣла показать, что новорожденная Имперія нуждается во внѣшней войнѣ. Въ то время, какъ говорятъ о Севастополѣ, забываютъ 2-е декабря; французскій народъ предастъ забытію всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ въ это время, и будетъ кричать *эвоэ!* когда Наполеонъ III одержитъ какую нибудь побѣду въ Кёльнѣ или Брюсселѣ, и вручитъ управленіе Рейномъ или Бельгіей одному изъ своихъ Маршаловъ, которые имѣли также свой Аустерлицъ и Маренго на окровавленныхъ бульварахъ Парижа.

Мы смотримъ на Восточный вопросъ съ точки зрѣнія независимой Бельгіи, которая должна очень опасаться сосѣда, упоеннаго воинственнымъ энтузіазмомъ и бонапартизмомъ. Еслибъ Франція находилась въ Китаѣ около Россіи,

тогда бы мы смотрѣли на ихъ споръ, какъ на несогласіе Тао-Си-Цуна съ Сынами Неба.

Но намъ все-таки говорятъ о *преобладаніи Россіи*....

Это возраженіе есть только пустой предлогъ, есть средство, которымъ хотятъ напугать и обмануть ротозѣевъ. Положимъ наконецъ, что Россія могла бы возъимѣть честолюбивые виды на Западъ Европы; но тогда она бы имѣла противу себя Францію, Англію, Бельгію, Швейцарію, Пруссію, Италію, Испанію, то есть два милліона солдатъ, готовыхъ вступить съ нею въ смертельный бой!

Странное право дѣло бояться Имперіи, отдаленной отъ насъ на восемь сотъ миль, и спокойно засыпать около людей 2-го декабря, надѣясь на ихъ честность, *благородство* и добродѣтель!

Полюбуйтесь, какой орлиный взглядъ у этихъ умниковъ! Если Севастополь будетъ взятъ, говорятъ они, миръ водворится снова въ Европѣ. Нѣтъ, говоримъ мы, если будетъ взятъ Севастополь, война только начнется! И эта война не будетъ болѣе ограничиваться Дунаемъ и Чернымъ моремъ, но распространитъ огонь истребленія по цѣлой Германіи, отъ Днѣпра до Рейна, и вполнѣ докажетъ свѣту правдивость девиза новаго Императора: «*Имперія есть миръ!*»

Прибавляютъ еще, что Россія имѣетъ честолюбивые виды на Турцію. И при этомъ раздается хоръ негодованія добродѣтельныхъ англійскихъ журналовъ, забывающихъ что британская держава походитъ на платье, сшитое изъ разнородныхъ лоскутковъ, украденныхъ то у Петра, то у Павла, то у Якова. *Какъ, пусть чужое сѣно!* о преступленіе! вскрикиваетъ Джонъ Буль, забывшій свои вѣковые грабежи, которые начались при Елисаветѣ и далеко не кончились въ царствованіе Ея В. королевы Викторіи. Франція идетъ еще далѣе въ своемъ страшномъ энтузіазмѣ, и ея епископы молятся о дарованіи побѣды магометанской лунѣ, угнетающей девять милліоновъ христіанъ, которыхъ Турція не дерзаетъ болѣе называть *собаками* и *гяурами,* съ тѣхъ поръ, какъ почувствовала свою слабость.

Россія — государство юное, полное жизни и будущности; Турція—трупъ, который не въ состояніи нагальванизировать всѣ Государи Европы, вмѣстѣ.

Повторяемъ: англійская промышленность и желаніе развлечь вниманіе французскаго народа— вотъ два исходные пункта Восточной войны. Еслибы Севастополь палъ, и Франція восторжествовала, это было бы сигналомъ къ паденію свободы и независимости Запада. Напротивъ, торжество Россіи можетъ унизить Францію, и быть роковымъ для англійскихъ торгашей; но

Швейцарія, Голландія, Піемонтъ, Греція, Бельгія и другія страны будутъ спасены.

Вотъ, что̀ мы отвѣтимъ тѣмъ, которые бы упрекнули нашъ журналъ *Санхо* въ пристрастіи къ Россіи и предубѣжденіи противъ Англіи и Франціи.

15 октября 1854.

—

XVI.

Вотъ нѣкоторыя подробности, разсказываемыя однимъ англійскимъ хирургомъ объ этой Восточной войнѣ, предпринятой во имя просвѣщенія и человѣчества. Сердце содрогается отъ ужаса и негодованія, когда видишь, что такія жестокости совершаются по приказанію человѣка, который, по словамъ журнала *Univers*, — *побораетъ, далеко отъ театра войны, съ холодною энергіей, самыя ужасныя препятствія.* Эта отвратительная лесть, если сравнить съ картиною, которую мы здѣсь представимъ, можетъ внушить отвращеніе къ человѣческому роду и оправдать самые ужасные поступки этого властителя глубокою низостью его сподвиж.

Судите сами изъ слѣдующаго разсказа: «Эти два послѣдніе дня я былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ кровавой банѣ. Никакое описаніе не

можетъ представить ужасовъ поля сраженія! умершіе, умирающіе, лошади, ружья—все это перемѣшано; тѣла безъ головы, безъ ногъ и всякого рода обезображеніе тѣла, отъ котораго кровь стынетъ въ жилахъ. Самыя жалкія хижины были обращены въ клиническіе амфитеатры, и намъ нужно было совершать въ нихъ, какъ попало, самыя ужасныя операціи. Вы можете судить о скорости, съ которою мы производили ихъ изъ того, что менѣе, чѣмъ въ три часа я извлекъ двадцать три пули.

«Что́ же касается дальнѣйшаго леченія, о немъ нельзя и думать. Наши хирургическіе бивуаки легко можно было узнать по огромному количеству рукъ и ногъ, покрывавшихъ землю вокругъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу ни съ чѣмъ лучше сравнить поле сраженія въ эти два дня, какъ съ бойнею. Мой помощникъ, которому поручено было связывать артеріи, не могъ продолжать, и я долженъ былъ ожидать, пока кто нибудь придетъ замѣнить его. *Я не могу сказать положительно, что произошло съ тѣми, которымъ я дѣлалъ ампутаціи*, потому что, кончивъ операцію, клалъ раненнаго на солому, и предоставлялъ его произволу *vis mediatrix naturae.*

Но это еще ничего въ сравненіи съ страданіями, которыя должны были переносить раненные на *Colombo*; мы представимъ здѣсь слова Константинопольскаго корреспондента:

«Это судно оставило Крымъ 23 числа. На немъ находилось 27 раненыхъ офицеровъ, 422 раненыхъ солдата и 104 Русскихъ; всего 553. Едва ли половина изъ нихъ видѣла какого нибудь хирурга послѣ сраженія. Для всѣхъ нихъ было четыре хирурга. Судно было покрыто тѣлами, разбросанными по полу, до такой степени, что они мѣшали дѣйствовать матросамъ. По этой причинѣ судно находилось двѣнадцать часовъ долѣе въ пути, чѣмъ слѣдовало.

Отъ лежавшихъ больныхъ палуба наполнилась гноемъ и матеріей. Необмытыя и неперевязанныя раны заражали воздухъ и пищу тѣхъ несчастныхъ, которые находились на этомъ суднѣ. Отъ распространившагося зловонія офицеры и экипажъ едва были въ состояніи оставаться тамъ; капитанъ до сихъ поръ боленъ, въ слѣдствіе этихъ пяти дней. Всѣ одѣяла, числомъ болѣе 1,500, были брошены въ море, какъ негодныя къ употребленію. Тридцать человѣкъ умерло во время пути. Хирурги дѣлали, что могли, но ихъ было мало, и многимъ раненымъ не было оказано пособія ранѣе шести дней послѣ сраженія. Теперь обмываютъ, вычищаютъ и обкуриваютъ судно, чтобы избѣгнуть тифуса. *Коломбо* велъ за собою два транспорта, которые находились почти въ такомъ же положеніи.

22 октября 1854.

—

XVII.

ОПАСНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ.

Война, которая въ настоящее время обагряетъ кровью Крымъ—каковъ бы ни былъ ея результатъ—есть только первый актъ ужасной драмы, театромъ которой будетъ цѣлая Европа, отъ Днѣпра до Рейна, и актеромъ всякой тотъ, кто способенъ владѣть ружьемъ.

Мы не можемъ предсказать, какова будетъ судьба Севастополя; но во всякомъ случаѣ онъ будетъ дорого стоить Англіи и Франціи. Положимъ, что Севастополь падетъ: какую же выгоду извлекутъ союзники изъ этой кровавой и безплодной побѣды? Уменьшится ли отъ этого на сколько нибудь могущество Россіи? И кто, кромѣ одной Англіи, можетъ радоваться этому успѣху, если Россія потеряетъ часть своего флота?

Правда, что Франція *прославитъ свое оружіе*, что въ переводѣ на простой языкъ значитъ: убить сорокъ тысячъ человѣкъ, изъ династическихъ выгодъ одного. Она зальетъ кровью Крымъ и Дунай, наполнитъ поля трупами, сожжетъ нѣсколько иллюминацій, пропоетъ нѣсколько *Te Deum* и *Laridla* въ честь бога войны и блузниковъ бульвара Бомарше, — но какіе же будутъ трофеи этой войны, и какой памятникъ воздвигнетъ себѣ племянникъ около своего дяди?

Онъ воздвигнетъ себѣ памятникъ возмутителя и возбудителя всеобщей революціи. Европейская революція скрывается пока въ тишинѣ, выжидая только сигнала своихъ вождей, чтобы броситься въ борьбу, провозгласить единство Италіи и Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ воздаяніе своему возбудителю, возстановить во Франціи законный королевскій домъ, вытѣсненный силою возмутилей 2 декабря.

. . . . . .

Странная вещь! Съ 1848 года всѣ усилія государственныхъ людей Европы стремились къ тому, чтобы погасить революцію, грозившую старому общественному порядку на Западѣ, и теперь они за причину, собственно маловажную, но огромную по своимъ результатамъ, стараются поднять камень съ колодца, на днѣ котораго гнѣздится революція, подобная символическому дракону, и дожидаетъ нетерпѣливо того дня, когда можетъ вступить въ борьбу со старымъ міровымъ порядкомъ.

Когда мы видимъ, что они говорятъ объ укрощеніи революціи, мы не можемъ не вспомнить этого языческаго изрѣченія: Quos vult perdere Jupiter dementat (кого Юпитеръ хочетъ погубить, того сперва лишаетъ разума!)

29 октября 1854.

—

XVIII.

НАГРАДА ЛЮДОВИКА-НАПОЛЕОНА АНГЛІЙСКОЮ ПОДВЯЗКОЮ.

Мы прочли съ удивленіемъ въ журналѣ *Morning Héraldy* слѣдующіе извѣстіе:

«Нашъ дворъ отправится въ Осборнъ, гдѣ и останется до половины декабря. Въ это время императоръ и императрица Французовъ намѣрены сдѣлать первый визитъ англійскому двору.

«Королева и принцъ Альбертъ отвезутъ потомъ императора и империцу въ Виндзорскій замокъ, гдѣ будетъ данъ рядъ блестящихъ праздниковъ.

«Императоръ Французовъ, во время своего пребыванія въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ, какъ говорятъ, останется пять или шесть дней, получитъ орденъ подвязки, со всѣмъ торжествомъ и церемоніями, которыя соблюдаются при полученіи какимъ нибудь Государемъ этого славнаго ордена».

Мы представляемъ себѣ, какъ герольдъ будетъ провозглашать заслуги новаго кавалера.

— Эта подвязка, скажетъ онъ, принадлежитъ благородному и храброму рыцарю, который всегда держалъ свое слово, былъ всегда вѣренъ своей клятвѣ и уважалъ постоянно справедливость, законъ и человѣчество.

Послѣ того будетъ три *cheers* за новаго кавалера, — и ничего не перемѣнится въ Европѣ, кромѣ того, что будетъ одною подвязкою болѣе во Франціи.

Люди 2 декабря, которые, конечно, не имѣли времени много заниматься въ школѣ, потому что одни изъ нихъ играли, другіе бѣгали за билетомъ въ 1,000 франк., точно такъ, какъ бѣгаетъ собака за коляскою; — эти люди соціальнаго возобновленія не знаютъ, можетъ быть, что орденъ *подвязки* былъ основанъ въ 1346 году Эдуардомъ III-мъ, въ память битвы при Кресси. которая произошла 26 августа 1346 года, и въ которой тридцать тысячъ Англичанъ разбили на голову *шестьдесятъ восемь тысячъ Французовъ*, предводимыхъ Филиппомъ де Валуа. Двадцать пять тысячъ Французовъ покрыли своими трупами поле битвы; весь ихъ багажъ попался въ руки непріятеля, и Филиппъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ только ночи и быстротѣ своего коня.

Конечно, — это истинно христіанское чувство со стороны императора Французовъ—идти просить тотъ орденъ, происхожденіе котораго напоминаетъ одно изъ самыхъ жестокихъ военныхъ пораженій, какія только претерпѣвала Франція. Если Англія не удовлетворится этимъ доказательствомъ добродушія, которое придастъ новую силу англо-французскому союзу, мы ее признаемъ еще

болѣе несносною, чѣмъ того короля, который не любилъ, чтобы дверь была отворена, но не любилъ также если она и затворена.

29 октября 1854.

XIX.

НОВАЯ ЗАПУТАННОСТЬ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Ложь англійскихъ газетъ во всемъ, что́ касается причинъ, произведшихъ эту ужасную Восточную войну и эту страшную бойню людей передъ Севастополемъ, ради англійскихъ интересовъ и безопасности новой Наполеоновской династіи; эта ложь, говоримъ мы, не нашла отголоска на другой сторонѣ Атлантическаго океана, гдѣ пожимаютъ плечами, когда слышатъ разсказы о войнѣ, въ которой просвѣщеніе служитъ маскою для торгашества Англіи и свобода покумилась съ человѣкомъ 2 декабря.

Соединенные Штаты, также какъ мы, не думаютъ, чтобы война могла быть кончена, даже если будетъ взятъ Севастополь, но знаютъ напротивъ, что́ тогда борьба приметъ еще болѣе обширные размѣры; Соединенные Штаты, говоримъ мы, приготовляются воспользоваться за-

трудительнымъ положеніемъ Запада, и по роковому стеченію обстоятельствъ, французское правительство представило Америкѣ всѣ необходимые элементы для разрыва и морской войны.

На грубости Дрюэна-де-Люи, г. Массонъ, американскій уполномоченный, отвѣчалъ съ живостію и энергіей, которыя обѣщаютъ еще болѣе запутать Восточную драму. Время хорошее для Америки, а случай еще лучше. Америка, не желая идти вмѣстѣ съ Англіей разрушать Севастополь, для морскаго преобладанія Джонъ-Буля, хочетъ овладѣть Кубою, но честнымъ образомъ. Испаніи предложатъ продать послѣдній перлъ изъ коробочки, которою Колумбъ обогатилъ ее; а если Испанія откажется, у нея отнимутъ Кубу очень просто, ничего не заплативши, и только спросивши ее, конечно, какія она имѣетъ права на владѣніе.

Война Франціи съ Соединенными Штатами была бы счастливымъ событіемъ для конституціонныхъ и свободныхъ государствъ Запада. Увлекаемая своими коммерческими интересами, Англія, соединившись съ Бонапартовскою Франціей, покинула защиту мысли и человѣческаго достоинства и пожертвовала своимъ выгодамъ охраненіе безопасности малыхъ государствъ Запада. Почемъ знать, не приметъ ли на себя Америка этого благороднаго и прекраснаго на-

значенія, и не наложитъ ли она узды на это грозное англо-французское преобладаніе?

5 ноября 1855.

XX.

ОНИ НЕИСПРАВИМЫ!

Кажется, что мистификація Татарина, бывшая причиною стольких иллюминацій, стольких *Te Deum* и рѣчей, отъ Дюнкирхена до Байоны, не исправила легкомыслія французскаго народа, потому что мы находимъ въ одномъ журналѣ, обыкновенно знающемъ и одаренномъ рѣдкимъ инстинктомъ политической оцѣнки, слѣдующее. Мы говоримъ о журналѣ *l'Etoile belge*.

«Г. Поленъ, директоръ *Иллюстраціи*, представилъ цензурѣ рисунки, изображающіе, *напередъ, штурмъ и взятіе Севастополя*. Его попросили отложить рисунки, *до новаго приказанія*.»

Какъ видите, цензура во Франціи — весьма полезная вещь. Безъ нея, Франція могла бы взять Севастополь два раза въ продолженіе одного мѣсяца. Къ счастію, воспоминаніе о Татаринѣ охладило этотъ энтузіазмъ, и для того,

чтобы взять Севастополь, подождутъ, пока съѣдетъ оттуда князь Меньшиковъ. Притомъ все-таки думаютъ, что на этой квартирѣ нужно будетъ сдѣлать много поправокъ, для того, чтобы новые жильцы могли въ ней прилично поселиться.

Въ битвѣ при Грёнинге, французская армія также слишкомъ была увѣрена въ побѣдѣ: за нею слѣдовали повозки, наполненныя веревками, чтобы связать Фламандцевъ. Но, благодаря Гюи де-Дампіеру, Піетру де-Коннику, Жану Брейделю и Вильгельму-фанъ-Сафтингену, веревки послужили только къ тому, чтобъ связать багажъ, оставленный рыцарями на полѣ сраженія.

5 ноября 1854.

XXI.

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ.

Въ одной рѣчи, произнесенной Законодательному Корпусу и Сенату, императоръ Французовъ сказалъ:

«Севастополь есть дѣло *одного удара.*» Въ одной статьѣ, напечатанной въ Patrie, было слѣдующее:

«Мы теперь столь близки отъ крѣпости, что вчера наша артиллерія разбила одни изъ воротъ Севастополя. Мы надѣемся войдти въ него завтра, или, *самый поздній срокъ*, послѣ завтра.

На бульварныхъ театрахъ каждый вечеръ такъ побѣдительно разбивали казаковъ, что роли Русскаго никто не бралъ на себя иначе, какъ за три франка, тогда какъ роль побѣдителей съ гордостію брали, даже за умѣренную цѣну 75 сантимовъ.

Балланже и Раффе уже три мѣсяца, какъ начали льстить французскому тщеславію гасконадами, состоящими въ томъ, что одинъ французскій гренадеръ *окружаетъ* триста казаковъ, и принуждаетъ ихъ сдаться.

Во Франціи были такъ увѣрены, что взятіе Севастополя *есть дѣло одного удара*, что дерзкій Татаринъ, предупреждая побѣду, успѣлъ уже въ своемъ воображеніи взять городъ, согласившись потерять четырехъ солдатъ и одного капрала въ этомъ славномъ дѣлѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ гасконадъ, хвастовства и жестокихъ мистификацій, протекло два мѣсяца, а союзники все стоятъ по прежнему передъ новымъ Піономъ, и начинаютъ понимать, что Севастополь не берутъ такъ легко; это предпріятіе начинаютъ находить труднымъ, а почву, на которой должны рыть траншеи, еще труднѣе. Этотъ *одинъ ударъ*, совершается не очень

то скоро. Изъ 26,000 Англичанъ, которые отправились въ Крымъ съ аріей *Partant pour la Syrie,* по признанію журнала Times, уже 9000 отправились ужинать къ Плутону. И такъ Англія потеряла уже третью часть своихъ войскъ, и въ этой трети мы не считаемъ 800 человѣкъ кавалеріи, которыхъ она оставила на полѣ битвы, въ своей встрѣчѣ съ Генераломъ Липранди.

Франція начинаетъ также дѣлаться скромнѣе, видя, какъ горсть храбрыхъ солдатъ, предводимыхъ молодыми офицерами, заклепываетъ пушки въ траншеяхъ подъ штыками непріятелей; въ Парижѣ начинаютъ понимать, что есть различіе между Русскими театра *l'Ambigu* и тѣми, которыми командуетъ неутомимый и безстрашный К. Меншиковъ. Въ Бомарзундѣ, правда, побѣдили 3000 Русскихъ, но не рѣшались сознаться, что эти побѣдители, Французы и Англичане, были въ числѣ 20,000, и что четыреста морскихъ орудій *восторжествовало* надъ неоконченнымъ фортомъ. Теперь поняли, что Севастополь не есть кусокъ, столь же удобоваримый для желудка, какъ Бомарзундъ, и 9,000 Англичанъ и 20,000 Французовъ, оставшіеся въ Добруджѣ и Крымскихъ поляхъ, разскажутъ Франціи, что племянникъ будетъ ей *столько же дорогъ*, сколько и дядя, и что новый властитель ничего не пожалѣетъ для того, чтобы упрочить будущность своей династіи и укрѣпить

свою власть, хотя бы на пьедесталѣ изъ 100,000 человѣческихъ труповъ.

Война, предпринятая во имя *человѣчества* и просвѣщенія, представляетъ намъ ежедневно странные феномены. Еслибы мы не вѣрили въ авторитетъ журналовъ, мы могли бы спросить, — не произошло ли слѣдующее происшествіе скорѣй въ войнѣ между Папуйцами и Сіу. чѣмъ между двумя христіанскими народами:

«Комменданть Севастополя прислъ трехчасоваго перемирія, *для погребенія своихъ умершихъ;* этимъ *варварамъ* отвѣчали, что у союзниковъ нѣтъ никакихъ мертвыхъ для погребенія.»

Что вы думаете объ этихъ варварахъ, которые хотятъ воздать послѣдній долгъ своимъ солдатамъ, павшимъ подъ огнемъ непріятеля; которые хотятъ предать родной землѣ храбрецовъ, умершихъ за ея защиту? Эти варвары уважаютъ своихъ умершихъ; они думаютъ, что человѣкъ есть тварь, въ которую Богъ вдохнулъ свой духъ, что онъ имѣетъ право, по крайней мѣрѣ, на горсть земли, если ему нельзя воздать другихъ почестей, и что оставлять его на съѣденіе шакаламъ и воронамъ есть святотатство.

Въ самомъ дѣлѣ, эти *варвары* очень милы и наивны, и забываютъ постоянно, что передъ ними находятся *просвѣщеніе* и *гуманность*, представляемыя Франціей и Англіей.

Прояснилось-ли европейское мнѣніе объ этомъ Восточномъ вопросѣ, который англо-французскіе журналы постарались затьмить такимъ густымъ туманомъ? Что̀ есть общаго у человѣчества и просвѣщенія съ этою дикою войною, въ которой два великіе народа Запада безчестятъ свое оружіе дѣлами безбожными и святотатственными? Когда Гунны, подъ предводительствомъ Аттилы, опустошали Европу, они по крайней мѣрѣ предоставляли побѣжденнымъ право уносить своихъ мертвыхъ, чтобы попрощаться съ ними въ послѣдній разъ. Когда Норманы осаждали Парижъ, они отсылали Эдесію Сильному трупы его воиновъ, павшихъ въ вылазкахъ. Но это почтеніе къ храброму, павшему съ саблею или ружьемъ въ рукахъ, это уваженіе къ мертвымъ, которое соблюдали Гунны и Норманы, добродѣтельная и религіозная Англія не считаетъ обязательными для себя въ отношеніи къ Русскимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они варвары, и потому что *скопленіе труповъ* можетъ произвести у нихъ *заразы*, которыя слѣдовательно сдѣлаются помощницами *просвѣщенія* и *человѣчества*.

Нужна въ самомъ дѣлѣ та система угнетенія, которая тяготитъ во Франціи надъ всѣми перьями и устами, для того, чтобы ни одинъ голосъ честнаго человѣка не протестовалъ, во имя человѣчества, противъ этого безразсуднаго истребленія людей, которое производится изъ династи-

ческихъ видовъ одного человѣка. Видно судьба хотѣла наказать самолюбіе великаго народа, сдѣлавши его соучастникомъ преступныхъ намѣреній этого человѣка, и теперь Франція видитъ, какъ течетъ ея кровь и золото, ради интересовъ той власти, которую она вовсе не любитъ. Она, подобно Англіи, не можетъ даже извинить себя тѣмъ, что Россія угрожаетъ ея промышленному существованію.

Новая имперія заплатитъ весьма дорого за союзъ съ Англіей: она купитъ его своимъ тѣломъ, потомъ и кровью. Здравый разсудокъ напрасно старается разгадать, какіе интересы могли побудить Францію къ этой дальней войнѣ, которая поглощаетъ ея средства и въ которой ея военная честь можетъ получить жестокій ударъ. Франція не хочетъ ли сдѣлать для себя изъ Крыма новый Алжиръ? Такое притязаніе кажется намъ слишкомъ нелѣпымъ. Думаетъ ли она, что если завтра Кн. Меншиковъ уступитъ клочекъ земли, покрытый развалинами и изрытый ядрами, могущество Россіи сколько нибудь потерпитъ отъ этого? Франція помогаетъ Англіи уничтожить своего могущественнаго и дорогаго морскаго союзника, который ей можетъ весьма пригодиться въ будущемъ: вотъ каковъ будетъ результатъ, въ случаѣ ея успѣха. Конечно это происшествіе займетъ въ продолженіе года мнѣніе публики, послужитъ темою для разговоровъ Парижскихъ пустослововъ, но Франція пріобрѣтетъ

себѣ непримиримаго врага въ Германіи и Россіи, и устранитъ навсегда возможность союза съ Россіей, который постоянно цѣнили весьма дорого истинные государственные мужи Франціи.

12 ноября 1854.

—

XXII.

НОВЫЙ КАРѲАГЕНЪ.

Мы читаемъ въ журналахъ слѣдующее:

«Лордъ Пальмерстонъ пріѣхалъ въ Парижъ! Ему поручено окончаніе весьма важныхъ переговоровъ. Жестокія потери войска, понесенныя Англіей въ эти послѣдніе дни, распространили въ ней ужасъ. Пріѣздъ Пальмерстона имѣетъ цѣлью предложить Франціи денежныя средства для отсылки 100,000 войска въ Крымъ. Англія, слишкомъ ослабѣвъ для того, чтобы продолжать эту борьбу, отселѣ будетъ жертвовать для нея своими сокровищами, а Франція войсками.»

Такимъ образомъ, достаточно было двухъ мѣсяцевъ, чтобы обнажить передъ глазами Европы глиняныя ноги этого дерзкаго британскаго колосса, который попираетъ Индію и разсчитываетъ на Францію, что она поможетъ ему сдѣ-

лать изо всѣхъ обитателей Европы какое то покорное стадо потребителей англійскихъ произведеній. Два мѣсяца войны передъ городомъ, который нужно было взять въ двадцать четыре часа (двѣнадцатью часами менѣе, чѣмъ Кронштадтъ) достаточны были для того, чтобы британскій левъ сломалъ себѣ когти. Кто бы могъ подумать, что столько слабости скрывается подъ такою гордостью! И не унизительно-ли и не опасно-ли для Англіи сознаться въ своей слабости передъ Франціей, передъ этою сомнительною союзницею, которая легко можетъ вспомнить свою прежнюю ненависть, свой позоръ при Ватерлоо и на островѣ Св. Елены,—эти два событія, записанныя черными буквами на страницахъ новѣйшей исторіи Франціи?

И такъ, Англія, увидя истребленіе своихъ храбрыхъ гвардейскихъ полковъ, Шотландцевъ и Горцевъ, увидя, что бури Чернаго моря дѣлаютъ безполезнымъ ея флотъ, доведена до необходимости просить пособія своей союзницы, и эта Франція Людовика XIV, Франція республики и имперіи, лѣтописи которой наполнены описаніями вѣковыхъ войнъ, континентальныхъ и морскихъ, противъ Англіи, выслушиваетъ хладнокровно, безъ негодованія, не схватившись за шпагу, предложеніе лорда Пальмерстона продать ему, за извѣстное количество фунтовъ стерлинговъ, кровь Франціи, для защиты коммерческихъ интересовъ Англіи и для поддержа-

нія британскаго колосса, который упадетъ, если его не поддержатъ побѣжденные при Ватерлоо!

Не во снѣ ли наконецъ мы все это видимъ? Не возвратились ли мы къ тѣмъ временамъ, когда Карѳагенскіе купцы, щадя кровь своихъ соотечественниковъ, нанимали гальскія, испанскія и нумидійскія когорты, для того, чтобъ онѣ сражались и умирали, ради пуническихъ интересовъ? Развѣ Франція 2-го декабря до такой степени упала, что ее можно безнаказанно оскорблять подобными предложеніями? Развѣ у Франціи, родины Боссюэта, Ришелье, Верньо, Карно, до такой степени затьмился разумъ, что она можетъ согласиться продавать свою кровь, для того, чтобы поддержать промышленное величіе Англіи? Какъ? Въ этой войнѣ, которая ведется за выгоды Англіи, въ этой кровавой борьбѣ, въ которой никто не можетъ намъ указать на какой нибудь французскій интересъ, затронутый Россіей, неужели Англія первая отступаетъ назадъ, объявляетъ себя истощенною, а Франція, съ высоты своего величія, (при Людовикѣ XIV), упавшая до степени англійскаго *condottiere*, ландскнехта, нанимаемаго британскимъ золотомъ, будетъ продолжать погребать своихъ солдатъ на кровавой почвѣ Крыма, который, можетъ быть, сдѣлается наконецъ могилою обѣихъ армій!

При какомъ безпорядкѣ идей мы живемъ, если подобныя вещи могутъ думать, писать и даже

предлагать! И такъ, вотъ этотъ племянникъ побѣдителя при Пирамидахъ и Абукирѣ, сдѣлавшійся наконецъ англійскимъ *кондотьери*. Будутъ *награды* тѣмъ французскимъ генераламъ, которые лучше другихъ будутъ защищать британскіе интересы! Манчестерскій коленкоръ будетъ выраженіемъ признательности. Впередъ же, солдатъ! Богъ помощь вамъ въ войнѣ за *shirtings* и произведенія Великой Британіи!

Эта война безпощадная, въ которой попираютъ ногами самыя священныя обязанности человѣчества, въ которой хладнокровно хвастаютъ тѣмъ, что сожгли госпиталь съ 2,000 русскихъ раненыхъ; эта война, въ которой Франція платитъ своею кровью за династическіе интересы и, можетъ быть, на всегда утратитъ свое военное значеніе; эта война, говоримъ мы, есть смертный бой для Англіи, и потому мы понимаемъ, что она не откажется ни отъ какого пожертвованія, для приведенія ея къ хорошему концу. Обратное отплытіе изъ Крыма союзныхъ армій было бы сигналомъ къ самой ужасной катастрофѣ новыхъ временъ, и эпизодъ Березинскаго моста дастъ о ней только слабое понятіе. И такъ, нужно идти впередъ на этомъ роковомъ Крымскомъ кладбищѣ, взваливать трупы на трупы и спокойно видѣть, какъ погибаютъ батальоны отъ картечи, сабли и невидимаго меча болѣзней. Военная честь союзныхъ державъ въ опасности, и въ этой ужасной бой-

нѣ, заливающей кровью Таврическій Полуостровъ, побѣдитель, кто бы онъ ни былъ, но овладѣетъ ни чѣмъ болѣе, какъ развалинами, окруженными трупами!

И замѣтьте: Франція и Англія понимаютъ, что взятіе Севастополя *не окончитъ войны*, и что *нужна будетъ* новая компанія весною. А между тѣмъ Крымъ продолжаетъ поглощать избранные батальоны, которые туда посылаютъ, подобно одной стаѣ собакъ за другою, чтобы поймать непокорнаго звѣря. Между тѣмъ Русскіе, полные любви къ отечеству, каждый разъ съ новыми силами возобновляютъ борьбу.

Можетъ быть, Англія, послѣ неуспѣха своего оружія, прибѣгнетъ къ новому средству, *революціи*. Лордъ Пальмерстонъ — ветеранъ, созрѣвшій въ революціонныхъ интригахъ; никто лучше его, мы соглашаемся, не умѣетъ зажигать пожара подъ ногами своихъ непріятелей. Но этотъ боецъ, называемый *революціей*, есть ужасный помощникъ, являющійся подобно тѣмъ таинственнымъ рыцарямъ съ чернымъ оружіемъ, которые въ битвахъ среднихъ вѣковъ истребляли ту и другую сторону; — и притомъ какими глазами посмотритъ на революцію императоръ Французовъ? Не долженъ ли онъ бояться, чтобъ она не сошла съ Альпъ, не распространилась во Франціи, этомъ кострѣ, наполненномъ зажигательными матеріалами, для которыхъ нуж-

на только одна искра, чтобы поглотить имперію и императора?

Съ какой стороны ни посмотришь на эту ужасную и безразсудную войну, возбужденную торговымъ эгоизмомъ Англіи, невольно страшишься ея послѣдствій, и видишь, что національной гордости Франціи останется скоро пожелать, чтобы побѣда осталась на сторонѣ Русскихъ. Это единственное средство окончить безплодныя и ужасныя убійства и возвратить Европѣ прежній сорокалѣтній миръ, нарушенный меркантильною жадностію Англіи.

19 ноября 1854.

—

XXIII.

ТУРЕЦКОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Посмотримъ же теперь нѣсколько на то, что называютъ турецкимъ просвѣщеніемъ. Мусульмане, не смотря на эту цивилизацію, привитую къ ихъ старому варварству, гнушаются нашихъ правовъ, искусствъ, религіи и даже имени. Они держатъ у себя женъ, какъ скотъ, продаютъ ихъ, покупаютъ. Они гнушаются произведеній на-

шихъ артистовъ, не считаютъ дозволенными театръ, живопись, скульптуру. Если они дѣлаютъ неловкія заимствованія изъ европейскаго образованія, или военной науки, это происходитъ съ запасною мыслію—отдалиться отъ насъ совершенно, когда имъ нечего будетъ у насъ заимствовать, и начать снова непріязненныя дѣйствія противъ насъ, своихъ постоянныхъ враговъ, по ихъ закону. Наконецъ, чтобы выразить все однимъ словомъ, они избрали для насъ очень дружественное названіе *гяуръ* и *кепекъ*, что значитъ собака, которая есть одно изъ самыхъ нечистыхъ животныхъ, особенно по мнѣнію мусульманъ.

Пойдемъ далѣе:

Правда, что есть страна, которая называется Турціей, страна, въ которой вы встрѣчаете въ самомъ дѣлѣ нѣкоторое количество Турокъ, разсѣянныхъ въ массѣ христіанскаго народонаселенія. Эта горсть незаконныхъ потомковъ древнихъ побѣдительныхъ ордъ, не умѣвъ ни поддержать въ себѣ огонь фанатическаго энтузіазма своихъ предковъ, ни заимствовать отъ образованныхъ народовъ любовь къ дѣятельности и трудолюбію, существуетъ теперь между племенами, покоренными въ древности, только по какой-то привычкѣ. Можно ли это назвать націей?

Нѣтъ, турецкой націи не существуетъ. Пусть говорятъ, что хотятъ, но нѣтъ никакого софиз-

ма, который бы могъ одержать верхъ надъ справедливостію представленнаго нами факта. Нѣтъ воли, нѣтъ искусства, которыя бы могли привести въ порядокъ эту старую и разстроенную машину, нѣтъ на свѣтѣ такой силы, которая могла бы возвратить жизнь трупу, упрямо называемому до сихъ поръ оттоманскою націей. Предоставьте смерти закончить свое дѣло, политическіе воскресители: вы напрасно стараетесь противиться ей!

Мы не исчисляемъ здѣсь преслѣдованій то явныхъ, то скрытыхъ, которымъ постоянно подвергается Восточная Церковь. Алеппскія убійства показали западнымъ христіанамъ, какъ тяжелъ иногда турецкій фанатизмъ; но для Восточной Церкви эти преслѣдованія ежечасны: они доходятъ даже до оскорбительной привычки Турокъ курить трубки въ ея святилищахъ, и до того, что Турки собираютъ всякого рода нечистоты, для зараженія воздуха около Храма Искупленія. Они очевидны во всѣхъ дѣйствіяхъ Порты и ея агентовъ, въ отношеніи Православныхъ Христіанъ и ихъ Церкви. Не говоря о насиліяхъ, совершающихся ежедневно внутри имперіи, о церквахъ, разрушенныхъ и разоренныхъ мусульманскимъ фанатизмомъ, насильственныхъ обращеніяхъ къ исламизму, самое правительство не старается ли всевозможными способами препятствовать распространенію церквей въ Булгаріи и Босніи? Не воспретило ли

оно употребленіе народнаго языка, при отправленіи богослуженія? Не противопоставляетъ ли оно тысячи препятствій къ обращенію священныхъ книгъ и утвари, необходимыхъ для совершенія богослуженія и вовсе непмѣющихся въ этихъ церквахъ? Не конфискуетъ ли оно и не искажаетъ ли этихъ священныхъ книгъ, до такой степени, что онѣ перестаютъ совершенно отвѣчать своею назначенію?

Въ нѣкоторыхъ городахъ Сиріи, этой провинціи, возвращенной Турціи оружіемъ великихъ христіанскихъ державъ, и между прочимъ въ Триполи, гдѣ столь величественно развиваются консульскіе флаги всего христіанскаго міра, христіанскіе ран не могутъ носить на рукахъ до кладбища своихъ умершихъ, какъ водится повсюду, гдѣ нѣтъ погребальныхъ колесницъ. Они принуждены везти ихъ на спинахъословъ, что очень забавляетъ *правовѣрныхъ*. Въ 1850 году, кажется, христіане хотѣли избавиться отъ этого униженія; но Турки оскорбили епископа и духовенство, сопровождавшихъ погребальную процессію, взломали гробъ, и принудили раевъ соблюдать старый обычай, уничтоженный было во время египетской администраціи. Это ли вѣротерпимость, объявленная въ Гюльханѣ? Въ то же время, греческій монастырь св. Ѳеклы, около Дамаска былъ разграбленъ турецкими солдатами, и восьмидесятилѣтній епископъ, вмѣстѣ съ другими духовными, былъ убитъ.

(Извлеченіе изъ одной брошюры, носящей названіе: *Письма о состояніи Турціи).*

19 ноября 1854

—

XXIV.

КРЫМСКІЯ УБІЙСТВА.

Французскіе генералы, покрывшіе себя славою и банковыми билетами во время компаніи 2 декабря, начинаютъ понимать, что компанія на Парижскихъ бульварахъ гораздо легче, чѣмъ взять *однимъ ударомъ* Севастополь.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ *пушка его величества* заговорила, но краснорѣчіе ея не имѣло никакихъ слѣдствій и, не смотря на ужасную бойню людей въ окрестностяхъ Севастополя, дѣла находятся въ томъ же положеніи, какъ при началѣ осады, которая можетъ сдѣлаться повтореніемъ осады Троп.

Говоря, что дѣла находятся въ томъ же положеніи, мы ошибаемся. За картечью, ядрами, штуцерными пулями послѣдовали тифъ и бури, выбрасывающія на берегъ обломки тѣхъ прекрасныхъ кораблей, которые составляли гордость Англіи.

Въ лагеряхъ, устроенныхъ подъ туманнымъ и холоднымъ небомъ, тифъ началъ свои ужасныя истребленія, передъ которыми трепещутъ самые смѣлые. И въ то время, когда бури *гостепріимнаго моря*—какъ называли его иронически Греки временъ Гомера — разбиваютъ англійскіе корабли, нагруженные солдатами, набранными съ такимъ трудомъ, Англія видитъ, какъ вытекаетъ изъ тысячи ранъ ея благородная кровь.

Съ самаго начала этой безбожной войны, въ которой человѣческая кровь течетъ потоками на желѣзный алтарь англійской торговли, Англія потеряла болѣе 1,200 офицеровъ, принадлежащихъ къ ея патриціанскимъ фамиліямъ. Эти Русскіе, которыми столь пренебрегали, дерзаютъ нападать со штыками на отборныя войска Англіи, и наполняютъ батареи трупами этихъ *cold-streams*, которыми Англія такъ гордилась. При этомъ извѣстіи, *Times* остолбенѣлъ отъ удивленія и негодованія; этотъ почтенный журналъ судилъ о русскихъ солдатахъ по тѣмъ бѣднякамъ, которыхъ такъ бьютъ на бульварныхъ театрахъ, съ платою по три франка за пораженіе.

Вотъ пришла наконецъ зима, а война дѣлается все ужаснѣе и безпощаднѣе. Журналы говорятъ, что зуавы не берутъ болѣе плѣнныхъ, и приходятъ въ негодованіе отъ того, что Русскіе оканчиваютъ штыкомъ то, что̀ начала пуля.

Сорокалѣтній миръ смягчилъ европейскіе нравы, и война представлялась въ началѣ чѣмъ-то

чудовищнымъ и варварскимъ. Если произойдетъ война, говорили тогда, она не будетъ болѣе стыдомъ для человѣчества; она подвергнется вліянію образованности и просвѣщенія. Такъ говорили; и вотъ, съ перваго же разу, эта война запечатлѣвается варварствомъ и жестокостями Испанской войны и борьбы Венгерцевъ противу Турокъ.

Волны англо-французскихъ солдатъ разбились о гранитное подножіе твердыни Севастополя, стяжавшихъ теперь безсмертную славу Сагунта и Саррагоссы. Продолжать эту борьбу — значитъ продолжать страшныя человѣкоубійства, которыя пушка Инвалидовъ привѣтствуетъ своими позорными салютами. Гордость трехъ великихъ народовъ находится теперь на очной ставкѣ, и никто не можетъ, не обезчестивъ себя, отодвинуться назадъ, или вложить шпагу въ ножны.

Одна Россія могла бы это сдѣлать, потому что показала своимъ геройскимъ сопротивленіемъ, до какой степени она сильна.

Но Англія, столь хвастливая, самоувѣренная и гордая, собиравшаяся завтракать въ Кронштадтѣ черезъ 24 часа и въ Севастополѣ черезъ 3 дня; Франція, смотрѣвшая на всю эту экспедицію, какъ на дѣло *одного удара*;—эти двѣ націи, униженныя въ своемъ воинномъ тщеславіи, потерявшія свою вопиственную славу, не могутъ желать мира, и, какъ сказалъ *Times*, англійскимъ батальонамъ ничего не останется болѣе,

какъ умереть въ Крыму, но не посрамить флага Великой Британіи.

Въ этой гордости, въ этихъ заблужденіяхъ тщеславія, слишкомъ пренебрегавшаго непріятелемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ преувеличивавшаго его значеніе; въ этихъ причинахъ, повидимому ничтожныхъ, но въ сущности важныхъ, заключаются всѣ опасности будущаго. Англія, разсерженная безполезною потерею столькихъ сокровищъ и крови, думаетъ уже возбудить европейскую революцію, и дерзко спрашиваетъ Австрію, «знаетъ ли она, сколько нужно искръ, упавшихъ изъ трубки французскаго капрала, для того, чтобы произвести пожаръ въ Италіи?» Въ этой игрѣ Англіи нечего опасаться; но г. Бонапартъ, не знающій навѣрное, гдѣ можетъ остановиться этотъ пожаръ, осмотрится нѣсколько разъ кругомъ, пока позволитъ своимъ капраламъ *бросить изъ своихъ трубокъ огонь на Италію.*

3 декабря 1854.

—

XXV.

ТРАКТАТЪ СЪ АВСТРІЕЙ.

Нѣсколько дней французскіе журналы получили приказаніе отъ г. Піетри зажечь весь огонь своего энтузіазма, для прославленія *мудрости* вели-

каго императора, который принудилъ Австрію 2 декабря (въ эту блестящую эру Наполеоновской исторіи), подписать трактатъ *наступательнаго* и *оборонительнаго* союза съ Франціей и Англіей. Потомъ, прославивши мудрость великаго императора, соединяющаго съ политическимъ геніемъ Ришелье добродѣтели Людовика Святаго, эти журнальные слуги осыпаютъ Австрію цѣлою массою мадригаловъ, и приходятъ въ восторгъ, говоря о силѣ этой могущественной имперіи, которая возстановила повсюду свое вліяніе, поправила финансы, вновь организовала свою армію, и можетъ завтра представить въ распоряженіе англо-французскаго союза вспомогательную армію изъ 500,000 человѣкъ.

Газеты торжественно провозглашаютъ, что и Пруссія приметъ участіе въ этомъ европейскомъ *концертѣ*, въ которомъ *соло* Севастопольскихъ пушекъ до сихъ поръ преобладаетъ надъ *duo* Англіи и Франціи.

И такъ, если журналы г. Піетри говорятъ правду, Россія, благодаря мудрости добродѣтельнаго императора Французовъ, должна считать двумя врагами болѣе. И какихъ враговъ! Австрію и Пруссію, то есть, тѣ державы, которыя, безъ геройскаго самопожертвованія Россіи отъ 1807 до 1815 года, были бы въ настоящее время французскими вице-королевствами, управляемыми *какимъ нибудь* потомкомъ великаго человѣка.

Вотъ до чего дошелъ общественный духъ у нашихъ сосѣдей, вотъ до чего упала въ три послѣдніе года Франція, политическій смыслъ которой былъ всегда столь замѣчателенъ и парламентское краснорѣчіе которой было столь блестящимъ отъ 1828 до 1848 года.

Въ надеждѣ, что Австрія и Пруссія примутъ участіе въ войнѣ, въ пользу Англіи, биржа поднялась на три франка, двумя франками менѣе, чѣмъ на другой день послѣ битвы при Ватерлоо.

Что жь это наконецъ! Развѣ не существуетъ современной исторіи во Франціи? Не затопилъ ли халифъ Омаръ-Наполеонъ Сенъ-Клудскія бани публичными и частными библіотеками? Развѣ утратилось всякое воспоминаніе Наполеоновской исторіи, отъ 1807 до 1815 года, для того, чтобы Франція 1854 года могла думать, что Германія, и особенно Пруссія, позабыла о грабительствахъ, опустошеніяхъ и обидахъ всякого рода, которымъ подвергалъ ее первый Наполеонъ! Развѣ Пруссія, въ особенности, утратила воспоминаніе о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя она терпѣла, пока счастіе благопріятствовало Аустерлицскому побѣдителю? Развѣ всѣ развалины, покрывающія Рейнскую Пруссію, Палатинатъ и Баварію не носятъ слѣдовъ французскихъ факеловъ и ядеръ? Развѣ Пруссія могла бы позабыть, что, послѣ Іенскаго сраженія, городъ Любекъ былъ преданъ грабежу, а женщины—звѣрству побѣдителей? Развѣ Прусаки поза-

были безчестныя оскорбленія, нанесенныя ихъ геройской королевѣ, позабыли контрибуцію въ 150 милліоновъ, наложенную на Берлинъ, раздѣленіе Пруссіи на четыре департамента, ссылки и убійства, по приговору военнаго суда, всѣхъ тѣхъ, у кого было сердце патріота, и это дерзкое объявленіе Наполеона, что онъ желаетъ, чтобы ранѣе десяти лѣтъ, его фамилія была самою могущественною и наиболѣе уважаемою въ Европѣ?

Событія, которыя мы приводимъ здѣсь на скоро и на память, всякой можетъ подвергнуть критикѣ, и убѣдиться въ ихъ достовѣрности, открывъ перваго какого попало историка.

Обратимся теперь къ Австріи, которая подписала трактатъ.

Намъ не безъизвѣстно, что политика промышленныхъ и торговыхъ интересовъ начинаетъ все болѣе и болѣе преобладать надъ политикою, основанной на историческихъ преданіяхъ и началахъ, которыя дѣйствовали въ Европѣ отъ Ришелье до Вестфальскаго мира. Намъ не безъизвѣстно также, что благодарность есть тяжелая ноша, которую не всякій въ состояніи нести. Но, для чести человѣчества, мы никакъ не можемъ думать, чтобы она перешла въ столь противуположное чувство. Габсбургскій домъ не съ недавняго времени обязанъ Россіи; не съ недавняго также времени Франція налагала на

Австрію союзы, которые были для нея оскорбленіемъ, и заключала мирные трактаты, которые были варварствомъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Пресбургскій миръ стоитъ Австріи 133,000 квадратныхъ географическихъ миль, съ 1,700,000 жителей и 14,000,000 годоваго дохода. Послѣ Знаимскаго мира, Австрія должна была опять потерять 3 милліона человѣкъ, богатыя Зальцбургскія руды, уплатила 60,000,000 флориновъ, отказалась отъ болѣе, чѣмъ 700 квадратныхъ миль, присоединенныхъ къ Рейнской конфедераціи, видѣла, какъ французскіе военные суды приговаривали къ разстрѣлянію ея лучшихъ патріотовъ, напримѣръ Андрея Гофера, и тысячи другихъ. Ей и цѣлой Германіи наносились всякого рода оскорбленія. Одиннадцать прусскихъ офицеровъ, виновныхъ въ томъ, что защищали свою національность, были разстрѣляны; другіе подверглись гораздо позорнѣйшему наказанію; Вѣнскія стѣны были разрушены; Германія предана грабежу арміи, которая считала въ числѣ своихъ генераловъ грабителей, занимавшихся воровствомъ, съ оружіемъ въ рукахъ.

Вотъ слабый очеркъ оскорбленій, грабительствъ и дерзостей, которымъ подвергнута была цѣлая Германія первымъ Наполеономъ, потрясеннымъ и потомъ окончательно сверженнымъ, только тогда, когда Россія приняла участіе въ борьбѣ, для спасенія Европы отъ всеобщаго порабощенія, еще болѣе несноснаго, въ слѣдствіе

дерзости проконсуловъ и Наполеоновскихъ намѣстниковъ, повидимому вмѣнявшихъ себѣ въ обязанность оскорблять народы въ томъ именно, что было для нихъ самаго дорогаго и священнаго.

Австрія и Пруссія истощились отъ попытокъ низвергнуть счастливаго завоевателя, которому, кажется, покровительствовалъ геній французской революціи до 1810 года. Пруссія, раздробленная, униженная, принужденная умолять въ Эрфуртѣ объ оскорбительномъ мирѣ, въ которой ей на отрѣзъ отказывалъ побѣдитель, должна была присоединить на время свои войска къ Наполеоновскимъ въ его походѣ противъ Россіи, гдѣ этотъ властитель, обратившій Европу въ нѣмое и кровавое кладбище, въ которомъ человѣческая мысль не смѣла болѣе и вспомнить о человѣчествѣ и свободѣ, увидѣлъ въ первый разъ закатъ своей звѣзды и ея паденіе въ море крови. Австрія, съ своей стороны, выпила до дна чашу униженій и пораженій; Германія, лишенная связи, единства и направленія, сдѣлалась жертвою Наполеоновскихъ намѣстниковъ, смотрѣвшихъ на нее, какъ на богатую добычу. Испанія боролась безъ надежды. Европа молчала и выдавала своихъ дѣтей, для того, чтобы изъ нихъ дѣлали орудія притѣсненія и грабежа. Горе тому было, кто желалъ удалить своихъ дѣтей отъ огромнаго человѣкоубійства, совершаемаго Наполеономъ.

Государственныя темницы открывались для всякаго того, кто осмѣливался громко порицать человѣка, игравшаго кровью народовъ, ихъ честью, независимостію и свободою. Англія, истощенная войною, увидѣла въ 1810 г., что ея долгъ возросъ до *девяти милліардовъ* франковъ. Италія составляла не болѣе одного департамента; духовная власть, въ лицѣ папы, была подавлена завоевателемъ, который властвовалъ отъ Кадикса до Вислы и отъ Амстердама до Тарента. Европа, казалось, возвратилась ко временамъ Аттилы, и вопрошала съ ужасомъ, неужели Провидѣніе предоставило народы ненасытной жаждѣ крови, жаждѣ, сожигавшей этого человѣка. Матери проклинали плодъ своей утробы, долженствовавшій послужить когда нибудь *пищею для пушки*; все, казалось, было потеряно, когда Россія бросила во второй разъ свою шпагу на дорогу этого человѣка, который воздвигалъ народы на народы, употребляя Испанцевъ, для покоренія Нѣмцевъ, а Нѣмцевъ, для содержанія въ покорности Испанцевъ. Послѣ сраженій при Эйлау, Фридландѣ и Гейльсбергѣ Россія удалилась, бывъ свидѣтельницею страшнаго кровопролитія, но не пораженія. Въ Москвѣ Богъ простеръ свою десницу, и деспотъ, все болѣе колеблясь отъ всякой новой раны, палъ наконецъ при Ватерлоо, при радостныхъ кликахъ Европы, освобожденной отъ ига и возвращенной къ искусствамъ, просвѣщенію, свободѣ и миру!

И такъ, безъ помощи Россіи въ этой борьбѣ народовъ противъ Наполеоновскаго деспотизма, чѣмъ была бы въ настоящее время Германія, чѣмъ была бы Пруссія, всегда геройская, но всегда несчастная, чѣмъ была бы Австрія, лишенная 6,000,000 народонаселенія, разоренная военными контрибуціями? Чѣмъ была бы наконецъ Европа, безъ помощи Россіи, которую стараются представить намъ страною варварскою, тогда какъ ей обязана Франція возвращеніемъ трибуны, уничтоженной Бонапартомъ, ей она обязана индивидуальною свободою, непризнаваемою Бонапартомъ, ей она обязана уваженіемъ къ человѣческой жизни, презираемой Бонапартомъ, и наконецъ уваженіемъ къ національности, попранной ногами Бонапарта.

Если бы Австрія и Пруссія, Пруссія въ особенности, могли позабыть всѣ эти обстоятельства, намъ не оставалось бы ничего болѣе, какъ сожалѣть о ихъ ослѣпленіи, и напомнить имъ, что, при свиданіи въ Эрфуртѣ, Александру и Наполеону весьма легко было раздѣлить между собою власть надъ міромъ, и водворить свое колоссальное могущество на развалинахъ Австріи, Германіи и Англіи!

10 декабря 1854.

XXVI.

ЕВРОПЕЙСКІЕ КАБИНЕТЫ.

Война продолжаетъ опустошить часть Европы. Юность и сила западныхъ державъ стремится къ одному пункту Россіи, чтобы погибнуть тамъ тысячами смерти. И если спросить себя—зачѣмъ эта ужасная борьба, зачѣмъ это истребленіе человѣка его же ближнимъ, врядъ ли будешь въ состояніи извлечь изъ потопа разнорѣчивыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ какую либо причину, не то, чтобы благоразумную, но понятную.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хочетъ Франція, чего требуетъ Англія? Если Вѣнская нота 8-го августа чистосердечна, эти державы желаютъ, чтобы Дунайскія княжества находились подъ общимъ протекторатомъ, на основаніи договора, заключеннаго съ Портою. Что уступаетъ Россія? Въ письмѣ 8-го ноября, Гр. Нессельроде объявляетъ, что русское Правительство соглашается на общій протекторатъ пяти державъ надъ Дунайскими княжествами. Можетъ ли это оправдать столько убійствъ?

Западныя державы хотятъ, чтобы навигація по Дунаю не подвергалась никакимъ препятствіямъ. На что же соглашается Россія? Въ томъ же письмѣ Гр. Нессельроде, она выражаетъ сог-

ласіе на свободное плаваніе по Дунаю, которое существуетъ *de iure*, и которому, *de facto*, Россія никогда не препятствовала. Можно ли этимъ оправдать потоки пролитой крови?

Западныя державы требуютъ ревизіи трактата 13 іюля 1841 г., для интересовъ европейскаго равновѣсія. Россія противится ли этому? Нисколько, потому что Г. Нессельроде объявляетъ, что она согласна, лишь бы султанъ, наболѣе заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, изъявилъ свое согласіе. Это обстоятельство не можетъ быть также достаточною причиною того бича, который опустошаетъ часть Европы, и распространяетъ ужасъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Наконецъ эти государства желаютъ, чтобы Россія перестала требовать оффиціальнаго протектората надъ подданными Высокой Порты, къ какому бы они вѣроисповѣданію не принадлежали. Что же предлагаетъ Россія? Г. Нессельроде въ своемъ письмѣ поставляетъ на первомъ мѣстѣ общій протекторатъ пяти державъ надъ религіозными и гражданскими правами христіанскаго народонаселенія Оттоманской Имперіи, безъ различія вѣроисповѣданія.

Между тѣмъ война продолжается, человѣческая бойня дѣлается день ото дня жесточе. Корабли потоплены, города выжжены, посѣвы уничтожены, люди погублены. Тѣ, которыхъ пощадили желѣзо и свинецъ, падаютъ отъ зим-

ней стужи или эпидимической болѣзни. Никогда въ образованныя времена и въ просвѣщенныхъ странахъ не видѣли такой истребительной борьбы; никогда съ обѣихъ сторонъ не было выказываемо столько храбрости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безпощадной ярости. И за что? За вопросъ, въ которомъ всѣ объявляютъ, что у нихъ одна цѣль, и въ которомъ одинъ изъ противниковъ изъявляетъ свое согласіе на всѣ требованія другихъ.

17 декабря 1854.

—

XXVII.

КАКОЙ ПРЕКРАСНЫЙ БИЛЕТЪ У ФРАНЦІИ!

(Слова Нины).

Объявленіе трактата съ Австріей было достаточно для Парижской биржи, чтобы возвысить на три франка ея энтузіазмъ. Если это извѣстіе не принято было съ иллюминаціями, знаменами и *Te Deum*, это произошло оттого, что мистификація Татарина еще была свѣжа въ памяти.

Если вѣрить журналамъ *le Constitutionnel* и *la Patrie*, Австрія, раздѣляя *справедливое негодо-*

ваше Англіи и Франціи противъ Россіи, которая не дозволяетъ ни уменьшить себя, ни унизить, въ пользу англійской лавки и династіи Бонапарта, Австрія, по словамъ этихъ журналовъ, присоединитъ свое оружіе къ англо-французскому союзу; самая Пруссія, по ихъ увѣренію, забывъ свое прошедшее, хочетъ сблизиться съ Франціей, и заплатить ядрами свой долгъ признательности къ этой Россіи, которая обезпечила свободу и независимость Германіи, нанесши смертельный ударъ Аустерлицскому побѣдителю.

Никогда не видано было подобной довѣрчивости. Парижскіе лавочники говорили, заложивъ руки въ карманъ: «И такъ! вотъ еще на нашей сторонѣ Австрія и Пруссія; этимъ нежданнымъ союзомъ мы обязаны мудрости и политическому генію императора!»

Потомъ разсуждали объ этомъ замѣчательномъ днѣ 2-го декабря, который Бонапарты избираютъ всегда, для того, чтобы совершить какой нибудь геройскій ударъ, то на полѣ битвы, то въ политикѣ; но вотъ обнаруживается вдругъ фальшивость новости, принесенной австрійскимъ Татариномъ. Австрія *ничего не обѣщала*, не обязывалась ничѣмъ, кромѣ того, какъ употребить новыя усилія передъ Россіей, чтобы возвратить миръ Европѣ и Англіи, не получающей никакихъ доходовъ отъ предпринятой ею войны.

Вотъ что́ мы читаемъ въ журналахъ по случаю мистификаціи о договорѣ съ Австріей:

«Въ нижней палатѣ лордъ Джонъ Руссель объявилъ, что трактатъ, заключенный между Австріей и западными державами, не содержитъ ничего опредѣленнаго, ничего обязательнаго для Австріи.»

Вотъ—что произвела мудрость императора. Не удобный ли это случай повторить вмѣстѣ съ Нинопой:

«Ахъ, какой прекрасный билетъ у Франціи!»

Г. Тіеръ, человѣкъ, конечно, съ умомъ положительнымъ, заключилъ Восточную войну въ дилеммѣ, которая не разрѣшаетъ загадки, въ томъ смыслѣ, какъ она предложена теперь: униженіе Запада, или униженіе Востока. Ему приписываютъ эти слова: «Если Севастополь будетъ взятъ, война приметъ самый разъяренный характеръ; если Севастополь не будетъ взятъ, миръ для западныхъ державъ будетъ казаться невозможнымъ.

17 декабря 1854.

—

XXVIII.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Въ продолженіе сорока лѣтъ Европа наслаждалась почти совершеннымъ миромъ.

Когда въ 1830 г. началъ пробуждаться въ Европѣ революціонный духъ, со всѣхъ сторонъ войска были приведены въ готовность къ войнѣ. Но всѣ заботливо избѣгали войны.

Кромѣ того, нѣсколько разъ въ продолженіе этихъ сорока лѣтъ, нѣкоторыя столкновенія угрожали нарушить миръ. Но правительства употребляли постоянно все свое искусство и энергію, для избѣжанія того, что имъ казалось огромнымъ несчастіемъ.

Причина этого та, что новѣйшая война съ полуторатысячными арміями, съ сотнею пушекъ и сорока тысячами лошадей, есть средство, которое болѣе всѣхъ разоряетъ народное богатство.

Люди и лошади выбираются между самыми сильными и лучшими. Оружіе, аммунпція, провіантъ стоятъ сотни милліоновъ.

Эти люди и лошади не только отнимаются отъ производительнаго труда, не только пропадаютъ суммы, издержанныя на ихъ воспитаніе, но ихъ содержаніе стоитъ ежегодно сотни милліоновъ. Они употребляютъ, ничего не производя сами, значительную часть народнаго труда. Такъ бываетъ во время мира.

Но во время войны!

Эти люди, эти лошади, эти пушки не ограничиваются болѣе тѣмъ, что потребляютъ безплодно предметы ихъ дорогаго содержанія.

Положимъ двадцать тысячъ воиновъ убито: нужно ихъ замѣстить кѣмъ нибудь. И такъ, приходите на ихъ мѣсто, молодые люди!

И вотъ они приходятъ, и ихъ ряды опустошаются, какъ ряды ихъ предшественниковъ.

И въ то время, какъ поля ихъ остаются необработанными, они опустошаютъ чужія, обработанныя.

И въ то время, когда тысячи людей не имѣютъ даже лачужки, они сожигаютъ города.

И въ то время, когда на рѣкахъ не достаетъ мостовъ, они взрываютъ мосты.

И въ то время, когда нуждаются въ плугахъ и повозкахъ, они ломаютъ и истребляютъ ихъ.

И въ то время, когда тысячи людей лишены одежды и обуви, они уничтожаютъ въ нѣсколько часовъ сукно, полотно и кожу.

И въ то время, когда столько семействъ терпитъ нужду, ограничивается немногимъ, лишаетъ себя необходимаго, чтобы сберечь что нибудь, они въ нѣсколько часовъ уничтожаютъ милліоны въ какомъ нибудь сраженіи.

Говорятъ, что война питаетъ войну. Это справедливо только въ военномъ отношеніи, объ арміи побѣдоносной, когда она дѣйствуетъ въ непріятельской странѣ, и когда страна богата, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы эта армія имѣла резервы. Но въ отношеніи цѣлыхъ народовъ, это никогда не можетъ быть справедли-

во, — даже въ отношеніи того народа, арміи котораго постоянно побѣдоносны.

Въ нашей новѣйшей Европѣ, въ Европѣ 1854 года, интересы людей всѣхъ націй слишкомъ связаны, для того, чтобы потери не были общими. Разореніе какого нибудь Нѣмца бываетъ чувствительно для Француза, потому что часто этотъ Французъ есть его заимодавецъ, и наоборотъ. . . . . .

На Востокѣ война не можетъ питать войны, даже еслибъ Франція оставалась побѣдительницею. Дѣло не въ томъ только, что мы должны заплатить Турціи, нашей союзницѣ, за то, что мы у нея возьмемъ; нѣтъ, здѣсь представляется вопросъ совсѣмъ другаго рода: въ Турціи нельзя найдти ничего, что необходимо для нашихъ войскъ, даже лошадей. Туда нужно привозить съ собою все. И такъ, прибавьте къ обыкновеннымъ издержкамъ арміи изо ста тысячъ человѣкъ, поставленной на военное положеніе, и къ огромнымъ издержкамъ, которыхъ будетъ стоить перевозъ этой арміи въ Турцію, еще издержки содержанія арміи и перевоза всего того, что для нея необходимо.

Россія, на своемъ обширномъ протяженіи, вмѣщаетъ въ себѣ двадцать различныхъ народовъ, и средства ея огромны. Правило, что война содержитъ войну справедливѣе всего можно отнести къ Россіи, чѣмъ ко всякому дру-

гому народу. Кромѣ того, что издержки ея не столь значительны, потому что онѣ домашнія, ея солдаты привыкли къ большой умѣренности, породы ея лошадей неистощимы, и притомъ породы такихъ лошадей, которыя питаются, въ случаѣ нужды, самыми скудными средствами; люди и лошади не стоятъ Россіи и четверти той цѣны, въ которую они обходятся намъ.

Вспомните притомъ, что Россія имѣетъ шестьдесятъ милліоновъ жителей, что она имѣетъ преимущество въ возможности — дѣлать наступательное движеніе, куда захочетъ, у самыхъ своихъ предѣловъ, на самые значительные для нея пункты, и что напротивъ тѣ пункты, въ которыхъ она должна держаться въ оборонительномъ положеніи, слишкомъ растянуты, и могутъ быть атакованы только флотами; стало быть, всякое преимущество дороже обойдется нападающему, чѣмъ Русскимъ потеря. Всякой утраченный корабль будетъ значительнымъ уменьшеніемъ могущества союзниковъ, тогда какъ потеря гораздо большаго количества кораблей ни сколько не уменьшитъ значенія Россіи, если ея сухопутныя силы будутъ дѣйствовать хорошо.

Защищать слабаго противъ сильнаго есть благородная политика,—если только это не лживый предметъ.

Оберегать независимость народа есть справедливое употребленіе оружія, — если только въ

самомъ дѣлѣ тѣхъ, кого защищаешь, можно назвать народомъ.

Поддерживать тронъ, на который нападаютъ, есть законное дѣло царей, — если только этотъ тронъ заслуживаетъ защиты.

Но что сказать о политикѣ, которая такъ привыкла лгать передъ другими, что не въ состояніи признаться въ правдѣ даже передъ собою?

Откройте исторію, на какой бы то ни было страницѣ; сдѣлайте три шага на земномъ шарѣ, подъ какимъ бы то ни было небомъ: вездѣ найдете вы свидѣтельство этой печальной истины, что народы умираютъ, какъ отдѣльные люди.

Умираютъ ли они совершенно и навсегда? нѣтъ. Многіе преобразуются; но это преобразованіе народы и люди называютъ смертью.

Народы умираютъ долго. Паденіе Римской Имперіи продолжалось два столѣтія; — Греческой Имперіи—также два;—Турціи—одно. Предсмертные припадки послѣдней продолжаются уже пятьдесятъ лѣтъ; теперь она при послѣднемъ издыханіи.

Такъ какъ умирающій человѣкъ постепенно чувствуетъ, что его конечности не подлежатъ болѣе дѣйствію его воли, подобно тому Турція лишалась мало по малу Египта, Греціи, острововъ, Чернаго моря. Уже съ давняго времени

жизненная сила ея находится только въ Стамбулѣ, ея сердцѣ.

Но Турція есть-ли въ самомъ дѣлѣ нація?

Нація есть собраніе племенъ, отождествленныхъ общимъ закономъ, искусствами, однообразнымъ языкомъ и просвѣщеніемъ. Она вникаетъ въ свое назначеніе, въ свои основныя начала, въ идею, которую представляетъ: это ея теоретическая дѣятельность; практическая же дѣятельность ея состоитъ въ томъ, что она приводитъ въ исполненіе эти начала и эту идею. Всякой народъ есть осуществленный символъ.

Всѣ народы Европы удовлетворяютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, этимъ условіямъ. Можно ли тоже сказать о Турціи?

Завоеваніе Турками почти всей страны, взятіе Адріанополя произошло въ 1632 г., взятіе Константинополя въ 1453 г.; и, послѣ четырехъ вѣковъ полнаго обладанія, Турки не могли ни сравнять съ собою побѣжденный народъ, ни превзойдти его. Далеко отъ того: относительно къ цѣлому народонаселенію, они представляютъ только слабую и малую пропорцію.

Въ то время, когда мы думаемъ, мусульманинъ мечтаетъ; когда мы ходимъ и ищемъ, онъ гнется и ожидаетъ.

И въ то время, когда въ Европѣ даютъ значеніе женщинѣ и на празднествахъ, и въ работахъ, и въ искусствахъ, и въ общей мысли,

Турокъ заключастъ ее въ темницу, и отдастъ подъ стражу уродамъ.

Нѣтъ, Турки — народъ, не достойный покровительства Европы. Ихъ вѣрованія, ихъ обычаи, ихъ правительство не заслуживаютъ снисхожденія.

Пришедши нѣкогда въ Азію съ мечомъ въ рукахъ, они старались покорить нашъ континентъ. Остановленные Франками и польскими Славянами, они отступили нѣсколько къ Азіи: пусть же они уходятъ туда совсѣмъ!

Можно продолжить агонію имперіи, какъ агонію отдѣльнаго человѣка; но настаетъ наконецъ часъ, когда всякая помощь безполезна: жизнь погасаетъ. Можно еще гальванизировать трупъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, даже нѣсколькихъ дней, и производить въ немъ конвульсіи. — Это можно было сдѣлать и съ Турціей: ее гальванизируютъ; но самый гальванизмъ имѣетъ свой предѣлъ.

Турція перестала навсегда быть имперіей, живущею своею собственною жизнію. Ея послѣдній часъ пробилъ. И она не въ состояніи будетъ долѣе держаться безъ помощи иностраннаго гарнизона.

Турецкая имперія, поддерживаемая иностраннымъ гарнизономъ! Можетъ-ли на долго удержаться это неизбѣжное отселѣ положеніе? Конечно, нѣтъ.

Что же касается союза Людовика-Наполеона съ Англіей, это фактъ насильственный, ненормальный и немогущій продолжаться по достиженіи цѣли.

Взглядъ государственныхъ людей этой страны слишкомъ вѣренъ, для непониманія того, что — пока островъ Св. Елены не исчезнетъ въ морѣ, вмѣстѣ съ воспоминаніями, которыя онъ носитъ, — миръ и союзъ съ племянникомъ Наполеона, завладѣвшаго властью, есть только перемиріе, отсрочка, которой удивляется исторія.

Никакія дружественныя объявленія съ обѣихъ сторонъ, ни какіе англійскіе ура, никакіе французскіе виваты не могутъ подавить чувства этой истины: потухшій волканъ, островъ Св. Елены, загорится снова, рано или поздно.

Мы знаемъ слишкомъ хорошо роковыя требованія англійской политики и сомнѣваемся, что она долго будетъ хладнокровно смотрѣть на французскій флотъ.

И такъ, (если царствованіе Людовика-Наполеона продолжится), Восточная война не успѣетъ кончиться, какъ свѣтъ увидитъ новую войну.

Можно утверждать только одно, а именно что вопросъ о европейскомъ вліяніи, принудившій западныя державы взяться за оружіе, не можетъ быть надолго оконченъ ни въ Румеліи,

ни въ Крыму. Онъ можетъ быть рѣшенъ только на поляхъ Германіи.

24 декабря 1854.

—

XXIX.

ЛАФОНТЕНЪ И МОЛЬЕРЪ — ПУБЛИЦИСТЫ.

Споры, происходившіе въ настоящее время въ Палатѣ Депутатовъ, раскрываютъ передъ нами любопытныя обстоятельства. Благодаря нѣкоторымъ ораторскимъ неосторожностямъ, Европа могла ясно проникнуть въ намѣренія Англіи и увидать, что интересы свободы и просвѣщенія составляютъ только обманчивую маску, подъ которою скрываются торговыя и промышленныя безпокойства Великой Британіи.

Европа узнала еще кое-что. Ей извѣстно теперь несомнѣннымъ образомъ, что подъ британскою спѣсью скрывается глубокая нищета. Въ то время, когда учреждаютъ общества, *для уничтоженія Севастополя*, Англія, истощивъ всѣ свои средства, только съ большимъ трудомъ собираетъ пять тысячъ человѣкъ, которыхъ привлекаетъ поступить въ военную службу гораздо

болѣе денежная награда, чѣмъ патріотизмъ. Въ Парламентѣ поднялось двадцать голосовъ на оплакиваніе и проклинаніе этой войны, которая уже стоила столько крови, не доставивъ союзникамъ никакихъ выгодъ. Духъ древняго Карѳагена пробуждается: онъ хочетъ купить за свои деньги наемныхъ бойцевъ, которые бы позволили себя убить, въ честь Манчестерскихъ и Бирмингэмскихъ произведеній. Такъ понимаетъ Англія соціальный прогрессъ и святость своего дѣла.

Впрочемъ, время гаскониадъ, кажется прошло; картечь и тифъ научили Англію смиренію, и зима съ бурями и холодомъ представляетъ будущее въ менѣе радужныхъ краскахъ, чѣмъ лордъ Пальмерстонъ въ своей рѣчи. Уже не думаютъ о временномъ лагерѣ съ бараками, но принялись строить серьёзно хорошіе дома вокругъ Севастополя. Это мысль хорошая, и она доставитъ трудъ работникамъ, когда они окончатъ этотъ политическій отводъ, называемый Лувромъ.

И такъ, Восточный вопросъ входитъ теперь въ тотъ смѣшной періодъ, черезъ который проходятъ всѣ человѣческія дѣла, какъ бы они ни были серьёзны. Патріотизмъ начали теперь возбуждать денежными поощреніями. Англія, позабывшая проклятія, которыми лордъ Чэтамъ преслѣдовалъ Гессенскихъ наемниковъ, употребленныхъ въ войнѣ съ Америкою, снова откры-

ваетъ рынки, на которыхъ прежде маленькіе германскіе князья продавали своихъ подданныхъ, съ платою трехъ тысячъ флориновъ за всякого солдата, или скорѣе бандита.

Здѣсь война приняла чисто комическій характеръ, и, если вы хотите составить себѣ вѣрное понятіе о нынѣшней политикѣ, читайте Лафонтена и Мольера. У Лафонтена вы найдете всѣ эпизоды этой борьбы, которую преимущественно характеризуютъ обманъ, лицемѣріе и лукавство. Лафонтенъ и Мольеръ написали въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ будущую исторію человѣческой политики, и представили подъ смѣшною, но всегда глубоко-задуманною формою, всѣ политическія событія, которыя совершаются передъ нами въ настоящее время.

24 декабря 1854.

XXX.

КРАСНОРѢЧІЕ И ПРАВДИВОСТЬ ЦЕЗАРЯ.

Имперія есть *миръ*, сказаръ Цезарь; но слова его оказались ложными. Не обѣщалъ ли онъ также защищать *свободу Запада*? Но всякой знаетъ,

какъ онъ ее защищалъ, начиная со счастливаго для него дня 2 декабря.

Согласно съ учрежденіями 89 года, Цезарь счелъ себя обязаннымъ объяснить своимъ вассаламъ причины и послѣдствія этой Восточной войны, въ которой Франція дерется за промышленные интересы Англіи, и въ этомъ *speech*, произнесенномъ августѣйшими устами Цезаря, мы находимъ презрительную насмѣшку надъ исторіею и несообразности, въ родѣ слѣдующихъ:

«Одна великая имперія, помолодѣвшая въ слѣдствіе рыцарскихъ чувствъ своего государя, отдѣлилась отъ державы, которая, въ продолженіе сорока лѣтъ, угрожала независимости Европы. Австрія заключила теперь оборонительный союзъ, и, можетъ быть, скоро заключитъ наступательный союзъ, который соединитъ ее съ интересами Франціи и Англіи.

«И такъ, господа, чѣмъ болѣе война продолжается, *тѣмъ болѣе увеличивается число нашихъ союзниковъ*, и тѣмъ сильнѣе скрѣпляются прежнія связи.»

Право, Александръ Дюма теперь навсегда уничтоженъ! Благодаря новой историко-романтической школѣ, уже дошли было почти до полнаго доказательства, что Равальякъ палъ отъ кинжала Генриха IV-го, а г. Моражъ началъ насъ увѣрять, что Францискъ I-й, выигралъ сраженіе при Павіи. Но эти историческія смѣло-

сти—ничто передъ дерзостью Бонапарта, который, отвергая совершенно въ нѣсколькихъ словахъ исторію и бросая на нее новый свѣтъ, доказываетъ намъ, что Восточная война должна спасти независимость Европы, *которой болѣе, чѣмъ сорокъ лѣтъ, угрожаетъ Россія.*

Оскорбленные и ограбленные Испанцы,—опозоренные и потерпѣвшие столько бѣдствій Пруссаки, подвергнувшіеся наконецъ презрѣнію Голландцы, — униженные и подавленные Австрійцы,—обманутые Бельгійцы,—вся Европа, склонившаяся подъ позорнымъ и кровавымъ игомъ первой имперіи! встаньте вы всѣ, и передъ Европою, приведенною въ негодованіе этою лицемѣрною ложью, скажите, кто въ продолженіе этихъ сорока лѣтъ, Франція или Россія, была вашею непріятельницею?

Нужно ли припоминать здѣсь кровавую лѣтопись имперіи, для доказательства, что одна Франція (мы понимаемъ злѣсь Францію, подчиненную Бонапартамъ) была въ продолженіе тридцати лѣтъ непріятельницею независимости, чести, благосостоянія и свободы европейскихъ народовъ? Нужно ли говорить здѣсь, что, въ продолженіе двадцати лѣтъ, Германія и Австрія проливали кровь, чтобы сломать Наполеоновскую шпагу, которая выпала изъ окровавленныхъ рукъ новаго Аттилы только тогда, когда Россія приняла участіе въ борьбѣ и раздавила своею желѣзною пя-

тою Бонапартовскаго орла, стремившагося къ обладанію міромъ?

Пораженіе 1812 года, ударъ, нанесенный дерзкому владычеству Наполеона, стремившагося къ раздѣленію Европы на префектуры, управляемыя оверискими и гасконскими проконсулами, вотъ, что́ тяготитъ душу племянника и что́ продиктовало эти неловкія и лживыя слова. Гордость дяди стоила потоковъ крови Франціи и Европѣ, а лживость племянника будетъ имѣть такія же послѣдствія.

Передѣлаемъ, какъ слѣдуетъ, слова Цезаря и скажемъ: Въ продолженіе тридцати лѣтъ, Франція была непріятельницею европейскихъ національностей и независимости Европы; въ продолженіе тридцати лѣтъ, она разрывала штыкомъ учрежденія и законы независимыхъ народовъ;— но наконецъ встала Россія, и, послѣ двадцати гигантскихъ битвъ, низвергнула врага Европы: Ватерлоо было сигналомъ къ избавленію міра и возрожденію свободы народовъ, которую второй Бонапартъ задушилъ недавно посредствомъ своихъ *кавасовъ* и *бостанджи*.

Вотъ, что́ бы долженъ былъ сказать Бонапартъ, еслибы онъ захотѣлъ говорить правду.

31 декабря 1854.

—

XXXI.

ЧИСТОСЕРДЕЧІЕ АНГЛО ФРАНЦУЗСКАГО СОЮЗА.

Конечно, только приближеніе большой опасности могло въ нѣсколько дней изгладить изъ памяти Англіи всѣ воспоминанія ея исторіи, которая, отъ Эдуарда III до Веллингтона, представляетъ рядъ войнъ противъ Франціи; конечно, эта опасность была очень большая, если она принудила Англію открыть передъ Европою свою тайную слабость, которую ей удалось скрыть до сихъ поръ! Нѣсколько времени тому назадъ, она называла Россію колоссомъ съ глиняными ногами, и теперь, для защиты отъ нея, должна обнажить свою бѣдность и слабость передъ глазами тѣхъ, которыхъ недавно еще называла побѣжденными при Ватерлоо.

Но пусть не ошибаются: въ политикѣ, какъ и въ химіи, соединяются только тѣ тѣла, между которыми есть сродство и симпатія. Напрасно лордъ Пальмерстонъ и г. Бонапартъ размѣниваются въ своихъ журналахъ самыми трогательными названіями; напрасно *Times*, который знаетъ, что̀ болитъ у Англіи, истощаетъ всевозможныя похвалы своимъ *храбрымъ союзникамъ*: все это похоже на гримасы, которыя покрываютъ веселымъ выраженіемъ только поверхность лица, и не производятъ никакого измѣненія въ глубинѣ

сердца. Если вы хотите знать, дѣйствительно ли существуетъ франко-англійскій союзъ, или онъ— только временная политическая ложь, отправьтесь въ народные кварталы Лондона, заговорите тамъ по-французски, и вы услышите тамъ привѣтствіе *french dog*, какъ будто Восточный вопросъ происходитъ въ министерство г. Тіера.

Въ театрахъ, въ *puppets-shows*, Французъ, какъ во времена короля Георга, представляется въ видѣ парикмахера, питающагося бульономъ изъ лягушекъ, съ жабо, но безъ рубашки.

Какъ бы ни старалась политика, но она никогда не изгладитъ, для своихъ интересовъ вѣковой антипатіи и соперничества, которыя, можетъ быть, суть необходимые двигатели въ исторіи развитія человѣчества. Не Карѳагенъ ли произвелъ величіе Рима, и не борьба ли съ Наполеономъ возвела Англію на степень первоклассной континентальной державы и дала ей такое вліяніе на европейскіе кабинеты? Не ненависть ли Испанца къ Мавру была причиною могущества Испаніи въ XVI и XVII столѣтіяхъ?

Пусть же перестануть дѣлать эти дружественныя гримасы, посредствомъ которыхъ въ оффиціальныхъ отношеніяхъ стараются обмануть другъ друга; ложь, какъ бы ни старались, не проникнетъ въ народные круги, ни во Франціи, ни въ Англіи, и тотъ день будетъ прекрасенъ равно

для англійскаго, какъ и для французскаго моряка, когда ихъ флаги начнутъ между собою снова на Океанѣ ту вѣковую борьбу, воспоминаній о которой не могли изгладить фразеологія и дипломація ни въ Оркадскомъ рыболовѣ, ни въ Пенмарскомъ морякѣ.

Одинъ писатель, пролившій много свѣта, въ недавно изданной брошюрѣ, на эту темную интригу, которую называютъ Восточною войною, разсуждаетъ такъ о причинахъ, произведшихъ этотъ внезапный англо-французскій союзъ, который возбудилъ столько удивленія въ столькихъ мыслителяхъ:

«Наполеонъ объявилъ въ Бордо, этомъ городѣ, который, 12 марта 1814 года, первый открылъ ворота Бурбонамъ, что имперія есть миръ. Но этотъ новый миролюбивый Александръ имѣлъ Парменіоновъ, которые переводили и объясняли его мысль, и г. Фьяленъ-де-Персиньи говорилъ всѣмъ: «Нѣтъ, имперія не есть миръ. «Имперія можетъ существовать только при помощи войнъ, и притомъ счастливыхъ».

«И такъ, миръ былъ только оффиціальнымъ паролемъ; но на Елисейскихъ совѣщаніяхъ, гдѣ было обдумано столько интригъ, гдѣ получило начало столько заговоровъ, обдумывали уже, на какую европейскую державу обрушить первое мщеніе за Ватерлоо. Англія была у самыхъ дверей Франціи, и пароходъ могъ въ короткое

время перейдти тотъ проливъ, который удерживалъ столь долго Бонапарта на Булонскомъ берегу. Англичане, смѣявшіеся прежде на своемъ острову надъ угрозами дяди, испугались намѣреній племянника.

«Имъ разсказывали, что на Елисейскихъ ужинахъ болѣе всего говорили о томъ, чтобы взять съ Великой Британіи три милльярда, въ наказаніе за островъ Св. Елены, и Англія, которая никогда не бываетъ щедра, ни на страхъ, ни на золото, начала вдругъ бросать сто милліоновъ на безполезныя укрѣпленія.

«Она стала укрѣплять свои континентальныя связи, и употребляла всѣ усилія своей политики, чтобы предотвратить эту бурю. Если во Франціи существовала и существуетъ какая нибудь антипатія, будьте увѣрены, что она исключительно направлена противъ Англичанъ. Чтобы стрѣлять въ Нѣмца или Русскаго, Франція должна поднести зажженный фитиль къ своимъ пушкамъ; *противъ Англичанина этотъ выстрѣлъ произойдетъ самъ собою.*»

Прочтите эти двѣ послѣднія строки передъ англійскимъ и французскимъ экипажами, и восторженное ура подтвердитъ справедливость этихъ словъ. Что же касается непредвидѣнной нѣжной любви, которую почувствовали другъ къ другу Франція и Англія, мы покажемъ здѣсь, — въ какой степени можно повѣрить ея чистосердечію.

Посѣщавшіе Брюссель не могли не замѣтить очень комфортабельный дилижансъ-омнибусъ, запряженный четырьмя прекрасными лошадьми; имъ правитъ кучеръ, котораго страсть къ путешествіямъ приковала къ козламъ этого дилижанса, хотя музыкальный талантъ могъ бы дать ему мѣсто перваго *cor solo* въ Королевскомъ театрѣ. Всякой день, какая бы ни была погода, хотя бы падалъ проливной дождь, хотя бы жгло тропическое солнце, хотя бы снѣгъ покрывалъ землю, этотъ экипажъ проѣзжаетъ мимо гостинницъ, въ которыхъ остановились Англичане. При звукѣ кондукторской трубы, Англичанинъ бросаетъ свою вилку (что̀ есть очень важный симптомъ), и вскрикиваетъ: *By God! there is the coach for Waterloo!*

Ватерлоо и Веллингтонъ, этотъ желѣзный герцогъ (*the iron duke*), какъ называетъ его англійская гордость, вотъ два имени, которыя произноситъ англійскій туристъ, въѣзжая на бельгійскую землю. Ватерлоо! это кровавая пальма, которую отняла Англія у первой имперіи, послѣ долгой и безпощадной войны, — войны, въ которой Карѳагенъ восторжествовалъ надъ Римомъ, которая возвратила миръ и свободу Европѣ, и даровала Англіи страшную славу—держать, въ продолженіе пяти лѣтъ, какъ пойманнаго коршуна, человѣка, сдѣлавшаго изъ Европы обширное кладбище.

Ватерлоо! это для Англичанина синтезисъ его національной гордости, самая блестящая страница его современной исторіи, и Веллингтонъ для него — то же, чѣмъ былъ для Римлянъ Маріи, послѣ пораженія Кимвровъ, и Аэціи, послѣ спасенія имъ Италіи отъ гуннскаго нашествія. Веллингтонъ для Англичанина — представитель британской храбрости, спокойной, самоувѣренной, упорной, не оставляющей ничего на произволъ счастія.

И такъ, въ то время, какъ правительства Франціи и Англіи стараются обмануть другъ друга дивирамбами и привѣтствіями, въ которыхъ можно найдти все, кромѣ довѣренности; въ то время, какъ Е. В. Бонапартъ провозглашаетъ *hip* и *hurrah* въ честь королевы Викторіи, что́ дѣлаютъ французскій и англійскій народы, слѣдуя инстинкту своихъ натуръ?

Французъ, для котораго Наполеонъ III кажется логическимъ послѣдствіемъ Наполеона I; Французъ, провозгласившій имперію 2-го декабря, въ ожиданіи, что Англичанамъ отмстятъ за Ватерлоо; — Французъ, говоримъ мы, не понимаетъ ничего въ настоящее время! Но, такъ-какъ думать иначе, чѣмъ приказываетъ Бонапартъ, есть преступленіе, ведущее въ Кайэнъ, то Французъ и живетъ въ дружбѣ съ Англичаниномъ, почти такой же, какъ собака и кошка, когда ихъ принуждаютъ къ тому ударами.

Англичанинъ болѣе свободенъ и не получаетъ подобныхъ приказаній отъ своей королевы; но онъ знаетъ, что цѣль Восточной войны есть *спасеніе англійской казны;* Англичанинъ, пока находится во Франціи, кричитъ *vive l'Empereur!* и говоритъ съ чувствомъ, впрочемъ при помощи *whiskey*, о своихъ добрыхъ и благородныхъ друзьяхъ Французахъ; но дайте ему только переступить черезъ границу, пріѣхать въ Брюссель, — первою заботою его будетъ выполоскать ротъ, произнесшій *vive l'Empereur!*, посредствомъ своего: *Waterloo! the eternal glory of dear old England!* Пусть идетъ дождь или снѣгъ, едва только протрубитъ кондукторская труба, какъ онъ спѣшитъ садиться въ карету Г. Суффеля. Черезъ два часа послѣ того кучеръ останавливаетъ экипажъ въ геройской грязи Ватерлоо.

У каждаго въ рукѣ планы, карты, книги: вожатый этихъ туристовъ, старая лисица, продалъ уже англійскимъ пилигримамъ 1287 шляпъ Наполеона, 12 или 15 тысячъ шпагъ Камброня, сказавшаго при Ватерлоо эти прекрасныя слова: «Гвардія умираетъ, но не сдается.» Этотъ чичероне ведетъ туристовъ черезъ поле, на которомъ посаженъ картофель, и говоритъ имъ: «Здѣсь сказалъ лордъ Веллингтонъ своимъ солдатамъ, проспвшимъ у него нѣсколько минутъ отдыха: вы, я, и всѣ мы, которые тутъ находимся, должны умереть на томъ мѣстѣ, гдѣ насъ поставила Англія.» При этихъ словахъ Англи-

чане наполняютъ обыкновенно свои карманы картофелемъ, который они называютъ въ Англіи *Wellington's potatoes*.

Съ картофельнаго поля чичероне ведетъ ихъ въ то мѣсто, гдѣ *стояло* дерево, на которое облокотился Наполеонъ, когда ему объявили о прибытіи Блюхера. Все это обширное поле, обнимающее болѣе шести миль въ окружности, — для Англичанина священная земля, по которой онъ ступаетъ съ благоговѣніемъ, потому что она пропитана кровью народовъ, соединившихся для уничтоженія Наполеоновскаго орла, разорявшаго Европу въ продолженіе пятьнадцати лѣтъ.

Ватерлоо, который для Француза, пропитаннаго ядомъ бонапартизма, — синонимъ позора и народнаго стыда, для Англичанина составляетъ блестящую эпоху: — эпоху свободы, чести и національности народовъ Запада, вышедшихъ побѣдоносными изъ этой продолжительной борьбы съ Французскимъ владычествомъ. Ватерлоо — такое имя, звуки котораго горьки для устъ Француза и отзываются чѣмъ то необыкновенно пріятнымъ въ устахъ Англичанина. Слѣдите за Англичаниномъ, пріѣхавшимъ въ Бельгію: первое слово, которое онъ произноситъ, — Ватерлоо, первая его прогулка направлена къ тому холму, съ вершины котораго символическій левъ германскихъ народовъ обращаетъ постоянно взгляды на Францію,—не для

того, чтобы вызывать ее на бой, но чтобы напоминать, какъ Западъ наказываетъ тѣ народы, которые хотятъ воскресить гордость и дерзкіе виды императорскаго Рима.

И такъ, прославляйте погромче этотъ англійскій союзъ. Вотъ, что̀ написалъ одинъ французскій писатель о Ватерлоо, которое представляется всякой разъ въ воображеніи, когда слышишь имена Франціи и Англіи вмѣстѣ:

«До сихъ поръ, послѣ сорока лѣтъ, поле нашего пораженія есть священное мѣсто, на которомъ гордая Англія воспѣваетъ ежедневно *Te Deum* своей гордости.

«До сихъ поръ, послѣ сорока лѣтъ, побѣда надъ французскою арміей остается для одной изъ первыхъ націй міра неистощимою пищею радости.»

Вотъ—какъ Франція, честная, умная, то есть не Франція 2-го декабря, смотритъ на англійскій союзъ. Она подобна Римлянину, никогда не забывающему битвы при Каннахъ и обдумывающему, какъбы изгладить слѣды этого пораженія. Если вы хотите знать, какъ англійскій народъ, не народъ оффиціальный, но народъ тавернъ, *workshops*, смотритъ на англо-французскій союзъ, сойдите на нѣсколько минутъ въ таверны Сити. Тамъ вы увидите, что англосаксонская ненависть къ Франціи, одушевлявшая великихъ людей отъ Эдуарда III до Веллингтона,

готова пробудиться съ новою силою, при первомъ незначительномъ случаѣ.

Для Англіи уже большое несчастіе — то, что она показала Франціи слабость своей военной организаціи и недостатокъ въ людяхъ: вторая имперія приметъ это къ свѣденію, когда политическій вѣтеръ перемѣнитъ направленіе союзныхъ знаменъ.

7 января 1855.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе Бельгійскаго издателя.	5
I. Восточная война	7
II. Добродѣтель честной Англіи	10
III. Образованная Турція.	15
IV. Англо-Французскій союзъ и Турецкій вопросъ.	21
V. Россія на дорогѣ въ Индію	27
VI. Франко-Англійскій союзъ	35
VII. Успѣхи и реформа исламизма.	40
VIII. Восточная война въ отношеніи къ нейтральнымъ	51
IX. Европейская война.	55
X. Тайныя причины.	60
XI. Нужно унизить всемогущество Россіи . .	72
XII. Что стоитъ Русскій плѣнный.	78
XIII. Какъ Бонапартъ защищаетъ свободу Запада?	82
XIV. Взятіе Севастополя Татариномъ	87
XV. Почему мы не желаемъ успѣха Крымской экспедиціи?	100
XVI.	107
XVII. Опасныя послѣдствія Восточной войны. .	110
XVIII. Награда Людовика-Наполеона Англійскою подвязкою.	112
XIX. Новая запутанность Восточнаго вопроса. .	114
XX. Они неисправимы!	116
XXI. Осада Севастополя.	117
XXII. Новый Карѳагенъ.	123
XXIII. Турецкое просвѣщеніе.	128
XXIV. Крымскія убійства.	132
XXV. Трактатъ съ Австріей.	135
XXVI. Европейскіе кабинеты.	143
XXVII. Какой прекрасный билетъ у Франціи! . .	145
XXVIII. Восточная война	147
XXIX. Лафонтенъ и Мольеръ — публицисты . .	156
XXX. Краснорѣчіе и правдивость Цезаря. . .	158
XXXI. Чистосердечіе Англо-Французскаго союза.	162